Зиновьев

ЛИЦОМ К ДЕРЕВНЕ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН 131
Л 624

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА

Е
З
ЕН131
Л624 К+

Г. ЗИНОВЬЕВ

ЛИЦОМ К ДЕРЕВНЕ

СТАТЬИ И РЕЧИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД 1925 МОСКВА

Г. ФРЕНК

Г. ЗИНОВЬЕВ

ЕН 131
Л 624

ЛИЦОМ К ДЕРЕВНЕ!

СТАТЬИ И РЕЧИ

СБОРНИК

1-экз

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД—МОСКВА
1925

ЕН131
Л624

1057834 (248-1928) 3690с.1

Гиз. № 10686. Ленинградский Гублит № 921. 8³/₄ п. Отпеч. 10.000 экз.

СОДЕРЖАНИЕ.

стр.

Пролетариат и крестьянство. (Вместо введения) 5

I. На очереди.

Неурожай и наши задачи 31
На очереди 36

II. Рабоче-крестьянский союз не должен ослабнуть!

Где зарождается угроза союзу рабочего класса и крестьянства («Ревность» крестьян к рабочим) 49
Важнейшая задача С.С.С.Р. на восьмом году революции . . . 54

III. Партия и работа в деревне.

Мы не должны быть только партией города 59
Состояние деревни и наши задачи 64
Что решил Ц.К. партии по вопросу о деревне 73
Внимание всей партии—деревне! 76

IV. Комсомол и учительство в деревне.

Заветы Ленина и комсомольцы деревни 87
Комсомол в деревне 90
Учительство и крестьянство 98

V. Рабочий, лицом к деревне!

Задачи рабочего шефства 109
Профсоюзы и крестьянство 118
Рабкор и деревня 122
Работница и деревня 126

VI. Пролетарская революция и крестьянство.

Пролетариат и крестьянство в мировой революции 137

ПРОЛЕТАРИАТ И КРЕСТЬЯНСТВО.

Что означает лозунг «лицом к деревне»?

(ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ).

...Неслыханно забитое, раздробленное, придавленное, осужденное во всех самых передовых странах на полуварварские условия жизни, сельское население, будучи экономически, социально, культурно заинтересовано в победе социализма, способно решительно поддержать революционный пролетариат лишь после завоевания им политической власти, лишь после решительной расправы его с крупными землевладельцами и капиталистами, лишь после того, как эти задавленные люди увидят на практике, что у них есть организованный вождь и защитник, достаточно могучий и твердый для помощи и руководства, для указания верного пути.

Н. ЛЕНИН.

Крестьянство после завоевания власти пролетариатом.

Одной из наиболее характерных и вместе с тем наиболее сильных сторон ленинизма является то, что тов. Ленин, как никто другой, умел видеть взаимоотношения классов в их динамике. Вопрос о взаимоотношении пролетариата и крестьянства, например, ленинизм отнюдь не рассматривает, как раз навсегда данное, застывшее взаимоотношение. Основное различие, которое делает ленинизм: отношение крестьянства к пролетариату до завоевания власти рабочим классом и отношение крестьянства к пролетариату после завоевания власти рабочим классом. С этим критерием тов. Ленин подходит и к целому ряду других коренных проблем. В этом смысле ленинизм динамичен насквозь.

Коммунистический авангард рабочего класса борется с социал-демократией (рабочая аристократия, мелко-буржуазные попутчики) за рабочий класс. Рабочий класс, возглавляемый Коммунистической Партией, борется с буржуазией за крестьянство. К этим двум задачам можно в известном смысле свести всю работу большевизма даже в международном масштабе. Но одно дело бороться за беспартийную массу рабочих до завоевания власти пролетариатом, другое дело бороться за нее после завоевания власти. В такой же мере это относится к крестьянству. Одно дело бороться с империалистической буржуазией за крестьянство до завоевания политической власти пролетариатом; другое дело — после завоевания этой власти.

Существует важнейший документ, излагающий в самом концентрированном, в самом ясном виде взгляд ленинизма на отношение пролетариата к крестьянству. Этот документ есть кульминационная точка большевизма в вопросе о пролетариате и крестьянстве. Это, по нашему мнению, самый замечательный документ большевизма. Ибо этот документ, во-первых, пытается интернационализировать взгляды большевизма на крестьянство, т.-е. дать формулу, пригодную не только для русского большевизма, но и для большевизма международного (мы говорим о замечательной резолюции по крестьянскому вопросу, предложенной тов. Лениным на II Всемирном Конгрессе Коминтерна и принятой этим последним); а, во-вторых, и это, пожалуй, главное, этот документ писан тов. Лениным уже после трех лет существования диктатуры пролетариата в нашей стране. Документ этот, стало быть, обобщал уже на основании опыта русской революции взгляды ленинизма на взаимоотношения пролетариата и крестьянства после завоевания политической власти рабочим классом. Тов. Ленин расширял и обогощал свое учение прежде всего тем, что по свежим следам великих событий русской революции заново ставил и на основе марксизма разрешал крупнейшие проблемы международной пролетарской революции. А вопрос о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства, до и после завоевания власти пролетариатом, несомненно, принадлежит именно к числу таких коренных проблем.

В названном документе тов. Ленин писал, что социал-демократы не понимают «той истины, которая вполне доказана теоретическим марксизмом и вполне подтверждена опытом пролетарской революции в России — именно, что неслыханно заби-

тое, раздробленное, придавленное, осужденное во всех самых передовых странах на полуварварские условия жизни, сельское население, будучи экономически, социально, культурно заинтересовано в победе социализма, способно решительно поддержать революционный пролетариат лишь *после* завоевания им политической власти, лишь *после* решительной расправы его с крупными землевладельцами и капиталистами, лишь *после того*, как эти задавленные люди увидят *на практике*, что у них есть организованный вождь и защитник, достаточно могучий и твердый для помощи и руководства, для указания верного пути».

Этот тезис тов. Ленина бесспорно принадлежит к числу самых основных тезисов ленинизма.

В силу благоприятного стечения обстоятельств, крестьянство, в особенности вооруженная его часть — истомленная империалистической войной армия — оказало нам достаточно могучую поддержку в 1917 году. Непосредственно перед октябрем 1917 г. крестьянство поддержало нас всей массой. Лозунг «Долой войну» слился с лозунгом «Землю крестьянам» (гвоздь национальной революции по Ленину). Теперь, после завоевания власти, *если* мы упрочим свое экономическое руководство деревней, наступит целая *эпоха*, когда поддержка крестьянства будет нам обеспечена длительно и прочно. Поддержать пролетариат решительно и прочно, всерьез и надолго основная масса крестьянства по-Ленину способна именно после завоевания им политической власти. Это указание имеет громадное значение. Оно полно злободневности для нас, именно в нынешнюю новую фазу пролетарской диктатуры. Как раз теперь для нашего Союза Социалистических Республик и наступило то время, которое предусматривал тов. Ленин в указанном тезисе. Именно это надо понять прежде всего для того, чтобы отдать себе отчет в том, что означает теперь лозунг «лицом к деревне».

Тов. Ленин указывал всемирному пролетариату на то, что взятые вместе «три указанные выше группы (первая — сельско-хозяйственные рабочие, вторая — полупролетарии или парцелльные крестьяне, третья — мелкое крестьянство) составляют во всех странах

большинство деревенского населения». И тов. Ленин подчеркивал дальше в отношении к среднему крестьянству обязанность коммунистов для начала периода диктатуры пролетариата нейтрализовать его, а затем постепенно завоевывать значительную его часть на свою сторону.

Если все это было верно в 1920 г. для международного коммунизма, то во сколько же раз еще более верно и более важно все это для нас, для С.С.С.Р., в 1925 г.

Понимание этого тезиса тов. Ленина есть ключ ко всей тактике партии в настоящую эпоху. Если ты понял то, что говорил тов. Ленин об отношении крестьянства к пролетариату после прочного завоевания политической власти пролетариатом, тогда и только тогда ты поймешь лозунг «лицом к деревне», тогда и только тогда ты поймешь самое основное в политике ленинского Ц.К., тогда и только тогда ты поймешь, между прочим, и то, в чем заключается самое основное различие между тактикой нашего Ц.К. и более или менее ясно осознавшим себя троцкизмом или полутроцкизмом.

Коммунисты, рабочий класс и крестьянство.

В 1921 г., в одной из статей по поводу спора о роли и задачах профсоюзов в нашей стране, тов. Ленин писал:

«Коммунизм говорит: авангард пролетариата — коммунистическая партия—руководит беспартийной массой рабочих, просвещая, подготовляя, обучая, воспитывая эту массу — *сначала рабочих, а затем и крестьян*».

Эти слова опять-таки полны теперь самой животрепещущей злободневности. Сначала рабочие, а затем и крестьяне! В том-то и дело, что теперь наступает то время, когда нам приходится особенно подчеркнуть: а затем и крестьяне.

Мы никогда не будем вполне довольны своими достижениями в области организации и воспитания рабочих. Нам всегда будет казаться, что сделано еще недостаточно много. Так оно и быть должно. Но все же нет никакого сомнения в том, что партия наша стала теперь прочно властительницей дум всего рабочего класса. Об этом говорят многие факты: и ленинский призыв, и работа профсоюзов, и пионерское движение, и движение рабкоров, и многое, многое другое. Это дело более или менее обеспечено, оно находится на правильных рельсах. Мы подошли теперь вплотную ко второй половине формулы тов. Ленина: «а затем и крестьян».

Тов. Ленин не раз учил нас тому, что социализм нельзя делать руками одних коммунистов. Он многажды указывал на то, что после прочного овладения политической властью пролетарский авангард имеет пред собою длительную историческую задачу перевоспитания того «человеческого материала», который мы получаем в наследство от капитализма, т.-е. задачу длительного, требующего целой эпохи, перевоспитания трудящихся масс города и деревни к социализму.

К этому мы теперь подходим вплотную.

Разумеется, просвещение, обучение, воспитание, подготовление крестьянской массы к социализму должно происходить далеко не так, как воспитание рабочей массы городов. Все мы знаем, что решающую роль в деревне сыграет прежде всего трактор, кооперация, медленная, но прочная коллективизация сельского хозяйства, постепенное,но прочное доказательство крестьянам на живом долголетнем опыте преимуществ коллективного хозяйства перед индивидуальным. Мы говорим здесь пока не о способах и методах просвещения и перевоспитания крестьянства, мы говорим пока только о самой этой задаче просвещения, подготовки, переработки, воспитания крестьянских масс, — задаче, которая только сейчас становится перед нами, как одна из главнейших задач эпохи.

Надо это понять для того, чтобы отдать себе отчет в том, что означает лозунг «лицом к деревне». Лозунг этот ни в коей мере не является вульгарной ловлей крестьянских голосов. Дело идет не о том, чтобы просто «агитнуть» в крестьянстве. И лозунг этот не означает «крестьянского уклона». Он ни в коем случае не равносилен соскальзыванию на какую-то классовую передвижку в самом социальном содержании пролетарской диктатуры. Нет. Именно широко понятые, т.-е. по-ленински понятые, интересы подлинного закрепления диктатуры пролетариата требуют теперь того, чтобы партия ориентировала свою политику «лицом к деревне».

В этом смысле лозунг «лицом к деревне» есть не преходящий лозунг дня, а основная ориентация на целую фазу в развитии пролетарской диктатуры. Кто этого не понял, тот не понял ничего.

Лицом к деревне — всерьез, надолго, навсегда.

В вышеуказанном смысле лозунг «лицом к деревне» есть лозунг не только всерьез и надолго, но можно даже сказать

«навсегда», т.-е. до тех пор, пока социализм не победит у нас окончательно, станет реальностью в полном смысле слова. И чем больше социализм будет побеждать в нашем хозяйстве в городах, тем больше внимания мы будем уделять задаче переработки, переделки, перевоспитания деревни.

«Решительное признание прогрессивности больших городов в капиталистическом обществе нисколько не мешает нам включать в свой идеал (и свою программу действия, ибо неосуществимые идеалы мы предоставляем г.г. Струве и Бердяевым) уничтожение противоположности между городом и деревней. Неправда, что это равносильно отказу от сокровищ науки и искусства. Как раз наоборот: это необходимо для того, чтобы сделать эти сокровища «доступными всему народу», чтобы уничтожить ту отчужденность от культуры миллионов деревенского населения, которую Маркс так метко назвал «идиотизмом» деревенской жизни»

Так учил нас тов. Ленин. (Собр. соч., том IX, стр. 93.)

В программу нашей партии тов. Ленин внес пункт, в котором говорится:

«Р.К.П. видит в уничтожении этой противоположности одну из коренных задач коммунистического строительства и на-ряду с общими мерами считает необходимым широкое и планомерное привлечение промышленных рабочих к коммунистическому строительству в земледелии».

Все дело в том, чтобы понять: мы входим в ту фазу развития пролетарской диктатуры, когда именно в свете этих задач мы должны формулировать свою ближайшую политическую тактику по отношению к деревне. Не в том дело, чтобы мы не видели опасностей перерождения пролетарской диктатуры в сторону мелкой буржуазии, не в том дело, чтобы мы не видели опасностей превращения рабочего государства в царство ограниченного деревенского мещанства. Все эти опасности мы видим. А дело в том, чтобы правильной политикой по отношению к деревне теперь окончательно закрепить политическую власть пролетариата и подготовить действительную возможность на хозяйственных путях переделать деревню, — разумеется, путем длительной работы в течение ряда лет.

В этом смысле, повторяем, лозунг «лицом к деревне» есть не преходящий, а «вечный» лозунг, который не может сойти

со сцены, вплоть до полной хозяйственной победы социализма в нашей стране. В этом же смысле следует понимать то, что тов. Ленин писал в своих последних статьях о кооперировании крестьянства, о кооперативном «строе», о мирном проникновении социализма в деревню.

Говоря так, мы нисколько не впадаем в национальную ограниченность. Мы прекрасно знаем, что окончательно хозяйственная победа социализма в нашей стране возможна только с победой пролетарской революции еще в нескольких решающих странах мира. Противопоставлять национальную (в ленинском понимании этого слова, т.-е., как обще-народную, глубоко захватывающую «низы» всей нации) революцию интернациональной, как это делал иногда т. Троцкий, значит ставить вопрос не в духе ленинизма. Та постановка вопроса, которая ныне находит свое выражение в формуле «лицом к деревне», ни в коем случае не исключает, а предполагает тактику международной пролетарской революции.

«Спасение возможно только на том пути международной социалистической революции, на который мы вступили», — так писал т. Ленин в статье «Главная задача наших дней» (том XV, стр. 165 — 166), подходя к обоснованию своей теории передышки.

«Наша задача, поскольку мы одиноки, в том, чтобы революцию удержать, сохранить за нею хоть некоторую крепость социализма, каких бы слабых и умеренных размеров она ни была, пока назревает революция в других странах, пока подходят другие отряды. Но ждать от истории, что она двинет социалистические отряды разных стран в строгой постепенности и планомерности, — значит понятия не иметь о революции, или, по глупости своей, отрекаться от поддержки социалистической революции». (Том XV, стр. 231 — 232.)

И отсюда тов. Ленин выводил заключение, что наша тактика «определяется, как тактика лавирования, выжидания и отступания». Эти взгляды сам тов. Ленин называл «теорией передышки».

«Если смотреть во всемирно-историческом масштабе, то не подлежит никакому сомнению, что конечная победа нашей революции, если бы она осталась одинокой, если бы не было революционного движения в других странах, была бы безнадежной. (Ленин, т. XV, стр. 129.)

«Мы придем к окончательной победе только тогда, когда нам удастся сломить, наконец, окончательно международный импе-

риализм, опирающийся на грандиозную силу техники и дисциплины». (Т. XV, стр. 187. Из речи в Моск. Совете 23 апреля 1918 г.)

«Мы всегда определенно говорили, что прочной не может быть эта победа, если только ее не поддержит пролетарская революция на Западе, что правильная оценка нашей революции возможна только с точки зрения международной. Для того, чтобы добиться того, чтобы победить прочно, мы должны добиться победы пролетарской революции во всех или по крайней мере в нескольких главных капиталистических странах, и после трех лет ожесточенной упорной войны мы видим, в каком отношении наши предсказания не оправдались и в каком отношении оправдались... Оказалось, что ни победы, ни поражения, ни та, ни другая сторона, ни Советская Российская Республика, ни весь остальной капиталистический мир для себя не получили, и в то же время оказалось, что если наши предсказания не исполнились просто, быстро и прямо, то они исполнились постольку, поскольку дали нам главное, ибо главное было то, чтобы сохранить возможность существования пролетарской власти... даже в случае затяжения социалистической революции во всем мире». (Т. XVIII, ч. II, стр. 189, из речи «Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии». Моск. губ. парт. конференция, 20 ноября 1920 г.)

Таковы были взгляды тов. Ленина. Даже он с его гениальной интуицией в самом начале нашей революции переоценивал темп развития международной пролетарской революции; даже он (как, впрочем, в свое время и Маркс) в начале революции считал месяцами там, где надо было считать, по крайней мере, годами. Еще в знаменитом «Письме к американским рабочим» (20 августа 1918 г.) тов. Ленин писал:

«Мы знаем, что европейская пролетарская революция может и не разгореться еще в ближайшие недели (курсив наш), как ни быстро зреет она в последнее время. Мы ставим ставку на неизбежность международной революции, но это отнюдь не значит, что мы, как глупцы, ставим ставку на неизбежность революции в определенный короткий срок... Мы находимся в осажденной крепости, пока на помощь нам не подошли другие отряды международной социалистической революции» (Том XV, стр. 414.)

И в то же время тов. Ленин умел еще в первые же недели октябрьской революции объяснить нам, почему не оправдались предсказания Маркса и Энгельса, что «француз начнет, а немец

доделает», почему именно «дела сложились иначе, чем ожидали Маркс и Энгельс, они дали нам, русским трудящимся и эксплоатируемым классам, почетную роль авангарда международной социалистической революции, и мы теперь ясно видим, как пойдет далеко развитие революции; русский начал, — немец, француз, англичанин доделает, и социализм победит»... (Ленин, т. XV, стр. 88.)

Уже очень скоро тов. Ленин начал оценивать фактор «время» более точно.

... «Революция придет не так скоро, как мы ожидали. Это история доказала. Это надо уметь взять, как факт. Надо уметь считаться с тем, что мировая социалистическая революция в передовых странах не может так легко начаться, как в России.... В такой стране начать революцию было легко; это значило поднять перышко... Там мы еще только подходим к мучительному периоду начала социалистических революций», — так говорил тов. Ленин на VII съезде партии (Ленин, т. XV, стр. 132.)

Уже в «Детской болезни левизны» (1920 г.) тов. Ленин предвидел, что «после победы пролетарской революции хотя бы в одной из передовых стран наступит, по всей вероятности, крутой перелом, именно: Россия сделается вскоре после этого не образцовой, а опять отсталой (в «советском и социалистическом» смысле) страной». (Ленин. Том XVII, стр. 115.)

Фактор «время» все мы научились теперь оценивать более реалистически. Этому научился теперь весь Коминтерн. Оставаясь международными пролетарскими революционерами—ибо без этого нет ленинизма,—мы знаем прекрасно, что окончательная прочная победа у нас (т.-е. в С.С.С.Р.) возможна только после победы социализма в нескольких решающих странах. И именно потому, что мы ставим вопрос о тактике нашей партии в нынешний период пролетарской диктатуры в свете задач международных пролетарских революционеров, именно поэтому мы выдвигаем теперь лозунг «лицом к деревне», как лозунг «всерьез и надолго».

Не забудем того, что говорил тов. Ленин о возможности и даже вероятности нового цикла войн, направленных против нашего Союза Социалистических Республик. В международной обстановке за последнее месяцы проскальзывает не мало черт, напоминающих нам именно об этой перспективе. Нет никакого сомнения в том, что если бы нашему Союзу С.С.Р. пришлось вновь выдержать пря-

мой военный натиск империализма,—исход этих боев решился бы прежде всего двумя факторами: 1) отношением международного рабочего класса к нам, 2) отношением крестьянства С.С.С.Р. к пролетарской диктатуре в новой обстановке.

Именно в свете этих больших тактических задач должны мы разрешить теперь и текущие общеполитические, и хозяйственные вопросы, составляющие сердцевину нашей тактики. Успех нашей тактики определяется теперь не взаимоотношением пролетариата и крестьянства «вообще», а отношением крестьянства к рабочему классу нашей страны после завоевания и упрочения политической власти пролетариата.

Новая фаза во взаимоотношениях рабочего класса и крестьянства.

Новое в этой фазе заключается в том, что мы вплотную подошли к хозяйственным вопросам. Прочность рабоче-крестьянского блока теперь определяется в первую голову, если не исключительно [1]), хозяйственными успехами, реальными хозяйственными достижениями.

Было время, когда прочность союза между нашим рабочим классом и крестьянством определялась ходом гражданской войны. Нужно было сломить общего врага — белогвардейскую буржуазию и помещиков. В течение последних годов, непосредственно после окончания гражданской войны, крепость этого союза в значительной мере определялась нашей международной политикой. В этой области экзамен сдан нами вполне удовлетворительно. Крестьянин чувствует и знает, что наше правительство ведет правильную и выгодную для крестьянства международную политику: 1) освободило его от кабалы, в которую он попал бы, если бы ему пришлось выплачивать царские долги; 2) не затевает войн; 3) содержит не слишком большую армию; 4) завоевало серьезного союзника в лице международного рабочего класса; 5) неуклонно увеличивает удельный вес С.С.С.Р., как великой державы на международной арене.

---

[1]) Разумеется, не следует преуменьшать и значений оживления Советов, улучшения низового аппарата, уничтожения произвола, проведения подлинного добровольчества в кооперации и т. д.

А вот теперь мы держим другой экзамен.

Через экзамен гражданской войны рабоче-крестьянский блок прошел успешно. Через экзамен международной политики блок этот прошел (и проходит) тоже достаточно успешно. Каждый крестьянин, думающий об этих вопросах, знает, что гражданскую войну против помещиков и буржуазии коммунисты провели хорошо и что международную политику они ведут правильную.

А вот убежден ли в этом же наш крестьянин, когда вопрос ставится о вопросах хозяйственных? Считает ли этот крестьянин, что и хозяйство мы, коммунисты, ведем столь же хорошо, как вели гражданскую войну и международную политику?

Нет, этого еще нет.

И в этом центр вопроса.

Сейчас рабоче-крестьянский блок проходит через испытания на хозяйственном и культурном фронте (школа).

Близко время, когда наше хозяйство дойдет, наконец, до до-военного уровня. Уже через два-три года мы в ряде областей начнем переходить через этот уровень. Тогда-то по настоящему и возникнет вопрос о том, «куда же мы растем», т.-е. куда растет наша экономика, — к социализму ли? Когда наша советская экономика дойдет количественно до до-военного уровня (в том числе и сельское хозяйство, и кооперация), т.-е. когда налицо будет хозяйственное «насыщение» примерно в размерах 1913—1914 г.г., тогда-то и встанет ребром вопрос: кто кого? Мы ли окончательно победили новую буржуазию, или новая буржуазия закрепилась на первых позициях, чтобы наступать на нас дальше? Этот вопрос стоит в значительной мере уже и сейчас. Пока что с полным убеждением можно сказать только одно: если мы будем вести правильную ленинскую политику, т.-е. если наш политический подход к крестьянству будет вполне правилен, если мы попрежнему будем укреплять главные командные высоты (индустрия, банки и т. п.), — то-есть все шансы на то, что победа окончательно будет наша, и само крестьянство с определенного момента развития окончательно убедится в том, что пролетарская власть является для него самой желательной и самой выгодной властью и в хозяйственной области.

А пока что вопрос всех вопросов заключается именно в том, чтобы суметь благополучно провести рабоче-крестьянский блок и через нынешнюю фазу взаимоотношений рабочего класса с крестьянством.

Отсюда вытекают следующие основные практические задачи нашей политики в деревне.

1. Политика цен. Еще и еще раз политика дешевых цен. Еще и еще и еще раз политика дешевых цен. Снижение цен на продукты городской промышленности—во что бы то ни стало. Смелая и решительная политика в этом направлении без малейших колебаний, — разумеется, в меру экономически возможного (условия производства, себестоимость и пр.) [1]).

2. Вопросы землеустройства и землепользования. Энергичнее «устраивать» землю, считаясь с местными условиями, действуя на каждом шагу в возможно более тесной связи с крестьянской массой. Сделать абсолютно все необходимое для того, чтобы формы землепользования обеспечили крестьянину большую прочность хозяйства, чтобы он мог без оглядки вкладывать в обрабатываемую им землю весь свой труд и все свои ресурсы, чтобы он мог прочнее строить свой собственный бюджет.

3. Улучшить политическую обстановку в деревне, т.-е. действительно оживить сельские и волостные советы. Обеспечить крестьянам возможность проводить значительное количество беспартийных в эти советы. Повести систематическую кампанию против произвола и за советскую законность.

4. То же в еще большей степени относительно кооперации. В настоящий момент кооперация у нас частенько является госторговлей № 2, обнаруживающей тенденцию кооперировать население, но еще на деле его не кооперирующей. Подлинное добровольчество и настоящая выборность в кооперации стоят на очереди ближайшего дня.

5. Серьезная реформа в области налоговой системы и максимально возможное уменьшение количества налогов для деревни.

---

[1]) В одном крестьянском письме от тов. Аниконова мы прочли следующий маленький прейс-курант (сопоставление цен до войны и теперь):

Сапоги 5 руб., но не 18, ситец 10, не 50 коп., сукно 4 руб., не 12, махорка 6 коп. четверка, не 18 коп., спички 5, не 20 коп., керосин 2, не 7 коп., соль 30 коп. пуд, не 1 руб. 20 коп., телега стоила 3 руб., не 10 руб., стан колес 10 руб., теперь 30 руб., подковка лошади 15 коп., теперь 1 руб. 20 коп., сахар 14 коп., не 35 коп. и т. д.

Что мы можем на это возразить?

Факты указаны более или менее верно. Объяснений можно привести много. Но крестьянин хочет не «объяснения», а изменения этих цен.

6. Серьезно поставить и разрешить вопрос о снижении накладных расходов внешторга — с тем, чтобы монополию внешней торговли сделать более выгодной для крестьянина.

7. Хорошая сельская школа.

8. Массовая крестьянская газета. Первые успехи достигнуты. Мы имели в С.С.С.Р. на 1 ноября 1924 г. всего 583 газеты, в том числе крестьянских — 135. Из общего тиража в $6^1/_2$ миллионов тираж крестьянских изданий равнялся 1.300.000. Но это только начало. Газеты становятся у нас теперь коллективным организатором, действительным руководящим центром. Газета начинает играть у нас ту роль, которую проповедывал для большевистских органов печати тов. Ленин на заре большевизма в своем «Что делать?» — только в масштабе, гораздо более грандиозном, чем мог мечтать кто бы то ни было из нас. Двинуть это дело с большим размахом — крупнейшая задача партии.

9. Деревенский комсомол. Буйный рост комсомольских организаций в деревне неизбежен. Уже сейчас Р.Л.К.С.М. насчитывает на 6.000 рабочих ячеек 24.000 ячеек деревенских. Рост этот — отрадное явление. Нужно только, разумеется, вовремя принять меры, чтобы движение не переросло через голову нашего союза и чтобы пролетарское влияние было обеспечено во что бы то ни стало.

10. То же в деле работы среди крестьянок.

Сельско-хозяйственный кредит, сельско-хозяйственная кооперация, селькор, сельская школа, сельская ячейка, комсомол, агрономия, мелиоративные работы (мы стали уже слегка позабывать то, что говорили на этот счет осенью нынешнего года, когда обнаружился неурожай, а между тем первые виды на урожай ближайшего года таковы, что нам ни в коем случае нельзя забывать о мелиоративных работах), сельская партъячейка, привлечение беспартийных крестьян деревни в сельсовет — вот те вопросы, которые стоят на очереди.

В свете этих проблем мы должны подготовить и провести ближайший III Всесоюзный Съезд Советов. В свете этих задач только и можно правильно оценить и всесоюзный учительский съезд.

Только такая политика ведет к подлинному укреплению государственной промышленности и к обеспечению ее дальнейшего подъема и роста. Только в свете этих задач мы можем добиться

Институт В. И. Ленина
№ 57334

подлинного роста, концентрации и увеличения социальной мощи промышленного пролетариата. Только так мы можем закрепить диктатуру пролетариата в условиях нэп'а. Все мнимо-радикальные фразы, трактующие крестьянство как «деревенщину», до которой только снисходит «истинный пролетарий», все мнимо-левые фразы о том, будто деревня есть только «колония» для пролетариата, — ничего общего с ленинизмом не имеют. Это — меньшевизм наизнанку [1]).

Социальный характер пролетарской власти должен остаться старым. Союз рабочего класса с крестьянством должен быть закреплен на новой стадии развития. Новые методы работы — старые ленинские основы политики.

Новая деревня и рост ее политической активности.

В 1920—1921 г.г. мы тоже видели рост политической «активности» тогдашней деревни. Он выразился в достаточно известных событиях в Сибири, затем в Кронштадте, затем в Тамбовской губ. и т. д. Это был рост «активности» на фоне падающего хозяйства, на фоне роста острого недовольства Советской властью. Это был первый (и будем надеяться — последний) большой внутренний кризис Советской власти, как характеризовал тогдашнее положение В. И. Ленин.

Теперь мы имеем рост политической активности деревни на фоне подымающегося хозяйства, на фоне экономически оздоровляющейся деревни. Теперь этот рост политической активности деревни вполне может пойти и пойдет по линии укрепления пролетарской диктатуры,—если только мы не наделаем больших ошибок, если мы ясно отдадим себе отчет в том, что бывает двоякого рода оживление политической активности деревни: «Тамбовско-Кронштадтское» и — нынешнее.

Новая деревня экономически крепнет. Посевные площади растут. Отдельные районы (например Украина) уже почти целиком подошли к уровню 1916 года. Да и в целом по всему С.С.С.Р. посевная площадь достигла уже 87% довоенной.

Быстрый рост сельско-хозяйственных, технических и рыночных культур стоит вне всякого сомнения. Скотоводство вот-вот

---

[1]) Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться со статьями г.г. меньшевиков о крестьянстве в последних номерах «Соц. Вестника».

достигнет уровня 1916 года. Даже неурожай 1924 года не остановил, а только замедлил темп роста сельского хозяйства. Деревня начинает питаться все более и более удовлетворительно. Деревня потребляла калорий в день на одного взрослого едока в 1919—1920 г.—3.594, в 1920—1921 г.—3.387, в 1921—1922 г.—3.053, в 1922—1923—3.819, в 1923—1924 г.—4.040. Количество безлошадных хозяйств падает, количество хозяйств с одной лошадью и с двумя лошадьми медленно, но все же растет.

Словом, новая деревня экономически поднимается. Если темп развития будет такой же, как до сих пор, — а может быть он будет даже возрастать, — то перспективы подъема сельского хозяйства поистине грандиозны.

Количество беспосевных хозяйств, маломощных, — убывает, а середняцкие хозяйства растут. Численно выросла середняцкая группа. Это подтверждают все цифровые данные за 1924 год.

«Лицом к деревне» — это не значит лицом только к середняку, но это, во всяком случае, значит лицом *и* к середняку, лицом *и* к середняку во что бы то ни стало. Октябрьская революция проходила под лозунгом: власть рабочих и беднейших крестьян. Но это не значит, что «беднейшие» крестьяне так навсегда и хотят остаться беднейшими. И, разумеется, наша задача тоже ни в коем случае не заключается в том, чтобы оставить их навсегда в числе беднейших. Крайние два полюса деревни несомненно растут. Пока-что местами растет и набирается сил кулак. Борьбу против него, в особенности в области экономической, нам придется в свое время организовать более систематически, чем это было до сих пор. Эта борьба против кулака при неблагоприятных для нас условиях может даже заполнить собою авансцену политической борьбы в деревне в течение ряда лет. Но именно для того, чтобы мы могли успешно повести борьбу против кулака, нам надо, во что бы то ни стало, побороть существующую тенденцию объявлять кулаком всякого сколько-нибудь исправного крестьянина, поднимающего свое хозяйство и имеющего тенденцию кое-что накоплять в своем хозяйстве. Надо помнить, что середняк, это — громадное большинство деревни и что само это середняцкое большинство на деле еще очень бедно хозяйством.

«Теоретически мы сошлись на том, что средний крестьянин не наш враг, что он требует особого отношения, что здесь дело

будет меняться в зависимости от многочисленных привходящих моментов революции», — так говорил тов. Ленин на VIII съезде нашей партии. (Том XVI, стр. 99.)

«Принципиально это отношение было ясно для нас и перед началом революции. Задача нейтрализации крестьянства была поставлена нами. На одном московском собрании, где приходилось ставить вопрос об отношении к мелко-буржуазным партиям, я привел точные слова Энгельса, который не только указывал, что среднее крестьянство является нашим союзником, но выражал даже уверенность, что, быть может, удастся обойтись без репрессий, без мер подавления и по отношению к крупному крестьянству. В России это предположение не оправдалось. Мы стояли, стоим и будем стоять в прямой гражданской войне с кулаками. Это неизбежно. Мы видели это на практике. Но сплошь и рядом, по неопытности советских работников, по трудности вопросов, удары, которые предназначались для кулаков, падали на среднее крестьянство... У нас нет таких благ, которые мы могли бы дать среднему крестьянству, а он — материалист, практик и требует конкретных материальных благ, которых мы сейчас дать не можем и без которых страна должна обходиться, быть может, еще месяцы тяжелой борьбы, обещающей теперь полную победу. Но мы можем многое сделать в нашей административной практике, улучшить наш аппарат, исправить массу злоупотреблений. Мы можем и должны выравнять и выправить линию нашей партии, которая не достаточно шла на союз, на соглашение со средним крестьянством». (Там же, стр. 107 — 108.)

Так говорил тов. Ленин еще в 1919 году. Тем более необходим нам союз, соглашение с средним крестьянством теперь. Мы можем выравнять середняцкий фронт, мы можем в течение нескольких лет добиться того, чтобы этот крестьянин-середняк был столь же доволен и стал в известном смысле почти такой же крепкой опорой Советской власти, как средний беспартийный рабочий теперь. Можем и должны. По части материальных благ, которые мы могли бы предложить деревне, дело обстоит и в настоящий момент, разумеется, еще не блестяще. Сколько аршин ситцу может купить крестьянин за пуд ржаной муки? Вот главный вопрос деревенской экономики. А на этот счет нижеприводимая таблица дает пока еще ответ весьма неутешительный.

По С.С.С.Р.

В 1919 г.	6,3 арш.	
» 1921 »	7,2 »	
» 1922 »	11,7 »	[1]
» 1923 »	1,6 »	
» 1924 »	2,9 »	

Еще и еще раз мы упираемся в вопрос о ценах. Однако по части «материальных благ» вопрос в 1925 г. стоит много лучше, чем в 1919 г. А главное: вполне определенно наметилась тенденция к лучшему, к успешному развитию вперед.

Что же касается административной практики, что касается линии нашей партии на соглашение со средним крестьянством, то теперь все предпосылки к этому явно налицо. Основная задача рабочего класса попрежнему заключается прежде всего в том, чтобы помочь сорганизоваться сельско-хозяйственному батраку, помочь встать на ноги беднейшим слоям деревни. Но лозунг «лицом к деревне» в 1925 г., на восьмом году существования пролетарской диктатуры, ни в коем случае не исключает, а, напротив, предполагает курс на деревенского середняка.

Задача рабочего государства — изолировать в деревне кулака, другими словами, объединить в деревне против кулака все, в том числе и середняка. В начавшемся росте политической активности деревни кулак не отстает. Напротив, он становится все более и более активной политической фигурой в деревне. Наша задача — помочь сельско-хозяйственному батраку, мелкому и среднему крестьянину, близкому к нам комсомольцу побить кулака и на этой арене.

Метод убеждения и метод принуждения.

Пункт 7-й нашей партийной программы гласит:

«Руководящая во всей революции роль городского промышленного пролетариата, как наиболее сконцентрированной, объединенной, просвещенной и закаленной в борьбе части трудящихся масс, проявилась как в самом возникновении советов, так и во всем ходе развития их в органы власти. Наша Советская консти-

[1]) Это не значит, что в 1922 году крестьянину жилось лучше, чем в 1925 году. Тогда эта цена была выражением распада, теперешняя цена есть выражение роста хозяйства и в городе, и в деревне.

туция отразила это, сохраняя некоторое преимущество за промышленным пролетариатом сравнительно с более распыленными мелко-буржуазными массами в деревне.

«Р.К.П., разъясняя временный характер этих преимуществ, исторически связанных с трудностями социалистической организации деревни, должна стремиться к неуклонному и систематическому использованию этого положения промышленного пролетариата для того, чтобы в противовес узко-цеховым и узко-профессиональным интересам, которые выращивал капитализм среди рабочих, соединять теснее с передовыми рабочими наиболее отсталые и распыленные массы деревенских пролетариев и полупролетариев, а также среднего крестьянства».

Защищая эту программу перед VIII партийным съездом, тов. Ленин говорил:

«Мы нисколько не извиняемся за наше поведение, но совершенно точно перечисляем факты, как они есть. Наша конституция, как мы указываем, вынуждена была внести это неравенство, потому что культурный уровень слаб, потому что организация у нас слаба. Но мы не превращаем этого в идеал, а напротив, по программе партия обязуется систематически работать над уничтожением этого неравенства более организованного пролетариата с крестьянством. (Заметьте: пролетариата с крестьянством, а не кого-либо другого. *Г. З.*) Это неравенство мы отменим, как только нам удастся поднять культурный уровень. Тогда мы сможем обойтись без таких ограничений. Эти ограничения уже сейчас, после каких-нибудь 17 месяцев рабоче-крестьянской революции, играют практически весьма небольшое значение». (Том XVI, стр. 129—130.)

К вопросу, который с такой дальновидностью поставил тов. Ленин еще 6 лет тому назад, мы теперь начинаем подходить более или менее вплотную. Если уже в 1921 г. тов. Ленин доказывал нам, что надо уметь действовать не только методом принуждения, но и методом убеждения, то теперь становится совершенно ясно, что пролетарская диктатура, по мере своего упрочения, должна все более и более переносить центр тяжести именно на метод убеждения, а не принуждения. Мы вынуждены были в свое время для спасения революции итти на посылку реквизиционных отрядов в деревню. Мы заменили потом продразверстку натурналогом, мы объединили затем все виды налога в единый налог. Мы заменили потом единый

натуральный налог налогом денежным. Мы подходим теперь к еще новым реформам и облегчениям в области налогового дела.

Советская власть все более входит в плоть и кровь страны, в ее быт. Пролетарский авангард должен с прежней беспощадностью расправляться со всеми теми элементами, которые сознательно работают над разрывом смычки между рабочим классом и крестьянством. Но эта же пролетарская диктатура должна обеспечить самому крестьянству подлинную революционную законность, близкую к крестьянству Советскую власть, все большее привлечение в советы самих крестьян.

Наше государство состоит теперь из двух основных классов плюс некая дробь. Остатки старой буржуазии, зачатки буржуазии новой — вот эта «дробь». Следить за этой «дробью» мы должны в оба, чтобы не дать ей разрастись в слишком большую величину. Но помнить мы должны всегда: основные судьбы нашего государства определяются более всего взаимоотношением двух классов — рабочего класса и крестьянства.

Работа по поднятию культуры среди широких многомиллионных масс крестьянства — та работа, о которой говорил на VIII съезде тов. Ленин, как о предпосылке для некоторых поправок к нашей советской конституции, — только еще начинается. Но если не обманывают все предзнаменования, работа эта пойдет теперь быстро и успешно. Еще и еще раз вспомним о том, что говорил тов. Ленин об отношении крестьянства к пролетариату после завоевания политической власти последним. Если наша политика будет правильна, если нам в ближайшем будущем не помешают новой любовой атакой международные империалисты, мы сумеем повести за рабочим классом все более и более густые массы нашего крестьянства.

Только в свете этих перспектив можно понять взятый нашей партией курс на подлинное оживление советов, на искоренение произвола на местах, на внедрение в нашу жизнь настоящей советской революционной законности.

Меньше принуждения, больше убеждения! Меньше командования, больше деловой помощи крестьянству!

Недооценка или «переоценка» крестьянства.

— Но если мы недооцениваем крестьянство, то вы переоцениваете его, — так говорят нам иногда представители оппозиции

в нашей собственной партии. А иные из них договариваются прямо до обвинения в «крестьянском уклоне», возрождении «народничества» и тому подобного вздора. (Напомним тут кстати, что в 1916 г. в отклике на брошюру Ленина и Зиновьева «Социализм и война» тов. Троцкий назвал авторов этой брошюры «челябинскими народниками».) [1])

В этой новизне старина нам слышится. С первых же шагов большевизма, когда тов. Ленину впервые пришлось скрестить шпагу с литературными представителями меньшевизма, ему тут же пришлось выслушать обвинение в «народничестве». А мы знаем уже теперь из истории трех революций, что единственным последовательным до конца борцом против реакционного мещанства народничества был именно тов. Ленин. Мы знаем, что меньшевистские вожди, обвинявшие тов. Ленина в «народничестве», на деле в 1917 г. соединились с самой контр-революционной частью народников против пролетариата.

В самом деле, есть ли какой-либо смысл в этом обвинении нас в «переоценке» крестьянства? Перебрасываться словесным мячиком—«недооценка», «переоценка»—дело совершенно бесполезное. Надо вникнуть в окружающую обстановку и понять: что же действительно заложено в нынешней обстановке — опасность недооценки или переоценки крестьянства? Если поставить вопрос таким образом, то ответ будет нетруден. Во всей современной обстановке пролетарской диктатуры заложена именно опасность недооценки крестьянства. Наша партия — рабочая партия. Наша партия родилась в рабочих кварталах. Наша партия в течение по крайней мере двух десятилетий в своей практической работе почти не выходила за пределы города. Рабочий класс в нашей стране организуется теперь всесторонне. Все более густая сеть организаций рабочих покрывает страну. Рабочие организуются, можно сказать, «вдоль и поперек». Организация юных пионеров, например, есть именно симптом того, что организация рабочих в нашей стране становится небывало разнообразной и всесторонней.

А деревня? Крестьянин уже в силу условий своей жизни не может организоваться так, как организуется рабочий. Нужды и требования деревни, естественно, доходят до нас гораздо более окольными путями и гораздо труднее, чем нужды и требования рабочих. «Лицом

[1]) См. об этом в прекрасном предисловии Г. Сафарова к интереснейшей книжке «Троцкий о Ленине и ленинизме».

к деревне» — это и значит внести необходимую поправку на все эти обстоятельства.

Рабочий класс устами своей партии от своего имени провозглашает: «лицом к деревне». Ибо он понимает, что только и можно закрепить власть советов политически, и только так можно создать условия для перерождения деревни к социализму.

Нет никакого сомнения в том, что материальное положение рабочих начинает серьезно улучшаться. В некоторых крупных районах нашей промышленности мы уже вплотную подошли к довоенному уровню заработной платы. Растет рабочая кооперация. Практически поставлен на очередь вопрос о строительстве рабочих жилищ. Культурная работа среди рабочих ширится. Конечно, и в этой области мы стоим еще только у самого начала. Но именно недооценка экономических нужд крестьянства, роста его политической активности могла бы привести к разрыву между рабочим классом и крестьянством. А такой разрыв, или даже только серьезная размолвка, мог бы роковым образом задержать и начавшийся рост материального благосостояния рабочих, мог бы подорвать самые предпосылки для увеличения социальной мощи рабочего класса и его базы: городской промышленности.

Не надо «мудрить» в вопросе о недооценке и переоценке. Надо взять то, чему учил нас в этой области тов. Ленин, и суметь применить это к нынешней обстановке. В этом задача всех задач.

Руководящая роль партии.

«Теория марксизма, освещенная ярким светом нового всемирного богатого опыта революционных рабочих, помогла нам понять всю закономерность происходящего. Она поможет борющимся за свержение капиталистического наемного рабства пролетариям всего мира яснее сознать цели своей борьбы, тверже итти по наметившемуся пути, вернее и прочнее *брать победу и закреплять победу*». (Ленин, том XVI, стр. 55.)

Теория марксизма, обогащенная ленинизмом, могли бы сказать мы теперь, поможет нам ясней сознать цель своей борьбы и тверже итти по тому пути, который с такой ясностью осветил нам тов. Ленин.

Заканчивающаяся дискуссия вновь и вновь помогла нашей партии лучше понять основы большевизма.

Что же стоит социально за нынешней дискуссией? Какие актуально-политические споры скрываются за дискуссией о «перманентной революции»?

А вот что:

Мертвый (в лице «европейских» теорий троцкизма) хватает живого (в лице ленинизма — якобы только национально-русского явления, на деле теории и практики международной революции).

Партия обнаруживает непреклонную волю не делать ни пяди уступок «европейскому» псевдо-марксизму, обряженному в «левую» троцкистскую мантию — в вопросе о политике рабочего класса по отношению к крестьянству и в вопросе о подлинно-руководящей роли партии в государстве.

В этом смысл философии всей.

Недалеко уже время, когда всей партии станет ясно, что за литературными, по внешности, и якобы только историческими по теме спорами на самом деле скрывались те проблемы, которые мы посильно осветили в настоящей статье. Другими словами, скрывалась важнейшая проблема, определяющая собой весь ход и исход нашей революции: проблема взаимоотношения пролетариата и крестьянства.

«Лицом к деревне» — для успеха этого лозунга нужно прежде всего, чтобы само «лицо» не было искривлено, т.-е. чтобы сама партия, возглавляющая рабочий класс, была ленинской партией, была вылита из одного куска.

О руководящей («главенствующей») роли партии тов. Ленин говорил в следующих словах:

...«Признание главенствующей роли партии должно быть у нас в виду... мы должны знать и помнить, что вся юридическая и фактическая конституция Советской Республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу, чтобы связанные с пролетариатом коммунистические элементы могли пропитать этот пролетариат своим духом, подчинить его себе, освободить от буржуазного обмана... Для нас принципиально не может быть сомнения в том, что должно быть главенство коммунистической партии... каждый (из нас) принадлежит

к партии, которая управляет, которая руководит всем государством, всемирной борьбой Советской России против буржуазного строя. Он является представителем борющегося класса и партии, которая господствует и должна господствовать над громадным государственным аппаратом». (Речь на совещании политпросветов 3 ноября 1920 г., цитирую по Бюллетеню всерос. совещ. политпросветов, Москва 1920 г., Госиздат, перепечатано в сборнике «В. И. Ленин — Социалистич. революция и задачи просвещения». «Красная Новь» 1923 г., стр. 40, 41.)

Как далеки эти твердые, стальные слова Владимира Ильича от увиливаний троцкистов и полу-троцкистов, не смеющих договорить свою мысль до конца, но на деле целиком ведущих линию на на ослабление «главенствующей» роли партии или даже на прямое «освобождение» «громадного государственного аппарата» от партии!

Именно для того, чтобы иметь возможность провести всю ту политику рабочего класса в отношении крестьянства, без которой окончательная победа невозможна, первейшей предпосылкой является: подлинное единство партии на почве ленинизма и абсолютное сохранение руководящей роли партии в государственных и хозяйственных органах. Только в том случае, если рабочий класс через свою партию сумеет твердо держать руку на руле всего государственного корабля, возможно успешное проведение всех вышенамеченных задач. А для этого требуется прежде всего, чтобы ленинизм твердо держал руку на руле самой партии. Малейшим образом оттеснить партию на роли только агитационно-пропагандистской организации означает нарушить все взаимоотношение рабочего класса и крестьянства. Малейшая уступка «теории» эмансипации советов от партии означает: нанести удар в грудь самой гегемонии пролетариата.

С успехом проманеврировать на международной арене в обстановке, когда первое пролетарское государство окружено врагами со всех сторон; успешно разрешить главнейший вопрос революции — вопрос о взаимоотношении рабочего класса и крестьянства; остаться верным основам ленинизма, — все это возможно только, если мы не сделаем ни пяди уступок в вопросе о руководящей роли нашей партии в хозяйственных и государственных органах.

Мелкий буржуа инстинктивно поддерживает своеобразно понимаемый им «троцкизм» более всего именно потому, что он чует, что победа троцкизма наверняка означает одно: ослабление руководящей роли партии в государстве и хозяйстве. А это и есть та цель, расширяя которую мелко-буржуазная стихия проникает в крепость пролетарской диктатуры.

Именно потому, что наша партия является правящей партией, ей приходится больше, чем коммунистической партии какой-либо другой страны, заботиться о своей однородности, монолитности. Именно поэтому, под руководством тов. Ленина, мы стали прибегать к таким экстраординарным средствам, как чистка. Механизм осуществления пролетарской диктатуры многосложен. Сюда входят и профсоюзы, как школы коммунизма, и советы, как органы и школы управления, и ряд других важнейших организаций, играющих свою роль в «системе рычагов» пролетарской диктатуры. Но именно для того, чтобы вся эта система рычагов правильно приводилась в действие, нужно, чтобы основной рычаг в этой системе рычагов (Р.К.П.) оставался на незыблемой основе ленинизма. А это значит, между прочим: 1) нужно, чтобы партия не превращалась в сумму различных «течений» и направлений, 2) то же в еще большей степени — относительно генерального штаба партии.

«Брать победу»—эту задачу партия выполнила под непосредственным руководством тов. Ленина. *«Закреплять победу»* — эту работу нашей партии приходится доводить до конца уже без непосредственного руководства тов. Ленина. Задача эта не легка, но вполне разрешима. Мы разрешим ее, без всякого сомнения, если будем вполне и до конца непримиримы там, где дело идет о принципах ленинизма.

I

НА ОЧЕРЕДИ

НЕУРОЖАЙ И НАШИ ЗАДАЧИ.

(Статья, напечатанная в «Правде» 30 июня 1924 г.)

Неурожай и наши хозяйственные планы.

Валовая цифра урожая, повидимому, будет не далека от 2 миллиардов 600 миллионов пудов. Другими словами: валовая цифра сбора всех хлебов нынешнего года не так уж далека от прошлогодней. Тем не менее, теперь уже выяснилось вполне, что неурожай нынешнго года затронул ряд губерний гораздо больнее, чем это казалось вначале.

Сельское хозяйство надолго еще остается у нас основой всего народного хозяйства. Поэтому недород нынешнего года затрагивает за живое весь хозяйственный организм Союза Республик. Покупательная способность крестьянства в целом будет (в связи с более высокими ценами на хлеб, с уничтожением «ножниц» и т. п.) в нынешнем году, вероятно, не ниже прошлогодней. В виду этого крайне вредно и, во всяком случае, преждевременно говорить о каком-либо сокращении производственных планов нашей государственной промышленности.

Но что темп начавшегося хозяйственного подъема страны в нынешнем году будет не так успешен, как этого можно было ожидать, — это несомненно. На этот счет рабочие не должны делать себе иллюзий. В частности темп поднятия заработной платы неизбежно должен быть в нынешнем году крайне осторожным, — если мы не хотим сами вновь вызвать к жизни пресловутые «ножницы», а может быть и нажить политические затруднения с крестьянством.

Немножко больше «священного беспокойства».

Неурожай 1924 года создал нам много новых трудностей. Надо, чтобы это сознал прежде всего весь пролетариат нашего Союза — основа и опора Советской власти, коренная сила и гегемон нашей революции.

Да, несомненно, бедствие отнюдь не достигло размеров 1921 года. Да, бесспорно, мы за это время стали экономически много сильнее. Да, мы имеем все основания посмеяться над оживлением надежд заграничной белогвардейщины (в том числе эс-эров, меньшевиков и остальной контр-революционной братии). Да, мы безусловно справимся с новыми затруднениями.

Но и к ротозейству и самоубаюкиванию тоже нет причин. Немного больше «священного беспокойства» — того беспокойства, из которого родится бодрая активность и напряженная энергия, — не помешает.

Прежде всего мы не должны скрывать от себя следующей опасности: хорошо еще, если неурожай нынешнего года явится низшей точкой упадка, который сменится хорошим урожаем в ближайшем же году.

Тогда это было бы с полбеды. А что, если неурожай нынешнего года есть только сигнал к еще большему недороду в следующем году? Что, если чередование урожайных, плохоурожайных и совсем неурожайных годов как раз к будущему году готовит нам еще больший удар? Ведь это, во всяком случае, не исключено.

На помощь крестьянству не словом, а делом.

Мы много говорим о смычке с крестьянством. Вот момент для смычки на самой близкой для крестьянина задаче наступил. Дорого яичко, как известно, к определенному дню. Дорога крестьянину помощь именно теперь, — именно в обстановке, когда даже сравнительно небольшая помощь может спасти хозяйства целых слоев крестьянства от разорения.

Не надо смешивать нынешних задач с теми задачами, какие стояли перед нами в 1921 году. Тогда дело шло о простом спасении жизни. Сотни тысяч крестьян бросали насиженные места и бежали куда глаза глядят. Тут было не до спасения хозяйства.

Теперь несчастье не так велико, теперь дело идет именно о помощи хозяйственной.

Нет худа без добра. Партия наша до сих пор еще имеет недостаточно прочные опорные пункты в деревне, она все еще остается партией чересчур городской. Ее связи с крестьянством сильно возросли за последние годы, но они еще очень и очень недостаточны. И вот теперь создается положение, когда на деловой, практической почве партия может — стало быть, и должна — улучшить свои связи с крестьянством.

Партия должна теперь не на словах, а на деле показать крестьянину-землеробу, что она всем, чем может, приходит ему на помощь. Государственные органы, руководимые партией, должны делом доказать крестьянину, что в годину несчастья рабоче-крестьянское государство бросает на помощь сельскому хозяйству все, что может.

В вопросе о семенной помощи мы уже начали принимать серьезные меры; надо их усилить.

Меры, предпринимаемые правительственной комиссией под председательством А. И. Рыкова, должны стать известны каждому крестьянину.

Вопрос о сельско-хозяйственном кредите приобретает теперь в связи с неурожаем еще во много раз большее значение. То же относится к сельско-хозяйственной кооперации. То же в еще большей степени — ко всем видам агрономической помощи и агрономической пропаганды.

Мелиорация сельского хозяйства.

Партия и Советская власть не могут ограничиться помощью только от случая к случаю. Они должны теперь выдвинуть широкий план с большим государственным размахом для того, чтобы обеспечить наше сельское хозяйство от повторения неурожаев. Для борьбы с последствиями засухи уже намечается такая широкая программа мелиоративных работ на 10 лет. В брошюре профессора Костякова, в статье тов. Кржижановского план этот обрисован более или менее ясно. Нет никакого сомнения в том, что центральная власть энергичной рукой поведет такого рода работы с тем государственным размахом, какого требуют обстоятельства.

Нужно, чтобы наши организации на местах сумели проложить идее мелиоративных работ широкую дорогу в крестьянские массы; нужно, чтобы миллионы крестьян-землеробов узнали о том, что партия и советское государство спешат на помощь крестьянскому хозяйству и начинают крупные работы, которые могут завершиться успехом лишь в том случае, если мы пробудим к ним внимание самих крестьянских масс. Нужно, чтобы в деревенской глуши Поволжья, Юго-Востока, Украины и т. д. пахарь узнал, что большевики взялись ценою многолетнего труда дать воду засушливым местностям — обеспечить крестьянина от недорода. Нужно, чтобы рабочие крупнейших центров взяли на себя известное шефство над наиболее засушливыми районами. Нужно, чтобы рабочие организации всего Союза Республик, — особенно столиц и других главных центров, — действительно заинтересовались планом мелиоративных работ и всесторонне помогли бы этим работам так же, как они в свое время в порядке ударности помогали военной промышленности, когда от этого зависели судьбы гражданской войны.

Наши Наркоматы и деревня.

Нужно, наконец, добиться того, чтобы наши наркоматы тоже поставили работу с бо́льшим размахом. Мы не говорим уже о Наркомземе. Само собою разумеется, что этот наркомат должен быть

и будет целиком поглощен выше намеченными задачами. Но и другие наши наркоматы должны были бы расшевелиться и больше «окрестьянить» всю свою работу.

Один пример: борьба с малярией. Не меньше полумиллиона крестьян страдают теперь у нас от этого бедствия. Как оценили бы они действительно реальную помощь в борьбе с малярией! Крестьянин — реалист. Он, представьте себе, не верит одним резолюциям, он ждет дела.

И то же относится к такому комиссариату, как Наркомпрос. Пора, пора уделить львиную долю внимания работе в сельской школе. Пора, пора и по личному составу наших руководящих работников хоть несколько «окрестьянить» ряд наших наркоматов.

Пора, пора заставить ряд наших организаций больше повернуться лицом к деревне, — как это сделал, например, недавний Всесоюзный съезд комсомола. Это, конечно, относится не столько к организациям, действующим в крестьянских губерниях. Здесь, разумеется, внимание и без того устремлено на крестьянство. Но это сугубо относится к столицам и другим крупным пролетарским центрам, от которых зависит не мало.

— У нас столько-то образцовых учреждений, в таком-то городе, — сообщает такое-то ведомство.

— А что ты сделал для деревни? — должна спросить его партия. Оборотись на деревню! Помни о крестьянине! Ибо мы — страна рабочих и крестьян.

Мы должны оказаться на уровне новых задач.

Путь пролетарской революции устлан не розами. Новые трудности на пути к полному хозяйственному возрождению страны неизбежны.

Победить эти трудности и восторжествовать над всеми тяжелыми сюрпризами мы можем только в том случае, если нам удастся и на этот раз двинуть на организованную работу сотни тысяч и миллионы рабочих, идущих за нашей партией.

Рабочий класс и крестьянство в нашем Союзе Республик связаны неразрывными нитями. В течение всей революции рабочий класс нашей страны оказывает могущественное влияние на крестьянство. Но не надо забывать и того, что в течение истекших 7 лет мы видели не раз и обратное: крестьянские настроения тысячами путей пробивали себе дорогу в среду городских рабочих, находя отраженное влияние на фабриках и заводах и причиняя нам иногда очень серьезные политические затруднения. Так будет и теперь, если партия, если рабочий класс не напрягут всех усилий.

Одно из двух: либо из городов, из рабочих центров пойдет в деревню волна бодрости, энергии, организованной помощи, хозяйственной инициативы — и тогда на новом этапе получится дей-

ствительная смычка передовиков рабочего класса с крестьянством — смычка в действии. Либо из районов, пораженных неурожаем, начнут просачиваться настроения уныния, беспомощности, хозяйственного упадка, недовольства, и тогда эти настроения найдут отраженное влияние в городах.

Мы не сомневаемся ни на одну минуту, что под руководством нашей партии передовики-рабочие всего Союза Республик сделают все возможное, чтобы осуществилась первая перспектива. И тогда никакой враг не будет страшен. Хозяйственное возрождение страны пойдет и дальше, ускоряя свой темп с каждым годом, — в частности и в особенности сельское хозяйство. Железной рукой проведем мы такие широкие мелиоративные работы, которые обеспечат нам удовлетворительный урожай при всяких условиях, и трудящимся нашего Союза не придется с тревогой вновь и вновь задавать себе вопрос: что год грядущий нам готовит?

За дело! Задачи нашей работы в крестьянстве выросли во много раз. Надо во что бы то ни стало оказаться на уровне этих задач.

25 июля 1924 г.

НА ОЧЕРЕДИ.

(Статья, напечатанная в «Правде» 11 октября 1924 г.)

В деревне растет тяга к организации. Мы должны овладеть этим процессом.

Партийная работа сделала несомненные и крупные успехи во всех областях. Но если в работе нашей партии есть слабое место, так это — работа в деревне. Надо сказать это прямо. Здесь мы отстали. Здесь у нас кардинальные нехватки. Здесь нужны серьезнейшие коллективные усилия партии, чтобы поправить дело и наверстать потерянное.

Конечно, в этом мало удивительного. Наша партия родилась в рабочих кварталах. Она — дитя рабочего движения. Ее связь с деревней началась сравнительно недавно. Но партия рабочего класса, стоящего у власти, в стране с таким преобладанием крестьянства, как наша страна, должна именно теперь развить удесятеренную энергию, чтобы получить надлежащие связи с деревней.

Надо правду сказать: в этой системе рычагов, при помощи которых осуществляется диктатура пролетариата в нашей стране, рычаги, ведущие непосредственно к крестьянству, у нас пока еще очень слабы — и по советской, и по профсоюзной, и, что особенно печально, по партийной линии. Если сказать всю правду: эти крестьянские рычаги нужно еще только создать.

Политика партии по отношению к крестьянству в главном была и остается правильной. Эту политику мы правильно определяли, благодаря верному марксистскому анализу классовых сил в нашей революции. Этому помогла гениальная прозорливость, особенно в этой области, вождя партии, тов. Ленина. Но одной правильной политики теперь мало. Нужна систематическая, все шире разветвляющаяся, все глубже захватывающая организационная работа партии в крестьянстве. Нужно не только поли-

тически повернуться лицом к деревне, но и осуществить ряд широко задуманных организационных мер по усилению работы партии в деревне.

За семь лет революции деревня во многом переменилась. Тяга к организованности растет и у крестьянства. Война и революция со всеми их последствиями создали в деревне целую прослойку крестьян, которые способны стать и станут организаторами деревни в широком смысле этого слова. Эта прослойка растет и будет расти и через местные советы, и через комсомольские ячейки в деревне, и через Красную армию (терчасти), и через кооперацию, и через крестьянские комитеты (кресткомы), и многими другими путями.

Партия наша должна готовиться к тому времени, когда организация станет всеобщим лозунгом деревни. Нет никакого сомнения в том, что наша партия при надлежащих условиях сумеет стать во главе этой организации. И только это обеспечит нам то, что крестьянство в массе своей останется союзником пролетариата в нашей революции. Всякая другая политическая сила, кроме Р.К.П., разумеется, попытается использовать любую крестьянскую организацию для срыва смычки между рабочими и крестьянами, для противопоставления крестьян пролетариату, т.-е. для буржуазных целей, одинаково враждебных интересам не только рабочего класса, но и правильно понятым интересам крестьянской массы.

До сих пор деревня наша, по причинам общеизвестным, не организована или организована только крайне слабо. В течение первых этапов революции судьбы ее, т.-е. судьбы и рабочих, и крестьян, более всего решались в городе. Здесь были сосредоточены силы врагов рабоче-крестьянской революции. И постольку основные интересы и рабочих, и крестьян требовали сосредоточения главного внимания Р.К.П. на городе. Но близится время, когда работе в деревне необходимо будет уделить совсем другую долю внимания, чем это было до сих пор. Партия наша инстинктивно сознает это. Отсюда ее растущий интерес к работе среди крестьянства. Отсюда, между прочим, и ее большее, чем до сих пор, внимание к деревенскому учителю, сельскому агроному, к сельской трудовой интеллигенции вообще. Отсюда ее внимание к кресткомам, к работе комсомола в деревне и т. д. Но эти отдельные усилия пора сознательно и планомерно обобщить общей линией. Да, кресткомы, комсомольские ячейки, привлечение деревенского учителя и агронома — все это необходимо. Но надо понять, что все это только отдельные камни будущего фундамента. А самого фундамента еще нет. Завтрашний день — это надо понимать, конечно, не буквально, дело идет здесь о годах, а не о днях — будет посвящен прежде всего делу организации деревни. И кто овладеет этим делом, тот и решит судьбы союза рабочего класса и крестьянства. Мы не сомневаемся, что это будет наша партия.

Очередная задача — укрепить низовой партийный и советский аппарат.

За последнее время партия достигла крупных успехов в деле постановки работы в губернском центре, отчасти и в уезде. Теперь очередь за волостью, за селом. Улучшить государственный аппарат в том направлении, как это завещал нам тов. Ленин, мы можем только путем одновременной работы и сверху, и снизу. Сверху кое-что сделано. Теперь необходимо сосредоточить внимание партии на том, чтобы начать улучшать дело снизу.

В свете предстоящих партии громадных задач в деревне роль волостного секретаря (или волостного организатора) и председателя сельсовета и волсовета становится поистине крайне важной. Если бы это основное низовое звено партийного и государственного аппарата было сделано у нас из надлежащего металла, это означало бы громадный шаг вперед.

В связи с происходящими у нас работами по укреплению волости задача эта получает еще более важное значение.

В пределах С.С.С.Р. было:

в 1917 г. — 13.913 волостей — 100%
» 1924 » — 6.840 » — 49,1%.

Сюда не входит Украина с 954 районами, Крым и некоторые губернии С.С.С.Р. (районированные). Точных цифр еще нет. Общее число укрупненных волостей будет вероятнее всего около 7.500 — 8.000 [1]). Средняя укрупненная волость будет иметь около 15.000 — 20.000 населения, а район — около 40.000 и больше. Всего членов волостных исполкомов по Р.С.Ф.С.Р. у нас (до протекающей ныне избирательной кампании) было 18.067. Из членов Р.К.П., кандидатов и комсомольцев — 8.800 человек. Председателей волисполкомов — 62 проц. коммунистов. Социальный состав партийной части волисполкомов: рабочих — 17,4 проц., крестьян — 79 проц., интеллигентов и пр. — 3,6 проц. Практический стаж: около 50 проц. — новички, другая половина работает 2 — 3 года. Партийный стаж — громадное большинство 1918 — 1920 годов и позже.

Состав организаторов крестьянских ячеек на первое мая 1924 г. был следующий. Из общего числа 7.017 чел. — рабочих 15,6 проц. Наибольший процент рабочих на Украине — около 37 проц. Затем идут: Юго-Восток — 21 проц., центральные губернии Р.С.Ф.С.Р. — 17 проц. Наименьший процент рабочих дает

[1]) Партия должна тщательно следить за тем, чтобы во-время парализовать вредные стороны укрупнения: большая отдаленность от административного центра и в связи с этим возможный рост бюрократизма.

Закавказье (от 3 до 5 проц.); Кирреспублика (4 — 8 проц.); на Урале — 7 проц. В числе организаторов также преобладают вступившие между октябрем 1917 г. и 1920 г. (от 50 до 75 проц.). В ряде районов преобладают вступившие в период от 1920 г. до 1922 г.

Таково было положение вещей до сих пор.

Как раз теперь происходит серьезное изменение. Во-первых, удается обеспечить материально некоторое количество наиболее необходимых и важных для деревни работников низового аппарата. Во-вторых, расширяются права и обязанности волисполкомов. Им предоставляются права юридического лица (заключать договоры и принимать обязательства). Они не только содействуют (как было раньше) проведению основных мероприятий в селах, но ответственны за их проведение. На них дополнительно возложены некоторые функции, которые раньше принадлежали уездным исполкомам: борьба со стихийными бедствиями, опека над различными лицами и имуществом, наблюдение за деятельностью народных судей. На них возлагается серьезная финансовая работа: составление волостного бюджета, исполнение его, наблюдение за взиманием налогов, улучшение в области сельского хозяйства и лесного дела, контроль, землеустроительные работы и т. п.

Из всего этого вытекает неотложная задача первейшей важности. Нужно улучшить корпус волостных партсекретарей (или организаторов) и председателей волисполкомов во что бы то ни стало. Осуществима ли эта задача? Конечно, да. Дело идет, примерно, о 10.000 человек на весь С.С.С.Р. Если партия поставит себе серьезно эту задачу, она несомненно разрешит ее.

Разрешить эту задачу нужно ни в коем случае не в порядке «пожарном», т.-е. не в порядке единовременной экстренной мобилизации, ибо при таких мобилизациях неизбежно делается много ошибок. Надо просто-на-просто добиться того, чтобы каждый губком — конечно, под общим руководством Ц.К. и при его помощи — увидел бы в этом центральную задачу для своей губернии. И тогда многие губернии, в первую очередь такие губернии, которые имеют крупные рабочие центры, собственными силами найдут 50, 100, 200 человек, которые окажутся подходящими для этой работы. Искать работников для деревни нам нужно прежде всего на местах и в значительной степени в самой деревне: из рабочих, из бывших красноармейцев, из самих крестьян и т. п. Приспособиться к жизни и работе в деревне не так просто. И наши посылки просто сверху часто оказываются бесполезными. Гораздо практичнее будет подобрать этот слой работников на самих местах (в том числе и в деревне), дать им возможность пройти некоторые подготовительные курсы и затем всесторонне помочь им на самой работе. В самой деревне накопилось за время революции довольно много неиспользованных сил. Эти подросшие в политическом отношении крестьяне, настроенные вполне совет-

ски, откликнутся самым дружным образом, как только партия станет к ним апеллировать. Не нужно только разговаривать с этими крестьянами сверху вниз; не следует смотреть на них, как на недостаточно взрослых в политическом отношении; не нужно опеки; следует понять, что среди них (мы говорим в данном случае и о партийных, и о беспартийных крестьянах) выросло во время революции немало людей с головой на плечах, с твердой рукой, с размахом и энергией.

В деревне, в силу всей обстановки, руководящую роль зачастую играет не организатор партийной ячейки, а председатель сельсовета или волсовета. Это и понятно. Члены ячейки живут разбросанно. Крестьянская масса прежде всего смотрит на того, кто в ее глазах олицетворяет власть. Вот почему здесь необходимо особенное внимание обратить на выдвижение достойных работников по советской линии. Мы приводили выше некоторые данные относительно процента партийных товарищей среди членов волисполкомов. Процент этот немал. Думается, что нам теперь необходимо добиваться не столько увеличения процента партийных среди председателей и членов волисполкомов, сколько позаботиться о том, чтобы дать возможность деревне выдвинуть из своей среды близких ей работников, которым она вполне доверяет, — хотя бы эти работники и были беспартийные.

Материальное положение низовых работников советского аппарата в деревне теперь будет более или менее обеспечено. Просветительный аппарат партии сумеет позаботиться о том, чтобы дать этим работникам возможно лучшую идейную подготовку. Вся партия в целом должна позаботиться о том, чтобы поднять на должную высоту звание волостного председателя и волостного секретаря. Если бы нам в течение ближайшего года удалось разрешить эту задачу, это был бы громадный шаг вперед.

Надо, чтобы партия сознала, что волостной партсекретарь и волостной председатель являются важнейшим звеном нашей смычки с деревней. Надо не пожалеть на эту работу лучших работников партии. Вспомним слова тов. Ленина о необходимости «умной инициативы мест» и о том, что мы должны посылать в уезды и волости также лучших, центральных работников.

«Образцовая постановка уездной и волостной работы, — писал Владимир Ильич, — приобретает в настоящий момент совершенно исключительную важность с общегосударственной точки зрения. В военном деле, например, во время последней польской войны мы не боялись отступать от бюрократической иерархии, не боялись понижать в чинах, перемещать членов Реввоенсовета Республики (с оставлением в этой высокой центральной должности) на низшие места. Почему бы теперь не переместить некоторых членов В.Ц.И.К., или членов коллегии, или других высокопоставленных товарищей на работу даже уездную, даже волостную? Не настолько

же мы на самом деле обюрократились, чтобы смущаться этим. И найдутся у нас десятки центральных работников, которые охотно пойдут на это. А дело хозяйственного строительства всей республики выиграет от этого чрезвычайно. Образцовые волости и образцовые уезды сыграют не только крупную роль, но прямо решающую историческую роль».

Если эти слова тов. Ленина были справедливы 3 — 4 года тому назад, то они тем более своевременны и правильны теперь. Если мы действительно хотим поднять на должную высоту звание председателя волисполкома и волостного секретаря, мы должны во что бы то ни стало двинуть в волость и уезд некоторое количество коренных работников партии, в том числе и известную часть старой партийной гвардии. Нет сейчас задачи более неотложной.

О культурном подъеме деревни. О специальных органах по работе в деревне при парткомах.

Работа наша в деревне начинается теперь с самых различных концов, но именно только еще начинается. Внимание Р.Л.К.С.М. повернуто к деревне. Количественно комсомол в деревне начал расти очень быстро (Р.Л.К.С.М. насчитывает уже сейчас около 400.000 членов деревенских ячеек). Но, конечно, в этой области качество имеет никак не меньшее значение, чем количество. Комсомольские ячейки в деревне принесут действительную пользу делу увеличения партийного влияния среди крестьян лишь в том случае, если прежде всего работа их не будет вульгаризована, например, в области антирелигиозной пропаганды и т. п. Если кое-где грузинские меньшевики имели успех среди части крестьян во время недавнего меньшевистского восстания в Грузии, то, несомненно, одной из причин было «переборщивание» в вопросе о церквах и т. п. Комсомол должен тщательно следить за тем, чтобы растущая теперь работа его в деревенских ячейках ни в коем случае не отталкивала крестьянскую толщу, взрослого крестьянина и крестьянку.

Намечающееся привлечение деревенского учителя к нашей работе может сыграть не малую роль. Учительство горячо откликнулось уже на первый призыв со стороны нашей партии. Однако, чтобы это дело имело прочный успех, необходимо, во-первых, сделать абсолютно все возможное для поднятия материального уровня жизни учительства, а во-вторых, сделать величайшее напряжение сил, чтобы улучшить дело просвещения вообще. Немножко стыдно оглашать, но и грех утаить следующую таблицу о количестве основных культурно-просветительных учреждений в республике [1]).

[1]) Данные за 1920 — 1921 и 1922 гг. взяты по Р.С.Ф.С.Р., данные за 1922 — 1923 и 1924 г.г. по С.С.С.Р., исключая Закавказскую С.Ф.С.Р. Нет сомнения, что данные по 1920 — 1921 г. сильно были преувеличены. Более точными являются цифры 1921 — 1922 г.г.

	1920—21 г.г.	1921—22 г.г.	1922—23 г.г.	1923—24 г.г.
Библиотек	19.930	15.507	13.074	13.450
В них подписчиков	4.379.309	6.042.800	5.302.313	6.290.935
Изб-читален	17.896	15.498	4.511	10.412
Школ ликвидации неграмотности	23.862	14.978	2.828	14.803
В них уч щихся	586.283	245.073	92.868	478.277
Общеобразов. школ	2.715	584	746	1.229
В них учащихся	117.595	34.690	71.372	111.030

Конечно, мы можем утешаться тем, что кое-где качество улучшилось за счет количества, а в 1924 г. начало возрастать и количество. Конечно, мы можем оправдаться тем, что в последние годы экономическое положение страны было страшно тяжелым. Однако, теперь необходимо во что бы то ни стало уделить гораздо большее количество средств школе, в особенности школе в деревне. Без этого не может быть и речи о серьезном поднятии работы в деревне.

Нам нужно, далее, во что бы то ни стало, хоть несколько «окрестьянить» наши наркоматы в центре и наши губернские и уездные отделы на местах. Говорилось об этом уже не раз. Пора, наконец, это сделать. Пора добиться того, чтобы у нас в таких коллегиях, как коллегия Наркомзема, Наркомпроса, Наркомздрава, Наркомвнудела, Наркомсобеса и т. п., появились работники из крестьян, тесно связанных с деревней. Пора добиться того же и в еще больших размерах на местах — в уезде и в губернии. Необходимо еще и еще усилить влияние крестьян, тесно связанных с деревней, в нашем Ц.И.К. Необходимо выполнить решение XIII партийного съезда о работе профсоюзов в деревне. Смелей и решительней надо выдвигать работников из того нового слоя крестьян, который сложился в деревне за семь лет революции.

И, наконец, чтобы действительно обеспечить проведение выше намеченных мер, необходимо поставить один организационный вопрос, имеющий однако далеко не только организационное значение. По нашему мнению, совершенно назрела необходимость создать при Центральном Комитете и при всех губернских комитетах специальные отделы по работе в деревне или серьезно поставленные, постоянно действующие — непременно под председательством члена Ц.К. в центре, члена бюро губкома на местах — совещания, или выработать другую организационную форму на основании местного опыта. Последнее время у нас в центре начинает работать совещание по работе в деревне. Но этого мало. Необходимо создать солидно организованный, крепкий, постоянный орган по работе в деревне с тем, чтобы в центре заведующим этой работой был непременно член Центрального Комитета, а в губерниях — непременно член бюро губкома из числа самых влиятельных товарищей. Нельзя ограничиваться теперь суррогатом. В ряде уездов организация живет преимущественно интересами уездного города и внутри-организационными вопросами

(состав укома, внутренняя его жизнь и т. п.). В деревне ведется только так называемая «советская» работа, т.-е., попросту говоря, сбор налога. В ряде губерний работа в крестьянстве поставлена совершенно кустарным образом, т.-е. взвалена на плечи того или другого отдельного товарища, имеющего некоторую склонность к этой работе. И только!

Иногда говорят, что в крестьянских губерниях отдела по работе в деревне не нужно, потому что там весь губком занят-де работой в крестьянстве. Но это не так. У нас чуть ли не во всех даже промышленных губерниях крестьянство все же составляет большинство населения. А мы знаем, что в этих промышленных губерниях, иногда именно на том основании, что они промышленные, работа в деревне не ведется почти вовсе. В крестьянской губернии мы уделяем много внимания единственному в этой местности пролетарскому ядру (скажем, железнодорожникам). И это очень хорошо. Но мы уделяем в этой же губернии слишком мало внимания сотням тысяч крестьян. И это уже очень плохо. Из деревни несутся иногда прямо вопли отчаяния по поводу того, что работы либо нет вовсе, либо различные отрасли ее совершенно не связаны друг с другом.

«Крестьяне, мы любим Советскую власть, стоим за нее горой, но и просим культурно ее укреплять. Мы, крестьяне, не желаем заразы быть среди нас, а желаем, если трудиться, то трудиться на благо Советов. А то слишком быстро опять восстают на нас кулаки, попы, их зятья и всякая буржуазная сволочь во главе с присосавшимися к власти поповскими, кулацкими детями и зятьями... У нас нет никакой связи учительства с Р.Л.К.С.М. и Р.К.П. (б), все организации действуют самостоятельно, а через это страдает дело просвещения... Воз и ныне там. Где же здесь до смычки с народом.» — Так пишет нам крестьянин Анцупов из глухого угла Ливенского уезда, лежащего на железной дороге.

Крестком, волъячейка, комсомольская ячейка, сочувствующий учитель или агроном, кооператор и т. п. — все они работают (если работают) врозь. Чтобы действительно обеспечить надлежащую увязку работы и, главное, двинуть ее вширь и вглубь, — партии необходимо создать специальные отделы по работе в деревне, которые по своей важности должны будут получить не меньшее значение, чем организационные отделы партии.

О привлечении беспартийных крестьян и об оживлении работы Советов.

А между тем активность, желание приобщиться к советской работе у крестьян растет. Стремление к газете у крестьянина выросло. Вдоль полотна железных дорог иногда слышны буквально непрерывные голоса: «газет, газет». Мы знаем примеры (Новгородская губ.), когда крестьяне сами привозят в редакцию хлеб для обмена на газеты. Мы знаем уже первые, довольно удачные опыты

постановки местных крестьянских журнальчиков, выросших из плохенького листка в прекрасные органы, в которых участвуют десятки крестьян. Мы видим нарождение селькоров, поддержке которых партия должна уделить в тысячу раз больше внимания, чем до сих пор. В деревне растут и отчасти уже выросли те силы, к которым можно и должно подойти с полным доверием, которым можно и должно помочь включиться в громадную махину нашей советской системы и тем улучшить работу Советов и связь нашу с широкими массами населения.

В тесной связи с этими темами стоит и вопрос о привлечении беспартийных крестьян и об оживлении работы наших Советов на местах. Некоторые беспартийные члены Московского Совета, например, спрашивают нас, верно ли, что партия решила, в виду наличия ленинского призыва, на предстоящих выборах в Советы не привлекать беспартийных? Это, разумеется, абсолютно неверно. Было бы величайшим несчастьем, если бы ленинский призыв заслонил для партии беспартийную массу рабочих. Ленинский призыв в глазах партии есть еще один живой мост от партии к беспартийным, от пролетарского авангарда к широчайшим массам пролетариата, вплоть до его арьергардных рядов. Но ленинский призыв ни в коем случае не является и не должен явиться стеной, которая отгораживает партию от беспартийных рабочих.

Пришла пора гораздо смелей, чем до сих пор, привлечь в Советы беспартийных тружеников. Бояться этого могут только самые заскорузлые люди, не видящие тех процессов, которые происходят в нашей стране. В деревне при выборах волостного председателя мы должны дать крестьянам действительную возможность выдвигать в большем количестве и тех беспартийных крестьян, которым деревня верит. Партия уделяет должное внимание перевыборам кресткомов. Еще гораздо большего внимания с ее стороны заслуживает кампания по перевыборам волостных и уездных Советов. Надо смелей пойти навстречу крестьянам. Надо сделать это решительно и просто, по-большевистски, чтобы передовики-крестьяне чувствовали, что мы приглашаем их на работу, как равные равных. Надо, чтобы не было и намека на то, что мы «снисходим» к ним. А поучиться у передовика-рабочего толковый крестьянин не откажется никогда.

«Партия указывает, как на опасность, что к советской работе «липнет кулак». Партия выкидывает лозунг: «долой кулаков и их подпевал». Но на местах это иногда понимают так, что «проводи только партийных». — Так пишет нам один сибиряк. Против такого понимания партийного лозунга «против кулака» мы предостерегаем товарищей.

Партия уже несколько раз ставила на очередь вопрос об оживлении Советов. Нельзя скрывать от себя того факта, что до сих пор задач эта разрешена не была. Только теперь, на основе ясно обозначившегося начала хозяйственного подъема, — подъем этот, несомненно, продолжается, вопреки постигшему нас неурожаю, —

мы сможем поставить вопрос об оживлении местных Советов, с надеждой на гораздо больший успех, чем до сих пор. Нашим столичным Советам удалось в этой области достигнуть уже кое-каких результатов. Ленинградский и Московский Советы втянули в повседневную советскую работу строительства и хозяйства тысячи рядовых рабочих и работниц, в том числе не малое количество и беспартийных. Их опытом должны воспользоваться другие Советы. Та связь с широкими массами населения, которая может быть достигнута через Советы, совершенно незаменима ничем другим.

Начиная с VIII съезда партии, мы указывали на то, что партия ни в коем случае не может и не должна претендовать и не претендует на то, чтобы заменить собою Советы. Было бы абсолютно не по-ленински считать, что раз у нас есть хорошая партийная организация, то нам не нужно Советов. Наоборот! Плоха та партийная организация, которая допустит, чтобы на территории ее действия захирели Советы. Чем лучше партийная организация, тем лучше будут и Советы в данной местности, тем тесней связь этих Советов с беспартийными тружениками города и деревни. Ставя теперь вновь при более благоприятных обстоятельствах на очередь кампанию по оживлению Советов и привлечению к ним беспартийных, партия отныне будет судить о степени зрелости и большевистских достоинствах данной своей организации именно по тому, удалось ли в данной местности действительно оживить, действительно связать местные Советы неразрывными нитями с беспартийными массами рабочих и крестьян.

Уже происходящие теперь перевыборы в Советы должны пройти именно под этим знаком.

Итог: еще и еще раз — обернуться лицом к деревне; больше внимания беспартийным; оживить Советы на местах во что бы то ни стало!

II

РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИЙ СОЮЗ НЕ ДОЛЖЕН ОСЛАБНУТЬ!

ГДЕ ЗАРОЖДАЕТСЯ УГРОЗА СОЮЗУ РАБОЧЕГО КЛАССА И КРЕСТЬЯНСТВА.

«Ревность» крестьян к рабочим.

(Из речи на широкой рабочей конференции Московско-Нарвского района в Ленинграде в октябре 1924 г.).

Наши задачи в деревне.

В деревне хозяйство в последнее время поднимается. Недород нынешнего года хотя и ударил по народному хозяйству, но далеко не так сильно, как мы опасались. Однако, товарищи, в деревне наблюдаются такие явления, на которые рабочие, в особенности передовые рабочие Ленинграда, должны обратить внимание. Здесь, между нами, в рабочей семье мы замечаем некоторое соревнование рабочих одной профессии с рабочими другой профессии. Иногда проскальзывают нотки зависти. «Вы больше зарабатываете, чем мы». Но имейте в виду, что такая «ревность» сейчас еще в большей мере проявляется у крестьян по отношению к рабочим вообще. Десятки, сотни рабочих побывали в отпуску летом, и многие делились впечатлениями, полученными из этой поездки. Вы знаете, что это так.

«Ревность» к рабочим.

Много еще есть тяжелого и печального в деревне, о чем вы сами знаете. Много неграмотных, темноты. На-днях Надежда Константиновна Крупская рассказывала мне о своей беседе с крестьянином, приехавшим из одной центральной губернии Р.С.Ф.С.Р. и утверждавшим, что деревня еще и сейчас верит таким диким слухам, как изъятие большевиками всех детей от крестьян. *(Смех.)* Тут не до смеха, товарищи: деревню надо стараться всеми силами, какие у нас есть, просветить, поднять ее культурный уровень.

В деревне есть сейчас известная ревность и зависть к рабочим. Десятки писем от крестьян говорят: рабочему, мол, живется лучше. У нас два класса стоят у власти — рабочие и крестьянство. Правительство должно стараться, чтобы было одинаково и рабочим, и крестьянам, а правительство старается-де больше на пользу рабочим. Так пишут крестьяне.

Рабочим дают кое-где скидку при покупке лекарства в аптеке. И вот, представьте себе, грошовая скидка, получаемая рабочим при покупке лекарства, доходя до деревни, помножается во сто раз. И растут слухи: рабочему хорошо, он в аптеке получает лекарство со скидкой, чуть не бесплатно, а у нас малярия (болезнь, действительно свирепствовавшая этим летом). А у нас лекарств нет... Само собой разумеется, в деревне имеются еще недоброжелатели Советской власти, которым разжигание подобных слухов на-руку.

Или — посылка рабочих на курорты. Мы знаем, товарищи, что больных и нуждающихся в отдыхе рабочих мы посылали в курорты в очень небольшом, к сожалению, количестве. Кое-что в этом отношении в последний год удалось сделать. И вот такая мелочь— ведь дело идет не о миллионах рабочих, а может-быть о нескольких десятках тысяч на весь Советский Союз — сведения эти моментально доходят до деревни, и иногда преломляются так: «вот рабочий работает только 8 часов, а я, крестьянин, работаю в летнюю пору круглые сутки; с меня только налоги собирают (как будто рабочий налогов не вносит), а рабочему живется чуть ли не как графу,—и в аптеке скидка, и в курорты его направляют.»

На это, товарищи, надо обратить самое серьезное внимание.

Смычка — основа всех основ.

Рабочий класс не может стоять у власти без поддержки крестьянства. И мы не зря говорим о том, что смычка рабочего класса с крестьянством есть основа всех основ. Рабочий не сможет поднять народное хозяйство и по-настоящему наладить социалистическое строительство, если у нас не будет действительно настоящей связи с деревней. Но рабочий, как класс, стоящий у власти, должен рассуждать как хозяин. Он должен иметь в виду: если среди десятков миллионов крестьян не будет полной ясности насчет того, что у нас сейчас происходит, то это грозит неисчислимыми затруднениями. Надо обратить серьезное внимание на это ворчание некоторых кругов крестьянства на «преимущества» рабочего класса. Конечно, товарищи, здесь — своеобразное знамение времени. Этого деревня раньше не знала: отношения были другие, и складывались они из иных факторов. В печальные годы голода и блокады, когда рабо-

чий, отправляясь в деревню, скидывал с себя последнюю жилетку за два фунта картофеля, с деревней были несколько иные взаимоотношения, иной быт существовал тогда.

Теперь, когда рабочему стало чуть-чуть легче, все сознательные враги Советской власти объединяются на разжигании ревности и зависти к рабочему в достающихся ему крохах. Это еще большой и очень спорный вопрос: кому с материальной точки зрения живется лучше — рабочему или крестьянину. Разный рабочий, по-разному и живет. Правительство должно стараться и стараться улучшить жизнь и рабочих, и крестьян.

Опасности надо предвидеть и устранить во-время.

Была бы большая беда, если бы черная кошка пробежала между рабочими и значительной частью крестьян. А сейчас эта опасность есть, и вы, товарищи, должны в этом отдавать себе полный отчет.

Каждая крошка, достающаяся рабочему, увеличивается в глазах деревни во много раз. Враги сознательно бьют в это место с целью создать впечатление, будто город грабит деревню в пользу рабочих. Конечно, товарищи, это — не основное в настроении деревни, в общем и целом деревня настроена советски. Не надо преувеличивать. Но мы на то и передовой класс, чтобы заранее улавливать новые отрицательные настроения и не давать возможности разрастись им во что-либо серьезное.

Меньшевики и эс-эры не раз в течение этих семи лет сознательно старались поссорить город и деревню. Они даже в свое время создали отдельные советы: совет крестьянских депутатов и совет рабочих депутатов. Они понимали, что если им удастся поссорить эти две силы, то это приведет к краху Октябрьскую революцию.

Дело учителей, селькоров, красноармейцев наших территориальных частей, курсантов и рабочих, попавших в деревню, комсомольцев, работающих в ней, и т. д. — обратить сейчас самое серьезное внимание на эти нежелательные настроения среди части крестьянства.

Надо суметь объяснить крестьянину действительное положение рабочего, показать ему, как лучшие рабочие в городе, надрываясь из последних сил, восстанавливают фабрики и заводы, нужные и для деревни, и на какие жертвы они при этом идут. И надо понять каждому рабочему в городе, что в вопросе о зарплате и при решении всех других материальных вопросов Советскому правительству необходимо призадуматься над тем, чтобы не передать лишнего, и тщательно взвешивать каждый отдельный налог, каждое отдельное мероприятие, дабы не слишком обременить крестьянина. Ибо союз двух классов: рабочего класса и крестьянства есть основа всего.

Укрепляя промышленность, не забывай о деревне.

Недавно, в связи со стихийным бедствием — наводнением, центральное правительство дало нам в помощь 12 миллионов рублей, да еще кое-что в кредит. По совести должен вам сказать, что брать эти деньги было не легко, потому что в нынешнем году был неурожай, тяжелые налоги, и, кроме того, крестьяне могли сказать, что вот, дескать, у них в городе наводнение, и сейчас же казна помогает, а эти 12 миллионов потом с нас же возьмут. Конечно, лучшая часть крестьян поймет, что правительство обязано было помочь Ленинграду, не могло не помочь. Крестьянство знает, как много сделали для революции ленинградские рабочие, и насколько важно для страны поддержать их в беде. Но и мы должны понимать, что требовательность к казне надо урезывать.

Имейте в виду, товарищи, что рабочих у нас меньшинство в стране. На 5 — 6 миллионов рабочих приходится гораздо большее, чем в 10 раз, число крестьян. Крестьянство живет разбросанно. Естественно, что среди крестьян значительно больше неграмотных, чем среди рабочих, больше предрассудков, меньше сознательности и организованности. Вот источник этих отрицательных настроений в деревне, которые мы должны с вами учесть и иметь в виду при всех наших хозяйственных и полит-просветительных планах.

По одежке протягивай ножки.

Мы не можем строить свой бюджет, свое хозяйство и заработную плату, исходя только из того, что делается в городе. Нет, мы всегда должны помнить, что за плечами у нас сотня миллионов крестьян, часто с отсталым, карликовым, нищенским хозяйством; мы должны помнить, как много у нас глухих углов, где и сейчас еще крестьянин обходится с лучиной. Вчера я спросил у бывшего у нас в Ленинграде председателя Азербайджанского Совнаркома (Баку): «почем у вас керосин сейчас на месте?» — «Четыре копейки». Цена как будто не высокая, а крестьяне вокруг Баку все-таки жгут еще лучину. Кругом — разливное море керосина, и цена на него четыре копейки фунт, а крестьянин часто жжет лучину там же, в Бакинской губернии, потому что ему не по карману платить даже четыре копейки.

У нас есть, конечно, отдельные более богатые районы, но есть и такие, где самые элементарные вещи, о которых рабочий в городе давно и думать забыл, являются для крестьян неслыханной роскошью. Нам надо сравнять с собой, хотя бы немного, и эти отсталые углы крестьянства. Вот почему, товарищи, наиболее передовой рабочий более ясно должен сознавать, что у нас и зарплата, и весь бюджет, и вся работа правительства, включая и культурно-просветительную в городе, не может равняться только по рабочему, но должна равняться и по крестьянству, в том числе и наиболее бедному, отсталому и забитому.

Лицом к деревне!

Надо больше обратить внимания на деревню и партии, и беспартийным, и профессиональным союзам. А мы пока, в этом направлении, мало делаем. Мы имеем, например, первый опыт созыва съезда батраков в Ленинграде. Это хорошо, но надо поглубже протолкнуть в деревню и учительскую помощь, и газету, и тогда крестьянин будет больше прислушиваться к тому, что ему скажут рабочие.

Не успели мы бросить трактор в деревню, как видим, что требования начинают превышать заказы в несколько раз. Крестьянин уже начинает тосковать по трактору. Но с тракторами дело у нас пока обстоит плоховато. Нам надо торопиться с постройкой и улучшением тракторов, необходимых крестьянам, — чтобы наш трактор был дешевле и лучше заграничного. Вот таким образом мы подорвем те назревающие кое-где в деревне настроения, что дескать крестьянин не равен рабочему.

Если мы не обратим достаточного внимания на деревню, если фабрично-заводская промышленность в городе не будет считаться с рамками сельского хозяйства, если мы будем слишком забегать вперед в области расходов, — получится действительно разрыв. А это опаснее всего. Было время, когда рабочие делились на две части — на большевиков и меньшевиков. Тогда дело висело на волоске, — и рабочий класс, и страна могли погибнуть. Теперь пролетарский фронт выровнялся: у нас один лагерь. Но этого, товарищи, мало. Надо еще больше выровнять фронт с крестьянством. Рабочему классу надо повернуться лицом к деревне, двинуться на помощь крестьянству.

ВАЖНЕЙШАЯ ЗАДАЧА С.С.С.Р. НА ВОСЬМОМ ГОДУ РЕВОЛЮЦИИ.

(Из статьи «Семь лет», напечатанной в «Правде» 7 ноября 1924 г.)

Рабочий класс и крестьянство.

К седьмой годовщине Октября никто уже не сомневается в том, что хозяйственное положение С.С.С.Р. пошло вверх, что наша промышленность систематически растет, что денежная реформа удалась, что финансовое положение окрепло, что постепенно консолидируется рабочий класс, что начинает прекращаться деклассирование пролетариата, что медленно, но верно улучшается материальное положение рабочих, что растет, хотя и недостаточно быстро, благосостояние деревни, что, одним словом, хозяйственная жизнь Союза оздоровляется. Первые значительные улучшения в хозяйственной области достигнуты.

Хозяйственные успехи еще невелики, но они вне всякого сомнения. Это — главный итог прожитого времени. Сознание того, что в этой решающей области дело бесспорно продвинулось вперед, является основным в настроении страны, рабочего класса, партии. Лед тронулся.

Вся жизнь нашего государства определяется взаимоотношением двух классов — пролетариата и крестьянства. Свое значение, разумеется, имеют и остальные слои: интеллигенция, мелкое мещанство, новая буржуазия, остатки и зачатки третьего класса. Недовольство всех этих элементов, конечно, необходимо так или иначе учитывать. Но основы нашей политики и устойчивость ее определяются не этими, все же второстепенными, факторами. Только нарушение равновесия в области взаимоотношений двух основных классов нашего государства чревато серьезными потрясениями и, как указывал тов. Ленин, при неблагоприятных условиях даже гибельно. Вот о чем мы не должны забывать ни на минуту.

Когда семь лет назад наша партия завоевала большинство пролетариата, основным вопросом революции было: удастся ли пролетариату, возглавляемому нашей партией, повести за собою кре-

стьянство? Это удалось, и революция победила. Ныне, к началу восьмого года революции, перед нами, в сущности говоря, стоит тот же основной вопрос, только в новой форме. Вопрос о взаимоотношении пролетариата и крестьянства и сейчас является решающим вопросом всей революции.

В течение пяти лет шла гражданская война. Не только рабочие в массе своей понимали, что борьба идет за то, чтобы фабрики остались в руках пролетариата, но и крестьянские массы отлично сознавали в эти годы, что гражданская война идет из-за того, чтобы земля осталась в их руках. Компартия, возглавлявшая рабочий класс, одновременно возглавляла аграрную революцию и являлась в глазах крестьянства той партией, которая руководит крестьянами против помещиков в борьбе за землю.

Примерно с 1922 года начинается другой период. Аграрная революция вчерне закончена, гражданская война завершена. Жизнь начинает входить в хозяйственную полосу не только в городах, но и в деревне. Крестьянство по горло погрузилось в хозяйственные заботы.

Это обстоятельство создало новые взаимоотношения между рабочим классом и крестьянством, на которые не раз указывал в своих речах и статьях тов. Ленин. Теперь перед партией, возглавляющей рабочий класс, задача: доказать крестьянину, что именно она лучше всякой другой поможет ему восстановить хозяйство, обеспечит дешевый ситец, установит цены на необходимые товары соответственно ценам на хлеб, создаст хорошую народную школу и честный, дешевый советский аппарат на местах.

«Советская власть хороша, да мануфактура дорога», — так зачастую характеризуют положение в современной деревне. А в других местах, где советский аппарат в уезде, в волости недоброкачествен, где наши деревенские ячейки еще хромают, где процветают взятки, пьянство и произвол, можно слышать отзывы и похуже...

«Рабочий сейчас у крестьянина может покупать хлеб по довоенным ценам. Спрашивается: почему крестьяне не могут купить товара по довоенным ценам?» — так спрашивает одно крестьянское письмо из Владимирской губернии. Этот вопрос неизбежно задаст все крестьянство. Нужно скорее поднимать и укреплять нашу крупную и среднюю промышленность. Еще и еще больше внимания сюда! Ибо здесь — база. Пролетарий, гегемон революции! Помни об этой основной задаче. Иначе руководящая роль рабочего класса в революции неизбежно уплывет из твоих рук.

Не будем скрывать от себя: положение в деревне зачастую очень незавидное. Некоторые черты недавних грузинских событий (где преобладали местные мотивы, но имели, несомненно, некоторое значение и общие мотивы, характерные не только для Грузии), процесс убийц Малиновского, эпидемия гонений на

селькоров достаточно ясно говорят о том, что партии надо приложить внимательное ухо к земле и крепко задуматься над сложившейся обстановкой в деревне.

Дело не только в том, чтобы объявить беспощадную войну трем бичам современной деревни — взятка, пьянство и произвол, — но в том, чтобы сделать все возможное для более скорого хозяйственного подъема деревни, для обеспечения ее необходимыми продуктами городской промышленности, для создания в деревне, в селе, в волости и в уезде подлинной, т.-е. честной и культурной Советской власти.

По мере роста благосостояния деревни эта последняя задача будет выдвигаться с особой остротой. Ибо растет и будет расти требовательность деревни во всех областях. Растет ее потребность организоваться. Мы должны и тут быть в первых рядах...

Недавно закончившийся пленум центрального комитета нашей партии поставил этот вопрос во весь его рост. Центральная политическая проблема к началу восьмого года революции заключается в том, чтобы обеспечить действительно здоровые нормальные взаимоотношения пролетариата и крестьянства в С. С. С. Р. Не на словах, а на деле оживить советы на местах; связаться с беспартийными крестьянами; в частности — дать большее представительство беспартийным крестьянам в волостных, уездных, губернских советах, а также во всех наших всесоюзных центральных органах. В течение месяцев и годов работать над тем, чтобы приблизить крестьянство к рабочему классу и к нашей партии. Продвинуть в деревню в массовом количестве хорошую книжку (в скобках сказать, это — позор, что столь разросшиеся наши издательства печатают все, что угодно, только не массовую популярную книжку, которая в миллионах экземпляров дошла бы действительно до деревни). Вот задача всех задач.

Помни о крестьянстве! Лицом к деревне! Работай над созданием и упрочением действительно правильных взаимоотношений между пролетариатом и крестьянством—по Ленину. Центральный узловой вопрос, основное «звено», за которое надо теперь ухватиться—работа в крестьянстве. К седьмой годовщине революции запомним это особенно крепко.

III

ПАРТИЯ И РАБОТА В ДЕРЕВНЕ

МЫ НЕ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ТОЛЬКО ПАРТИЕЙ ГОРОДА.

(Из речи на XIII Съезде Р.К.П. (б.) в мае 1924 г.)

Расслоение деревни.

Мы деревню мало знаем. Надо ясно видеть, что тут у нас нет специального рычага ни по партийной линии, ни по советской линии, который бы нас непосредственно связывал с деревней. И мы узнаем о деревне только по косвенным данным. Уделять больше внимания деревне абсолютно необходимо, и с этой точки зрения можно приветствовать появление в литературной области целого ряда монографий, частью партийных работников, частью крупных специалистов, частью беспартийных работников. К числу таких относится книжка тов. Яковлева, недавно появившаяся, книжка Большакова, книжка старого агронома Зубрилина. Каждый из них обследовал только одну волость, но данные, приводимые ими, чрезвычайно интересны. Мы — партия еще слишком городская, мы слишком мало знаем деревню, — это надо зарубить себе на носу, ибо иначе мы всуе будем повторять слова о смычке.

Основное, что касается деревни, это — то, о чем мы последнее время все уши прожужжали, это — расслоение. Много раз говорил нам Владимир Ильич, что деревня подравнялась. Теперь начинается уже нечто новое: в результате нэп'а деревня расслаивается. Много у нас говорят о кулаке. И тут тоже надо иметь в виду, что не надо перебарщивать в двух направлениях: 1) в уступках кулаку и 2) в том, что в кулаки производят того, кто вовсе не кулак. Нельзя каждого мало-мальски зажиточного и сыто живущего крестьянина называть кулаком. Прав Наркомзем, тов. Смирнов, утверждающий, что тут у наших товарищей есть уклон.

Я думаю, что пришло время, когда нам надо различать: кулака в прежнем смысле слова и деревенского нэпмана, растущего воочию. Раньше часто, вы помните, почти каждого зажиточного крестьянина называли кулаком. Владимир Ильич учил нас различать его в зависимости от губернии, в зависимости от места, в зависимости от обстоятельств и времени: в Сибири такой-то крестьянин не кулак, а в центральной России он—кулак. Тем более осторожно нужно подходить сейчас. В деревне растет простой нэпман-ростов-

щик, лавочник, самогонщик, оптовик, там растет тот нэпман, на которого мы будем всячески нажимать. Это совсем не значит, что мы будем на всех сыто живущих и исправно ведущих свое хозяйство нажимать. Дело совсем не в том, чтобы во что бы то ни стало нажимать на «кулака» до бесчувствия, а дело в том, чтобы поддержать середняка, чтоб поддержать бедняка. Мы частично освобождаем бедняка от налога, но этого мало. Бедняк в кооперации чувствует пока малую поддержку; но в том случае, если партия поставит себе сознательную задачу поддержать середняка и бедняка в кооперации, и в кредитовании, и во всем остальном, тогда мы получим другие результаты. Нечего скрывать от себя: мы имеем сейчас такое положение, когда бедняк и середняк часто нами недовольны. Я по этому поводу имею ряд материалов, и в частности имею интересное письмо тов. Сенцова из Иркутска. Я лично тов. Сенцова не знаю. Он писал мне из Иркутска о том, что он видел в сибирской деревне, и он правильно подметил многое.

«В деревне, — пишет тов. Сенцов, — идет стремительная диференциация хозяйства, а следовательно перегруппировка сил «за» и «против» революции».

1. Рельефно вырастает и выделяется тип дореволюционного кулака, с запасом хлеба, с десятком голов скота, с навыком и смекалкой ростовщика, тип кулака, быстро восстанавливающего свое влияние в деревне.

2. Крепнет и середняк, у которого повышается потребность активного участия в хозяйственных, общественных и политических делах.

3. Происходит быстрая пауперизация деревенской бедноты, стремительно увязающей в хозяйственной, а следовательно и политической зависимости от кулаков и середняков. Политическая активность бедноты, не получающей реальной поддержки партии и власти, принижается.

4. Наемное батрачество забито: больших трудов стоит втащить батрака в союз Всеработземлеса; кулак-хозяин не желает иметь работника, состоящего в профсоюзе, и гонит со службы.

5. Партийные ячейки, воспитанные в борьбе с кулачеством и в партизанских отрядах, не могут взять в свои руки верховодства усложняющейся деревенской жизнью в вопросах кооперации, сельского хозяйства, советской работы, и опытные кулаки «обскакивают» наших партийных товарищей.

«Мне пришлось, — продолжает тов. Сенцов, — инкогнито присутствовать на нескольких совместных собраниях ячеек с беспартийными крестьянами в Тулунском уезде.

«Обсуждается вопрос кредитной кооперации.

«Активно выступает докладчик укома Р.К.П.; активно участвуют в прениях кулаки и середняки; помалкивают коммунисты и деревенская беднота.

«В общем крестьяне одобряют партию и власть, но только в центре, в губернии, даже в уезде, а не у себя, в деревне. При обсуждении состава правления общий лейт-мотив таков: «нельзя доверять руководство неопытному и бедному коммунисту: наоборот, надо выбирать работавших ранее и богатых крестьян».

Вот вам картинка из сибирской деревни.

Книжка беспартийного Большакова, с которым я лично беседовал, описывает волость в Тверской губернии (совершенно другая часть России). И он приходит к тем же выводам. Он говорит:

> «Политика в деревне не ясна. Бедняцкий угол молча чешет в затылке, середняки недоумевают, не зная, хвалить или хаять Советскую власть, а из зажиточного, и я скажу — из зажиточно-кулацкого угла,—оттуда нет-нет да и услышишь похвалу существующему режиму».

Это не очень ласкает слух: наверняка белогвардейцы подхватят эту цитату. Пусть! Мы дело поправим. Но нечего создавать себе иллюзий: надо видеть то, что есть. Важнейшая наша задача была — поднять сельское хозяйство. Мы должны были держать курс на мужика — исправного хозяина. Эта задача остается. И сейчас важно не столько ущемление кулака, сколько энергичная поддержка бедняков и лучшей части середняков, чтобы дать им возможность поднимать свое хозяйство. Иначе мы будем получать то, что вы видите: бедняк чешет затылок, а кулак нет-нет да и похвалит.

Крестьяне проявляют в деревне большое критическое настроение. Я зарубил себе в памяти слова Г. И. Петровского на заседании Ц.К., когда тов. Петровский рассказывал о том, что во время своей поездки по Украине он слышал от многих крестьян заявления, что для рабочих и курорт, и кооперация, для рабочих и «скидка в аптеке», а нам, крестьянам, — ничего.

Посмотрите: мы держали смычку рабочего класса с крестьянством, когда решали крупнейшие политические вопросы, и удержали ее, а теперь — такое время, что какая-нибудь жалкая скидка (да еще и сомнительная) в аптеке режет глаза крестьянам, в других отношениях более богатым, чем рабочие. Я привожу это как симптомы тех настроений, которые есть у крестьян, которые мы, как рабочая партия, должны ясно видеть, именно для того, чтобы крепко держать и удержать смычку. В дальнейших работах нашего съезда мы обсудим подробно этот вопрос. Ясно, что тут наметится целый ряд мер. Нам надо обдумать вопрос об облегчении положения бедняка в вопросах о налогах, о сельско-хозяйственном кредите, двинуть землеустройство, вопрос о лесах. Мы мало об этом думаем, а между тем земельное неустройство и непорядки в лесных вопросах продолжаются. Из писем, из книжек, из докладов мы видим, что это имеет большое актуальное значе-

ние в целом ряде губерний. Это вопросы, которые мы можем и должны разрешить.

«Культурные ножницы».

Затем мы должны во что бы то ни стало двинуть вопрос о деревенской интеллигенции: об учителях, об участковых агрономах, которые могут и должны пойти за нами. Кроме тех «ножниц», о которых много говорили, существуют, как правильно сказал недавно в одной из статей тов. Понуров, «культурные ножницы». О них нельзя забывать. Расстояние между культурой города и деревни остается, и местами оно выросло. В докладе Главполитпросвета вы услышите — вам расскажет подробно Надежда Константиновна — об обследовании Наркомпросом целого ряда волостей. Вы услышите, какая темнота в целом ряде уездов и губерний, вы услышите, что именно дети бедняков часто в школу не ходят, девочки вовсе в школу не ходят, вы услышите, как зимой учительница лежит в лохмотьях на печке и ведет урок и пр., и пр. «Культурные ножницы» на-лицо. Это целый ряд самых больных вопросов. Партия может и должна теперь двинуть вопрос о сближении с деревенской интеллигенцией, и она достигнет серьезных результатов. Нам нужно смотреть не на то, что скользит по поверхности деревни, а на деревенские кряжи, нам надо взять деревню в разрезе трех лет нэп'а. Мы должны привлечь внимание партии к этому вопросу.

Профсоюзы в деревне.

У нас могли бы быть кое-какие опорные пункты в деревне и через профсоюзы. Может быть, вы удивитесь, как и я удивился с самого начала, узнав, что у нас в деревне профсоюзы показывают, по крайней мере, на бумаге, больше миллиона членов. Это кажется неожиданным, а между тем вот таблица:

	Число членов в деревне.	% к числу членов профсоюза.
1. Рабпрос (школьные работники в сельских местностях)	211.120	—
2. Всеработземлес (1/I — 24 г.)	196.700	70
3. Сахарники (постоянн. сезон в сел. местн.)	177.000	95
4. Совработники (коренн. кр-не)	120.000	—
5. Строители (связаны с деревней отхожими промыслами)	100.000	50
6. Горняки (связь с деревней)	100.000	30
7. Всемедикосантруд предпол. до	70.000	20
8. Транспортники (грузчики, сезонные)	70.000	—
9. Пищевики (в сельск. местн.)	45.000	25
10. Деревообделочники (вне городских поселений)	42.178	35
11. Связь	30.000	28
12. Водники (отхож. промысл. речники)	20.000	—
Итого свыше	1.000.000	

Выходит, что на бумаге мы имеем почти один миллион членов профсоюзов, а много ли они работают в деревне? Очень мало. Наши профсоюзы об этом не думают. Я просил поставить в порядок дня предстоящего съезда профсоюзов этот вопрос. Я думал, что пора и об этом подумать. Почему бы при В.Ц.С.П.С. не создать комиссии, которая объединила бы работу всех профсоюзов в деревне, почему даже не поставить во главе этой комиссии Михаила Ивановича Калинина или тов. Томского? Кое-что из этого выйдет. Это необходимо сделать потому, что опорные пункты у нас в деревне есть, но они страшно слабы. Кое-что имеет комсомол, он имеет немного больше, чем партия, но и этого мало, ибо мы вступаем в организационную эпоху, когда мы должны организовывать все, что можно организовать, когда мы должны влить свои силы в растущее новое поколение в деревне, насытить его раствором организованности, — иначе найдутся другие люди, другие силы, которые возьмут это дело в свои руки и разорвут нашу смычку с крестьянством.

СОСТОЯНИЕ ДЕРЕВНИ И НАШИ ЗАДАЧИ.

(Речь на заседании пленума Ц.К. Р.К.П. от 27 октября 1924 года.)

Центральный вопрос наших дней.

Товарищи, мне сдается, что мы обсуждаем сейчас не только вопрос о работе в деревне, но и вопрос об отношении к крестьянству вообще, т.-е. гораздо более общий вопрос, который, вероятно, не сойдет с очереди в течение ряда лет. А в связи с этим мы обсуждаем, пожалуй, еще и более общий вопрос о проведении диктатуры в данной обстановке (т.-е. к восьмому году революции), в особенности в деревне.

Без всякого преувеличения можно сказать, что вопрос об отношении к крестьянству есть безусловно центральный вопрос наших дней, господствующий над всеми остальными. И вопрос трудный, ибо он менее всего освещен в своей практической стороне, менее всего подготовлен нашим прошлым.

Конечно, прежде всего, важна экономическая сторона дела. Что благосостояние деревни начинает подниматься, — это мы все видим. Это не значит однако, что политические затруднения партии в деревне будут падать по мере роста благосостояния деревни. Я думаю — наоборот. При наличии той дифференциации, того расслоения деревни, свидетелями которого мы являемся, это неизбежно. Относительно расслоения деревни мы могли бы привести целый ряд цифр, доказывающих ясно, что оно идет гораздо быстрее, чем мы ожидали. По данным Ц.С.У. за 1923 г., хозяйства с 15 десятинами и выше выросли вдвое быстрее, чем хозяйства до 15 десятин. В условиях такой дифференциации, такого расслоения деревни, при нарождении в ней значительного количества батраков, которых насчитывается теперь до 1 миллиона человек, в обстановке роста богатства на одном конце ее,—конечно, мы ни в коем случае не должны думать, что такое положение означает уменьшение политических затруднений для партии. Наоборот, это будет означать увеличение их.

Требовательность растет, как мы знаем отлично, и в городе, и в деревне. Материальные и культурные потребности всего трудового населения пробуждены. Так же, как вы не вернете сейчас рабо-

чего к его ограниченной требовательности в 1919—20 годах (в области заработной платы, в области быта и т. п.), точно так вы не вернете и крестьянина к настроениям, к нетребовательности прошлых годов. Тогда крестьянин под нашим главенством боролся за землю, за ее сохранение в своем обладании против Деникиных и К°, в которых он безошибочно видел вождей помещиков, своих злейших врагов. И по мере роста благосостояния деревни, мне сдается, эти настроения большей требовательности будут расти. Рост благосостояния деревни нас не освободит от этих трудностей, а будет только ставить их перед нами в новом свете.

Тяга деревни к организации.

В связи с этим встает коренной вопрос об организации деревни и о формах этой организации. Если в первые годы революции, в силу всей обстановки, деревня могла оставаться неорганизованной и мы могли на это смотреть сквозь пальцы, то сейчас вопрос ставится иначе. Сейчас, по-моему, он ставится так: удастся ли нам добиться того, чтобы ставшая уже нынче неизбежной массовая организация деревни, которая совершенно назрела, исходным пунктом взяла организационные ячейки, находящиеся в наших руках, т.-е. Советы, комсомольские, партийные и кооперативные ячейки, учителей, которые в последнее время подходят к нам все ближе, и т. д. Или же деревня сорганизуется через голову этих форм организаций, через головы наших организационных ячеек, помимо нас.

В деревне накопилось много кристаллизационных элементов. Миллионнные кадры крестьян, прошедшие через нашу Красную армию, являются этим массовым элементом организационной кристаллизации, и не могут не являться им. Вырастает комсомол. В деревне сейчас уже около 300 тысяч членов комсомола, но не сомневаюсь, что через полгода их будет полмиллиона, а несколько погодя—и миллион. Эти полмиллиона или миллион молодежи подрастут, и нельзя же будет тогда сказать им: «Ну, ребята, теперь вы подросли, теперь расходитесь, не организовывайтесь, «не скопляйтесь». Понятно, что прошедшая школу комсомола молодежь захочет в той или иной форме организовываться дальше.

Сейчас весь вопрос в том, удастся ли нам добиться того, чтобы исходным пунктом, камнем, кирпичем, фундаментом крестьянской организации стали вот эти ячейки, которые находятся в наших руках, т.-е. опять-таки, повторяю, комсомольские, партийные, кооперативные, советские и пр. ячейки.

Уроки грузинских событий.

Надо сказать, что предыдущий докладчик был совершенно прав, когда поставил вопрос о Грузии в связи с вопросом о деревне вообще. Грузия испытала серьезный подземный толчок, это несомненно. Можно спорить, насколько он был силен. Но, несомненно, это был подземный толчок. Напрашивается сравнение

с Кронштадтом. Можно сказать, что среди причин Кронштадтского восстания 1921 г. местных было 10%, а всероссийских — 90%. Вспомните, что тогда же происходило Сибирское восстание, затем — Тамбовское. На 90% Кронштадтское восстание отражало всероссийское крестьянское недовольство, в результате которого мы должны были пойти на нэп, а 10%, надо полагать, было местных причин: в Кронштадте собралась полумахновская молодежь, в Ленинграде был голод и т. д.

В Грузии пропорция, вероятно, была обратная. Тут преобладали элементы местные. Самое большее: можно сказать, что там было 50% местных причин и 50% всесоюзных, а скорее даже местных причин было и того больше. Говоря о гурийском крестьянине, разве мы можем утверждать, что он вполне похож на орловского, костромского? Найдите у нас в Р.С.Ф.С.Р. еще где-либо такие уезды, где бы меньшевики, хотя бы в прошлом, имели 10 тысяч своих членов, главным образом крестьян? В Грузии получилась смесь меньшевизма и национализма, комбинация: меньшевизм плюс национализм. Это дает такую «надстройку», которая более опасна, чем один меньшевизм, или один национализм, или одна эс-эровщина: когда к недовольству национальному прибавляются сильные кадры меньшевиков плюс большая прослойка интеллигенции, которая играет огромную роль в городах и поставляет вождей для мелкобуржуазной деревни. Но к этому прибавилось еще и недовольство советской экономикой (отсутствие мануфактуры, высокие цены на товары, монополии и пр.), это — уже причины всероссийского характера.

Сейчас нам важно понять, что, несмотря на преобладание в грузинском восстании моментов чисто грузинских, все-таки здесь был подземный толчок, который сигнализирует многое для всего нашего Союза. Тамбовский, тверской, вятский мужик, конечно, мало похож на гурийского, но все-таки много есть такого, что их роднит. Грузинский урок не должен пропасть даром. Тревожный сигнал должен быть услышан.

Мы слишком мало знаем нашу деревню. Мы мало ею руководили. И теперь, к восьмому году диктатуры пролетариата, мы еще только ищем тот рычаг, который ведет к деревне. Но ни в советском, ни в партийном порядке мы до сих пор не имели настоящего серьезного привода к деревне. Этим объясняется и то, что тут партия допустила много такого, чего никогда не допустила бы в городе, где мы хорошо знаем среду, слишком близко с нею соприкасаемся, чтобы не увидеть опасности более или менее во-время, когда она еще только возникает.

Деревня по письмам рабочих.

В моих руках находятся материалы, полученные от ленинградских рабочих. Благодаря энергии одного из наших лучших работников, т. Саркиса, которому принадлежит и инициатива устроения

общества культсмычки города и деревни, удалось собрать 300 с лишним писем рабочих из многих заводов, побывавших в целом ряде губерний, начиная от Псковской, продолжая Костромской и кончая Ярославской. Я полагаю, что этот материал надежный. Вы знаете, что по тем реляциям, которые мы имели до сих пор, все проходит слишком благополучно. Скажу вам, товарищи, что когда читаешь эти письма (а также письма, доставленные нам редакцией «Крестьянской Газеты»), то впечатление получается иное.

Я приведу несколько примеров.

Выборы как происходят? В газетах пишут, что у нас все повышается процент коммунистов, проходящих в волостные и уездные советы, и, грешным делом, многие из нас довольны, что номинально повышается процент коммунистов. В Грузии, говорят, все председатели волисполкомов поголовно были коммунисты — сто процентов. Формально: были и советы, все было. Весь вопрос только в том, что многие из этих председателей были навязаны сверху. Вот факты, которые рисуют эти письма. Многие письма говорят совершенно определенно, в один голос, о наблюдающемся абсентеизме на выборах.

Вот, например, письмо из Камышинского уезда:

«Перевыборы в Неткалевский сельсовет. Приезжий товарищ Белоусов делает два кое-каких доклада. Затем предлагает голосовать 15 кандидатов, указывая: «согласны всех 15 голосовать — буду голосовать. Если не согласны,—как хотите, я не буду голосовать». Пришлось голосовать. Все прошли по анкете.

«Разве это — выборы, это — знак самоволия».

«На перевыборы, — сообщает другой товарищ из Царицынского уезда, — население не идет, потому что в них не верит. Причина такого пассивного отношения к перевыборам, это — назначенство. Хоть выбирай, хоть нет, все равно пришлют другого, так нечего ходить выбирать. И если бы присылали лучших работников, то население было бы довольно, а то ведь, вся беда, что лучшего снимают, а ничего не понимающего назначают. Там, где председатели по назначению, им население мало верит и не признает их своими выборными: «мы вас не выбирали».

В Орловской губернии: «Население нашей волости 15.000 человек. От населения волости избирателей с решающим голосом оставили только 11 человек, а от организаций — 12 человек. Когда избиратели от населения потребовали объяснения от уполномоченного, на каком основании избирателей от организаций больше, чем от населения, и спросили у него документальные данные, то он (уполномоченный) сказал, что забыл их в Болхове. Оказались избранными двое, которых население вовсе не хотело. Несомненно, что партийцы получат на перевыборах шансов больше, да это так и должно быть, пока существует диктатура пролетариата и коммунистическая партия уже доказала свою непоколебимость в осу-

ществлении этой диктатуры, тем не менее, нужно дать место в совете и честному беспартийному».

Вот как! «Непоколебимость» компартии совсем не требует таких методов управления.

Такие случаи—исключение. Но их достаточно для того, чтобы партия забила в набат. Таким безобразиям наша партия должна раз навсегда положить конец.

Если вы к этому прибавите сообщения тех же работников, что все-таки ситец доходит в руки крестьян по 60 коп. за аршин и что крестьянин должен платить не менее пуда хлеба за аршин ситца, — то картина получается вполне определенная. Вопрос о ценах на хлеб и на ситец имеет, конечно, решающее значение. Это мы все понимаем, здесь суть вопроса.

В деревне наблюдается и пьянство в огромных размерах. Один рабочий пишет: «Тут поп пьяный и волисполком пьяный, — смычка, так сказать, полная. Произвол и грубость отчаянная».

Насчет произвола этот же рабочий пишет: «Пойдет бедняк-крестьянин хлопотать, — концов не найдет, а пойдет имущий хлопотать, — ему все сделают. Ну да, потому что взятку даст». Это, товарищи, не единичные явления.

Тут есть, конечно, много субъективного, много преувеличений, но эти голоса, повторяю, не единичны. Это — голоса, которым в общем и целом можно и нужно верить, и верить больше, чем другим сообщениям.

Комсомол в деревне.

Несколько слов о работе комсомольцев. Комсомол, это—большая надежда нашей партии в деревне, все мы это понимаем. Но как складывается жизнь комсомола в деревне? Несколько корреспондентов пишут о следующем: образуется в той или другой деревне первая комсомольская ячейка; сначала мужики смеются, и бывает такое положение, что не найдется парня в деревне из комсомола, который решился бы пронести красное знамя в праздник. Потом проходит некоторое время, комсомольская ячейка уже завоевала некоторый авторитет в деревне. Комсомольская ячейка приступает к выполнению одной из задач, которая на нее возложена — к борьбе против самогона. Борьба эта, как вы знаете, очень часто сводится к тому, чтобы произвести обыск и найти, где курится самогон. И что же, как только ячейка приступает к борьбе, она теряет всякую популярность в деревне. Вот действительная, реальная обстановка, в которой складываются и начинают работать наши комсомольские ячейки.

Все это говорит о тех необычайных трудностях, которые создаются для нас в деревне. И все это — на фоне разбуженных потребностей деревни, которые будут неизбежно расти.

Две опасности НЭП'а.

Степень культурной подготовки наших товарищей в деревне невысокая. Коммунистическая прослойка тонкая.

Мы должны помнить, что при проведении диктатуры мы будем в дальнейшем встречаться с двумя опасностями. Первая опасность заложена в обстановке нэп'а и заключается в том, что существует угроза разжижения диктатуры, постепенного перерождения ее, оседлания партии полубеспартийным советским аппаратом. Эта опасность заложена в обстановке нэп'а, и ее мы чувствуем на каждом шагу: она велика. Вторая опасность заключается в упрощенном проведении (иногда граничащем с головотяпством) диктатуры, необычайном упростительстве, бескультурности, грубости, «пропихивании» диктатуры такими мерами, которые могут погубить ее. Опасность тоже большая, которая в данный момент в деревне, в силу того, что там только очень тонкая прослойка коммунистов, становится серьезной.

О комиссиях по работе в деревне.

Нам надо особенно тщательно обдумать ту систему рычагов, при помощи которой удастся поправить, изменить к лучшему положение в деревне. Мне думается, что теперь эта задача начинает вырисовываться более или менее конкретно.

Как подойти к решению этого вопроса организационно?

Прежде всего — по линии партийной. Повидимому, наиболее подходящей формой окажутся специальные комиссии по работе в деревне, которые состоят из представителей целого ряда «родов оружия» и возглавляются авторитетным лицом; решения таких комиссий затем уже проводятся по линии Ц. К., губкомов и других соответствующих органов.

Мне одно время казалось, что образование специального крестьянского отдела при Ц.К. и губкомах будет устойчивей и обеспечит более систематическую работу. Но, судя по всему, это не так. Говорят, что комиссии дадут больше, чем отделы, что отделы могут выродиться в бюрократические органы. Раз это так, то нужно, конечно, высказаться за комиссии. Парткомиссии по работе в деревне собирают в одно место представителей всех организаций и учреждений, работающих в деревне и соприкасающихся с деревней, и тут же дают возможность объединить все стороны дела и потом, через соответствующие инстанции, продвинуть нужные решения вперед. Надо только, чтобы эти комиссии в центре и на местах не прозябали, а то у нас комиссия в центре раскачивалась несколько месяцев. Надо добиться, чтобы во главе этих комиссий обязательно были поставлены авторитетные люди, члены областкомов и губкомов.

Необходимо отметить, что наши пролетарские губернии мало интересовались до сих пор крестьянским вопросом. Иногда даже бывало так, что чем больше данная организация является пролетарской по составу, тем меньше она интересуется крестьянским вопросом. Так было одно время и в Ленинграде, но когда товарищи увидели, что работа в деревне получает громадное значение и для самого города, то начали больше ею интересоваться. У нас часто бывает, что даже в крестьянских губерниях (а где у нас не крестьянские губернии? в самой промышленной губернии у нас большинство крестьян) находится Иванов, Петров, который в деревне временно бывал, чуть-чуть интересуется этим делом и на него все взваливают. А он делает кое-что и кое-как. Мы в том же Омске уделяем 10 тысячам железнодорожников гораздо большее внимание, чем всей Омской губернии в целом.

Дальше, товарищи, так продолжаться не может.

Вы знаете о растущем у крестьян настроении против рабочих. Это — то, что мы называли «ревностью» со стороны крестьян к рабочим. Крестьянин сравнивает свою жизнь и жизнь городского пролетария, и ему кажется, что он обойден, что ему уделяют меньше внимания.

Все это, товарищи, приобретает теперь характер сугубо политический, становится архи-жгучей политической проблемой. Мы можем построить самую великолепную крестьянскую комиссию, которая будет очень хорошо работать, и все-таки недовольство не исчезнет, если не будет правильной политики, если цены на хлеб и ситец не придут в соответствие, если мы не будем укладывать свой бюджет в рамки, приемлемые для сельского хозяйства, если не будем соразмерять зарплату рабочих с состоянием деревни и т. д. Если мы не будем прямо говорить об этом рабочему, то, конечно, проблема эта будет для нас становиться не легче, а еще острее.

Мы должны создать привод к деревне и по советской линии.

Итак, как же сложится у нас теперь система рычагов к деревне? Одних комиссий при парткомах, конечно, мало. Мы должны найти привод и по советской линии, по той линии, по которой мы можем привлечь к делу десятки и сотни тысяч беспартийных крестьян. В организационном отношении этот второй привод имеет громадное значение. Я думаю, что мы должны пойти через оживление советов, через создание и пестование в этих советах беспартийных групп крестьян.

Мы должны, прежде всего, в центре создать такую группу беспартийных крестьян. На ближайшем Съезде Советов должна быть выделена группа беспартийных крестьян при В.Ц.И.К., численностью, примерно, в 60 — 70 человек, по одному от губернии. Надо выделить и цекистов, которые работали бы с этой группой систематически.

Говорят, что надо крестьян, членов Ц.И.К. при этом лишить высоких окладов: крестьяне, которые получают 192 руб. в месяц жалованья, становятся несколько чуждыми деревне; дескать, он задаром получает уйму деньжищ, он не наш. Может быть, эту черточку надо учесть. Почему бы нам всех членов В.Ц.И.К. не перевести на жалованье по месту работы, оплачивать только их дорогу, их содержание на дни сессий и т. д.? Надо учесть, как деревня смотрит на это. Тут легко можно помочь.

Если мы все намеченное проделаем и в волости, и в уезде, и в губернии, и по всей России, и во всем Союзе, если мы отнесемся к этому серьезно, мы получим некоторый инструмент проверки настроений деревни. Партийные комиссии только в сочетании с беспартийными группами, опираясь на них, и дадут нам то, что можно назвать известным рычагом к деревне. Партийные комиссии будут как следует работать тогда, когда они станут подытоживать свой опыт и проверять свои предложения через беспартийные группы крестьян. Конечно, это не последнее слово организационной науки: в практической жизни мы быть-может найдем и другие методы, более усовершенствованные. Но для начала, мне сдается, это тот подход, к которому мы вплотную придвинулись на основе опыта.

Как практическое дополнение, я предлагаю провести изменение личного состава наших наркоматов в сторону введения в них некоторого количества крестьян. И не только наркоматов, но и отделов на местах, и отчасти состава председателей уездных исполкомов и может-быть частично председателей губернских исполкомов.

Товарищ Коганович, бывший на Волге, в Саратове, рассказывал мне следующее: на конференции он расспрашивал о составе губкома в Саратове, есть ли там крестьяне? И ему сказали, что очень мало. При этом подчеркивали, что у нас, мол, в губкоме 85% чистых пролетариев. Конечно, лучше пролетариев никого на свете нет. Но ведь Саратов—типичная крестьянская губерния. Где там многочисленный, политически-увесистый пролетариат? И если в Саратовском губкоме нет крестьян-коммунистов, связанных с подлинной деревней, это ненормально. Эту ошибку мы все делали не раз. Все грешны. Но теперь надо поступать иначе.

Крестьянство в целом подросло. Это уже не то поколение крестьян, которое мы знали 7 лет назад. И крестьянин-коммунар тоже не тот. Более всего этот выросший крестьянин ненавидит, когда смотришь на него сверху вниз. Это вы видите из всех писем. Надо в корне отрешиться от такого отношения к крестьянину. Среди крестьянства есть люди, с которыми можно и должно разговаривать серьезно, которых можно выдвигать на любую советскую работу.

Начать нужно сверху, с Москвы, нужно показать пример, добиться, чтобы и в Наркомземе, и в Наркомпросе, и в Наркомздраве были крестьяне. Еще при жизни Владимира Ильича было

постановление, чтобы в Наркомземе, в коллегии его были 1 или 2 члена из крестьян. Мы добились этого, ввели туда крестьянина-коммунара. Если мы школьное дело хотим поставить жизненным образом, мы должны ввести и в Наркомпрос крестьян. Это должно быть и в Наркомздраве, и в Наркомсобесе, и в Наркомвнуделе, а главное — это нужно провести на местах.

Итоги.

Итак, нам нужно прежде всего ясно поставить политическую проблему, надо ясно видеть, что дело идет не о таких сравнительно мелочах, как создание тех или иных повторительных курсов деревенских работников и т. п. Повторительные курсы — пожалуйста, дело почтенное, я за это: хорошо, что у нас будут повторительные, краткосрочные и всякие другие курсы. Но не здесь центр проблемы. Мы обсуждаем, повторяю, вопрос не только о работе в деревне, а об отношении к нам крестьянства, вопрос о том, чтобы не сорвалась у нас диктатура пролетариата. Все внимание партии мы должны приковать к этому жгучему вопросу, к этой проблеме так, как мы приковывали в свое время под руководством т. Ленина внимание партии к тому, что нужно научиться хозяйствовать, организовывать фабрики и промышленность.

Партия должна теперь начать целую кампанию в том смысле, что мы должны научиться проникать в деревню, организовать деревню, связаться с беспартийными, уничтожить там произвол, добиться подлинного союза с теми прослойками деревни, которые все заметней и ближе подходят к нам, и их организовать. Так стоит вопрос. Меры, которые здесь намечаются и о которых я уже говорил, мы должны рассматривать только как начало кампании. Затем последуют и другие меры, которые нужно будет ввести, в том числе и в области налоговой.

Наши задачи: цены на хлеб и ситец — привести к правильному соотношению. Оживить советы. Привлечь беспартийных. Уничтожить произвол. Поставить солидно парткомиссии по работе в деревне. Смело взяться за работу через беспартийные группы крестьян в советах, в центре и на местах. Поставить в центре внимания партии вопрос о деревне, как коренной вопрос политики пролетарской партии в данную эпоху.

ЧТО РЕШИЛ Ц. К. ПАРТИИ ПО ВОПРОСУ О ДЕРЕВНЕ.

(Из речи на фракции Ц. И. К. С. С. С. Р. 28 октября 1924 г.).

Товарищи, я считаю, что решения, которые вчера были намечены Ц.К. нашей партии по вопросу о работе в деревне, получают громадное значение, и вы на местах должны к ним отнестись самым серьезным образом. Конечно, они будут конкретизированы, разработаны во всех областях: и в налоговой многое нужно изменить в смысле формы, и в административной. В этом отношении надо еще много поработать.

Надо создать беспартийные группы и в центре, и на местах.

Мы решили вчера в принципе, что на предстоящем Съезде Советов необходимо провести в В.Ц.И.К. не меньше, чем по одному беспартийному крестьянину от губернии, т.-е. группу человек в 70. Нужно работать с этими группами серьезно.

Надо серьезно обновить состав наших комиссариатов: у нас должны быть крестьяне в коллегиях и в аппарате Н.К.Зема, Н.К.Здрава, Н. К. Проса и других комиссариатов. На местах тоже потрудитесь это сделать во всех отделах.

Форма работы — комиссии при Ц.К. и губкомах.

Работать над беспартийными группами необходимо серьезно. Форма уже наметилась в виде комиссий при Ц.К. Одно время мне казалось, что отделы будут лучше, но все мы сошлись на том, что попробуем создать комиссии. Такие комиссии должны возглавляться самыми авторитетными членами областных комитетов партии, национальных Ц.К. и бюро губкомов. Они не будут висеть в воздухе только тогда, когда они будут опираться на беспартийную группу. Эту группу сейчас незачем оформлять. Мы обдумаем, как это организационно построить. Если в центре комиссия при Ц.К., опираясь на группу в 70 крестьян, будет прорабатывать предложения и подытоживать опыт, тогда дело пойдет.

Они должны быть из всех «родов оружия», эти партийные комиссии под председательством авторитетнейшего работника; не

так, как до сих пор бывало: найдется какой-нибудь человек, у которого дядюшка был в деревне, и считается он специалистом по работе среди крестьян. Пора это бросить, нужно поставить дело научно, организованно, по-настоящему, по-большевистски. Надо, чтобы и из промышленных губерний рабочие по-настоящему подошли к деревне и, научившись этой работе, кое-чего добились.

Надо оживить советы.

Нам нужно оживить советы. Об этом говорилось 3 — 4 года тому назад, всем уши прожужжали об оживлении советов, о привлечении беспартийных. Ничего как будто нового. Но, действительно, новое здесь то, что теперь это нужно сделать во что бы то ни стало. Нечего бояться крестьянина, — он будет за нас, когда мы ему покажем настоящее советское лицо, когда политика наша будет проводиться так, что мы сможем по-настоящему завязать с ним дружественные связи.

Проблема комсостава в широком смысле слова.

Огромное значение получает сейчас комсостав в широком смысле этого слова. Я говорю не о комсоставе Красной армии, а о комсоставе страны. Только под этим углом зрения нужно подходить к кампании за учительство. Учительство и сельская интеллигенция — наш деревенский комсостав, несмотря на то, что оно теперь нищее (вы сами знаете его положение). Сейчас этот комсостав во всех отраслях — и учитель, и агроном, и земский врач, и статистик — приобретают особенно большой удельный вес. Как раз в этот период, когда деревня подрастает, когда благосостояние ее увеличивается, когда она политически начинает проявлять энергию, когда мы как следует еще не построили наших рядов, — в этот момент комсостав, т.-е. организаторы в широком смысле слова, если он будет работать под нашим руководством, он нам во многом поможет. В том переплете, когда два класса решают, когда один класс, промышленный пролетариат, прекратил свое деклассирование, стал крепко на ноги, начинает лучше жить, а другой класс, крестьянство, начинает подниматься, — в этом междуклассовом переплете комсостав является узловым пунктом, имеет решающее значение.

Не нужно смотреть на это, как на кокетничанье со стороны Ц.К. с учителями или другими слоями. Здесь дело поглубже. Сначала мы брали ощупью, а теперь можно уже ясно нащупать, обобщить и осмыслить вопрос. Дело идет не о политике, меняющейся изо дня в день. Этот комсостав должен быть взят нами теперь в руки Конечно, хорошо было бы взять его раньше, еще в 1919 г., но тогда этого нельзя было сделать ни по политическим, ни по экономическим, ни по международным обстоятельствам, а теперь можно и должно.

Мы должны подготовить фундамент организации деревни.

То, что ныне происходит, это — подготовка фундамента для организации деревни. Комсомольская ячейка, кооператив, учитель, сельсовет, комнезам на Украине, все вместе взятое,—это отдельные разбросанные кирпичи. Наша задача, задача партии, заключается в том, чтобы заботливой рукой эти кирпичи собрать и из них начать строить настоящий фундамент. Думать, что деревня останется прежней, аморфной, неорганизованной, — это значит баюкать себя иллюзиями, глупостями. Деревня нас не захлестнет, напрасно это думают такие люди, как Горький, который больше всего боится крестьян.

Теперь всплывает перед нами во всю свою величину, во весь свой грандиозный рост громадная политическая проблема действительного овладения крестьянством. Нам нужна не «потемкинская» деревня, не реляции о том, будто все обстоит благополучно. Тов. Сталин справедливо указал секретарям деревенских ячеек, что напрасно они сообщают о полном благополучии (между нами говоря, этот грех присущ не только секретарям сельских ячеек, а гораздо более влиятельным товарищам как в советах, так и в партии). Этого нам теперь не нужно. Товарищи, возьмемся по-настоящему за то дело, которое целиком теперь назрело.

Вопрос всех вопросов.

Мы всегда умели то или другое маленькое движение захватить, мы, как партия, организующая рабочий класс, как авангард рабочего класса, всегда умели понять, в чем дело. Вся сумма обстоятельств говорит за то, что вопрос о крестьянстве нужно поставить в центре всего и серьезнейшим образом. Нужны не резолюции только, не бумажные постановления, а важно понять, что это есть центральный вопрос всей эпохи, и не такой, который можно разрешить в несколько месяцев. Несколько лет на это требуется напряженнейшей, интенсивнейшей работы, но она разрешает абсолютно все. Это — вопрос всех вопросов, и я надеюсь, что в ближайшее время он действительно будет стоять в центре вашего внимания.

Получивши все материалы от Ц.К., вы должны будете приковать к этому внимание всех товарищей на местах.

Конечно, крестьянину не надо обещать слишком много. Крестьянин — реалист, обещать надо только то, что можно дать, не размахиваться. Видеть надо все трудности, какие есть, действовать надо осторожно, ощупью, по-деловому, а с деловыми предложениями итти в массы тогда, когда они будут точно выработаны.

ВНИМАНИЕ ВСЕЙ ПАРТИИ—ДЕРЕВНЕ!

(Из речи на пленуме бюро ячеек Краснопресненского района 3 ноября 1924 г.).

Крестьянский вопрос надвигается со всех сторон. Именно потому, что вопрос этот назрел, он на пленуме Ц.К. предстал перед нами как важнейшая политическая проблема о взаимоотношении рабочего класса и крестьянства в переживаемый момент. Таким образом, Центральный Комитет партии обсуждал вопрос об отношении пролетариата к крестьянству к 8-й годовщине революции. К этому нас побудил ряд обстоятельств и, прежде всего, грузинские события.

Местное и общесоюзное в грузинских событиях.

В Грузии причины восстания носят в большой степени местный характер, облечены в национальный переплет. Грузия расположена на перекрестке мировых дорог, и английские империалисты очень много думают и зарятся на этот лакомый кусок. В течение нескольких лет Грузия была зависимым от Англии государством, и национальный вопрос играет там крупную роль.

Но нельзя объяснять грузинское восстание только причинами национального характера, — мы знаем, что в 2-3 уездах Грузии крестьяне принимали участие в восстании. Правда, крестьян надували, бывали такие случаи: подходит к телефону в каком-нибудь маленьком городке представитель меньшевиков и вызывает Батум, потом Тифлис и спрашивает: «Что у вас?», а оттуда свой человек отвечает: «Приехал Жордания, всех большевиков посадил в тюрьму». Крестьяне и верят. Там были и явления, совершенно необычные для гражданской войны и свойственные только такой мелкобуржуазной стране, как Грузия: в одной семье один брат—большевик, другой—меньшевик, и в ночь накануне восстания большевик храпит спокойным сном, а меньшевик берет его винтовку и идет разоружать большевиков. Бывало, что население прятало

оружие и говорило: «Отдадим тому, кто победит». Все это — картины мелкобуржуазного захолустья, все это — чисто грузинское явление.

Однако грузинское восстание было вызвано не только причинами местного значения. Были причины и экономического характера. Наши товарищи переборщили в хозяйственной области: они ввели монополию на коконы, и пока мужик привозил коконы туда, куда их нужно было доставить, они портились; цены на хлеб вызывали недовольство, цены на кукурузу были слишком дешевые, а вывезти заграницу, как это было раньше, крестьяне не могли из-за монополии внешней торговли. А тут меньшевики разжигают: «Если бы у вас была свобода внешней торговли, вы могли бы обернуться лучше». Сюда надо прибавить и недостаток мануфактуры и ее дороговизну. Вот те экономические причины, которые сыграли определенную роль в грузинском восстании. Вызывал возмущение грузинских крестьян и произвол властей, навязывание коммунистов, отсутствие крепких советов на местах. Власть была на 100% в руках коммунистов, но эти коммунисты не имели никакой связи с беспартийными. Подобные явления, товарищи, наблюдаются не только в Грузии, они сказываются частенько и в Тамбовской, и в Псковской, и в других губерниях нашего Союза.

Еще одна причина — грубая, головотяпская антирелигиозная пропаганда. В Грузии наши товарищи ухитрились в один год закрыть до 1500 церквей. В нашей крестьянской стране, где так сильна неграмотность, в стране, где мы платим за пуд хлеба 60 коп., а за аршин ситца тоже около 60 коп. (на месте), в нашей обстановке торопиться с закрытием церквей нечего. Успеем и через несколько лет. Мы должны подождать, пока наш крестьянин будет грамотным, а теперь мы не можем позволять нашим комсомольцам (которые, вообще говоря, великолепные ребята), чтобы они слишком дразнили крестьян.

Мы думаем, что грузинский опыт должен быть учтен для всего Союза. На то мы большевистская партия, чтобы по одному маленькому подземному толчку сделать широкие, необходимые для всей страны выводы. То, что произошло в Грузии, это — маленький подземный толчок, и обязанность партии приложить ухо к земле и внимательно разобраться, что́ в этом толчке случайного, наносного, а что́ в нем почвенного. Это — одна причина, побудившая нас поставить крестьянский вопрос широко.

«Дымовка» в нашей действительности.

Другая причина, привлекшая наше внимание к вопросу о деревне, это — «Дымовка». Все вы читали и слышали о Дымовском процессе над убийцами селькора Малиновского. Дымовка расположена не где-нибудь в пустыне, а всего в 50 верстах от Николаева, который в течение 25 лет известен, как крупный рабо-

чий центр. Дымовский процесс выявил картину весьма показательную во многих отношениях. Дымовской ячейкой руководили 3 человека, из них двое оказались уголовными преступниками и убийцами, лишь один Григорий Малиновский был честным человеком и хорошим коммунистом, но он пал жертвой двух остальных. Было бы в высшей степени рискованно сказать, что все другие ячейки такие же, но тут от 50 до 90% местного, а 10% общего, такого, что должно заставить нас задуматься: а нет ли у нас еще таких Дымовок?

Во главе Дымовки стоял прожженный тип Попандопуло, успевший стать членом партии еще в 1920 г., тертый калач. Сын его — из молодых, да ранний, — секретарь комсомольской ячейки. У сынка настолько отросли когти, что иногда он председательствовал, вместо отца, на волостном сходе и разгонял его, когда ему было нужно.

И Попандопуло, и другой вершитель дымовских дел Постолати имели и книжки членов партии, и револьверы в кармане, и одновременно являлись сотрудниками Г.П.У. Подступиться к ним никак нельзя было. Так, приехал на место член Ц.К.К., тов. Загребельный, рабочий от станка, поговорил с начальством, видит, что ничего выудить не может. Созвал сход, а на сход явилось около сотни людей. Тов. Загребельный пытается на сходе разузнать всю подноготную дымовской жизни, но все выступающие в один голос хвалят Попандопуло. Загребельный вынужден уехать ни с чем. И только когда ему принесли протокол, он обратил внимание на то, что в нем указано, будто на сходе присутствовало 350 человек. — «В чем дело? Ведь, там не было и ста человек». Ему отвечают: «Да мы всегда так пишем, округляем цифру». После этого он вернулся в село, и оказалось, что у Попандопуло есть своя группка, которую тот приглашает на сходы. Одних он подкупил, других запугал и, таким образом, выкроил несколько десятков личных сторонников; на них он держится, они его хвалят. Сторонники Попандопуло и во время процесса посылали в тюрьму бумагу за подписями, благожелательную для него. В этом деле особенно худо для нас то, что эти 60 — 70 человек как раз из бедноты. Какова же дымовская картина? В ячейке — двое уголовных, они являются сотрудниками Г.П.У., у них 50 — 60 человек из бедноты, выделенные ими по признаку личной преданности, и вся эта компания олицетворяет собой власть в Дымовке.

Товарищи, Украина несколько отстала потому, что там дольше затянулась гражданская война. Все же можно предполагать, что подобные условия, но не в таких грубых формах, мы имеем и не в одной Украине. Наши ячейки в деревне очень слабы. Недавно при Ц.К. происходило совещание руководителей деревенских ячеек, и я слышал там отзывы об иных наших ячейках в деревне малоотрадные. Все это побуждает нас так широко ставить вопрос об отношениях рабочего класса и крестьянства.

Основная причина — в экономике.

Без сомнения, огромную роль в этих отношениях играет экономика. Я получаю много писем по этому поводу. В одном из них мне пишут: «Ведь факт, что рабочие получают от крестьян хлеб по довоенной цене. Это верно. Так разве мы, крестьяне, не имеем права на то, чтобы получать от них товары из города по такой же довоенной цене? Что вы на это ответите!». Конечно, можно сказать, что была гражданская война, что была блокада, что производительные силы страны износились, что много накладных расходов, что мы еще не все имеем,—это, понятно, «смягчающие вину обстоятельства». Но спрашивающий ставит вопрос ребром и требует ответа.

Товарищи из Баку рассказывают, что там керосин стоит 4 копейки фунт, а крестьяне в окрестностях Баку жгут лучину, настолько они бедны. Мы давно забыли, что керосин — предмет роскоши, а для крестьянина, живущего под Баку, где нефть бьет из-под земли фонтаном, керосин все еще недоступная вещь. Очевидно, что вопрос об экономике стоит резко.

В деревне назревает то, что я назвал бы «ревностью Советской власти к рабочим». Эта ревность есть не только у кулака. Многие крестьяне пишут о том, что рабочих страхуют за их счет. Они говорят: «У крестьян нагрузка 85% довоенных, а доход, по сравнению с довоенным, 25 — 30%. У рабочих же, вы сами говорите, производительность сейчас — 70 — 80% довоенных, а заработная плата, по крайней мере, в столицах, тоже — 70 — 80% довоенной. Так вот мы и обижены».

Подобное настроение ревности деревни по отношению к рабочим является продуктом нынешнего времени. Это и есть то новое в нашей политике, на что мы должны обратить внимание. Если бы у нас с экономикой дело было гладко, если бы крестьянин получал ситец по ценам, более или менее близким к прежним, если бы он мог покупать спички и керосин, то все остальное было бы с полбеды. Но этого пока нет, и поэтому крестьянин придирается к рабочим и в мелочах. Несоответствие в экономике, в ценах создает такие опасные настроения, которых нельзя недооценивать.

Два основных класса с «дробью».

Мы должны всегда помнить: у нас в стране два класса или, вернее, 2 класса с «дробью». Рабочий класс и крестьянство — два основных класса, кроме того, есть еще дробь: это—новая буржуазия, остатки старой буржуазии, служилое сословие, часть буржуазной интеллигенции. Дробь составляет, допустим, третий класс. Если третий класс нами недоволен, то это еще с полбеды. Интеллигенция всегда требует: три года тому назад она тяну-

лась к печке-буржуйке, теперь подавай ей свободу печати, свободу слова. Этого пугаться нечего. Они подождут с десяток лет. Мы уже на примере Англии видели, что такое свобода слова и свобода печати. Вы все знаете историю с знаменитым «письмом Зиновьева»: двинули явный подлог и заработали миллиончик голосов. Я, говорит, имею право напечатать, а ты имеешь право опровергнуть (правда, после выборов). *(Смех.)* Со свободой слова нам торопиться нечего, и в обстановке наших отношений с третьей половиной класса над нами не каплет. Но что касается двух основных классов, то каждая шероховатость в их отношениях опасна, потому что все наше государство, весь наш советский строй и вся диктатура пролетариата держится на союзе рабочего класса и крестьянства.

Пренебрежение к вопросу недопустимо.

Есть в наших рядах такие, которые говорят: «Эка подумаешь, важность,—деревенщина. Стоит ли нам, просвещенным, промышленным пролетариям, этим заниматься?». И они воображают, что это—пролетарская постановка вопроса. Нет, товарищи, не тот большевик, который сверху вниз смотрит на крестьянина, а тот, который понимает, что пролетариат — руководитель революции, руководитель хозяйства, а раз так, то пролетариат должен вести такую политику, при которой крестьянство, во много раз более многочисленное, чем он, будет его поддерживать. Иначе нам власти не удержать. Настанет время, когда у нас будет 20 миллионов рабочих, а не 3 —4, как сейчас, подрастет к тому времени и крестьянин, ему станет легче, и тогда отношения между рабочим классом и крестьянством будут налаживаться легко и гладко. Но сейчас рабочий класс составляет лишь тонкую прослойку в 3—4 миллиона, и относиться к крестьянству, как к деревенщине, это — не ленинская, не большевистская, а цеховая постановка вопроса. Наш рабочий класс, руководящий всей страной, должен рассуждать и ставить вопрос широко, как основная сила всей революции. Чем больше мы, большевики, являемся рабочей партией, чем больше мы говорим и думаем о диктатуре пролетариата и мировой революции, тем внимательнее мы должны относиться к интересам крестьянства, ибо только та диктатура есть большевистская, при которой крестьянство за нами пойдет.

Поэтому, товарищи, во весь рост встает теперь вопрос об отношениях рабочего класса и крестьянства. Изменить экономику — дело не легкое. Мы видим, что распыление рабочих кончается, мы видим — рабочие укрепляются, улучшается их материальное положение. Это все хорошо. Работать теперь над улучшением экономики деревни — это девять десятых нашего

задания. Но, товарищи, кроме того, есть и такие явления, которые легче устранить, чем изменить сразу экономику. Например, закрытие церквей. От этого мы легко можем отказаться.

В деревне надо создать настоящую Советскую власть.

Какова советская работа в деревне? Мы привыкли к тому, что в Ленинграде, в Москве у нас настоящая Советская власть; правда, есть и бюрократизм, есть и взяточничество, но мы знаем, что можно найти правду, можно найти ход и в партийную организацию и к членам партии. Здесь положение установилось, и действительность более или менее похожа на советскую, какой она должна быть. В деревне — совсем не то. В деревне дело обстоит много хуже.

Вы помните, как в 1919 и 1920 гг. почти каждый рабочий, выступавший на фабрике или заводе, должен был начинать примерно таким образом: «Мы знаем, что многие присосались, что много взяточников вокруг, но время идет, мы приспособливаемся и изменим создавшееся положение». Теперь такая же обстановка создалась в деревне. Там, как показывает Дымовский процесс, к партии присосались чуждые элементы, а наши деревенские товарищи, молодые и сильные, своего хозяйства не имеют, и крестьяне им говорят: «Подождите, вот мы кончим дело, а потом можете начинать митинг». Выходит так, что к делу, к настоящему крестьянскому делу, ячейка никакого отношения не имеет. И вот тут-то, товарищи, нужна помощь всей партии.

В карете прошлого крестьянин не поедет.

Деревня за эти годы выросла. И точно так, как вы не вернете назад рабочего, так вы не вернете назад и крестьянина. За эти 7 лет в деревне накопилось большое количество организационных кристаллов, деревня сорганизуется. Весь вопрос в том, сумеем ли мы взять эту организацию в свои руки. В противном случае деревня будет организовываться через наши головы, и это явится громаднейшей опасностью для диктатуры пролетариата.

Когда московская, ленинградская или тульская интеллигенция говорит нам о том, что у них растут требования, мы говорим: «Подождите. У нас диктатура пролетариата». Крестьянину мы этого сказать не можем, потому что наше государство состоит из этих двух основных классов: рабочих и крестьян; мы должны строить наши организации так, чтобы руководство осталось за рабочими, потому что они более организованы, живут концентрированней, в городах, потому что они имеют громадный революционный опыт и смогут осуществить свою гегемонию. Но не старыми средствами, не тем, что вычеркнешь всю волость, не тем, что ячейка навяжет свою волю сверху. Эти времена миновали. Потрудитесь с крестьянами поговорить, потрудитесь выбрать того, кто имеет доверие в деревне. И если не подойдет наш товарищ,

коммунист,—потерпи, добейся того, чтобы и беспартийные приняли участие в нашей деловой работе, — иначе ты нынешней деревни за собой не поведешь. И ты, промышленный пролетарий, совершивший революцию, можешь потерять власть, если не сумеешь полюбить нынешнюю деревню, не сумеешь эту деревню повести за собой не только принуждением, но и убеждением.

Перед нами громадная политическая проблема. Семь лет тому назад, в начале революции, вопрос стоял так: поведем мы за собой крестьян — победим, не поведем — не победим. И сейчас вопрос стоит точно так же. Вся разница только в том, что в начале революции, от 1917 до 1921 г., деревня шла вместе с нами под лозунгом земли. Мы стояли во главе рабочего класса, но мы стояли и во главе аграрной революции. Нужно было отобрать землю, и крестьяне в 1921 г. понимали, что коммунист, хотя и дерет налог, но он является членом партии, возглавляющей аграрную революцию и защищающей землю против Деникина, представителя помещиков. Наступил новый период. Крестьянин — наибольший реалист-политик. Землю дал — спасибо, а теперь вопрос о цене на хлеб, о дешевом ситце, о дешевом правительственном аппарате, о сносной школе. Если же мы будем предлагать крестьянину ездить в карете прошлого, он нам ответит: «Ты помог мне взять землю, — я помог тебе создать Красную армию. Теперь я даю тебе хлеб по довоенной цене, — давай по такой же цене ситец. Давай честную администрацию, уничтожь произвол, дай сколько-нибудь выгодную для меня кооперацию, и тогда такое правительство будет для меня наилучшим. Если же ты всего этого не сможешь, — извини».

Ты — большевик, а не трэд-юнионист.

Товарищи. Обо всем этом говорил нам на II съезде партии Владимир Ильич, а теперь об этом кричит вся советская действительность: и подземный толчок в Грузии, и нарывчик в Дымовке. Мы должны узнать, почему он выскочил. Не потому ли, что плохо все кровообращение. От этого вопроса не уйти промышленному пролетарию, рабочему с «Амо» и «Динамо». И если ты только рабочий «Амо» или «Динамо», то это — не большевистская постановка вопроса, тогда устрой трэд-юнион, по английскому типу, но не говори, что ты — руководитель советской страны, что ты построишь жизнь по-новому. Тогда ты — трэд-юнионист, а не большевик.

Товарищи, я знаю, что уже сейчас в Москве пытаются неверно истолковать нашу позицию. У меня была попытка в статьях и речах наметить новую линию. И уж кое-кто из оппозиции пустил слух: «Вот, мол, был конь, да изъездился. Теперь начинает говорить о мужике». Я не знаю, найдется ли такой дурак, который клюнет, но я знаю, что если бы наша партия поставила вопрос так: что вот, мол, нас, большевиков, крестьянский вопрос не

касается, — это была бы верная гибель. И когда мы видим, что у нас назревают новые трудности — крестьянский вопрос, тогда наша задача, компартии, большевиков, партии, которую выпестовал Владимир Ильич, установивший тесную связь между рабочими и крестьянами, наша задача сказать: сейчас наша основная политическая проблема — наладить политическое сожительство с крестьянством. Крестьяне же и рабочие—два класса, взаимоотношения между которыми решают все. Это — основа ленинизма. Если в отношениях пролетариата и крестьянства накопились такие элементы, которые заставляют нас бить в набат, мы будем трусами, если мы бить в него не станем.

Что наметил Ц.К. партии.

Социалистическое хозяйство медленно, но верно нарастает. Элементы социализма в нашем хозяйстве есть, и в этом наша главная надежда. Но, товарищи, если мы в период, пока они нарастают медленно, не изживем политического разлада с массой крестьянства в стране, тогда могут полететь все завоевания и в области хозяйства, и в области международной политики. Вот, товарищи, как ставит вопрос Центральный Комитет нашей партии. И в этом смысле на пленуме Ц.К. было полное единодушие.

В резолюции мы решили затрагивать вопросы чисто деловые, не обещать крестьянству ни одного лишнего слова. Резолюция носит характер деловой, организационный. Мы наметили целый ряд мероприятий. Очень важное место занимает образование групп беспартийных крестьян. Во В.Ц.И.К. мы будем иметь по одному человеку от каждой губернии, т.-е., по крайней мере, 60 человек беспартийных крестьян. То же и в губернии. Через группы беспартийных крестьян мы сможем проверять наши решения. Мы должны добиться того, чтобы в Наркомземе было хоть немного настоящих крестьян.

Посмотрите, товарищи, на наши издательства, например на Госиздат. Чего только там не найдешь. Можно подумать, что мы живем в XXIII веке. Для маленькой горсточки людей — все, что хотите, но нет ни одной книги, которая дошла бы до деревни в миллионах экземпляров. Наш Наркомпрос все время жалуется на то, что ему отпускают мало средств, а между тем он издает иногда утонченные произведения искусства и не думает о деревне. Суньте туда парочку настоящих мужиков, и посмотрим, что из этого выйдет. Польза будет большая!

Деревня нам поможет.

То же самое в губерниях и в уездах. 70 — 80 членов партии варятся в собственном соку. Сунем их в деревню. Нам на помощь придут все товарищи, работающие уже в деревне, все крестьяне,

которые к нам тянутся. Посмотрите на селькоров. Господа «Попандопуло» убивают их часто. Быть рабкором у нас трудно, но еще труднее быть селькором. А, между тем, в лице селькоров появляется новый слой, который через головы Попандопуло и через голову наших слабых еще ячеек хочет подать руку нам, настоящей партии; этому слою мешают, в нем кое-кто видит конкурента, его бьют Попандопуло. Вопрос о селькорах — тоже маленький сигнал, намек на что-то происходящее в деревне. Товарищи, надо понять и суметь передать деревне, что партия по-новому поставила вопрос о крестьянстве. Ведь вся беда наша в том, что деревня не скоро узнает о нашем постановлении, и до деревни едва ли дойдет газета. Первая, основная задача каждого из членов партии — добиться того, чтобы наши рабочие помогли сообщить деревне, как компартия по-новому поставила вопрос.

Смешно думать, что можно быстро решить такую задачу. Нужно запастись терпением, надо работать не год и не два, потому что мы должны поднять такую тяжесть, на которую требуется много времени и усилий.

В общем и целом, Ц.К. во-время остановился на этом вопросе. Конечно, деревенская работа дается нам труднее, чем городская. Наша партия, по преимуществу, рабочая партия. Наша партия имеет большой опыт и большие связи с городом, но она сможет и всерьез заняться вопросами деревни. Вот, товарищи, черновой набросок наших новых мероприятий в деревне. Вся задача в том, чтобы политически вопрос был поставлен правильно. В этом смысле грузинские события и развернувшаяся пред нами дымовская картина сыграли определенную роль: руководители партии призадумались, нет ли чего тревожного в этих событиях.

Полагаю, что задумается над этим вопросом и вся партия. Мы должны найти и найдем такое решение, которое соответствует основам ленинизма.

IV

КОМСОМОЛ И УЧИТЕЛЬСТВО В ДЕРЕВНЕ

ЗАВЕТЫ ЛЕНИНА И КОМСОМОЛЬЦЫ ДЕРЕВНИ.

(Статья из журнала «Крестьянская молодежь» № 1, 1925 г.).

Целую жизнь — прекрасную жизнь великого борца и признанного всем миром учителя трудящихся — отдал В. И. Ленин прежде всего нашей стране. Рабочий класс и трудящиеся крестьяне всего мира признали в тов. Ленине своего несравненного учителя. В день его похорон год тому назад обнажились головы десятков миллионов трудящихся всей земли. 21 января 1925 года, в первую годовщину его смерти, у великой могилы В. И. Ленина в Москве вновь мысленно соберутся миллионы и миллионы трудящихся всей земли,—все, что есть честного, мыслящего, передового в рабочем классе и крестьянстве всех стран.

Одним из важнейших заветов Ленина является союз рабочих и крестьян. Самой драгоценной частью учения тов. Ленина является именно та часть, которая говорит об этом союзе. Рабочий класс не может окончательно победить буржуазию без помощи крестьянства. Крестьянин не может стать самостоятельной силой и скинуть с плечь иго помещиков, не поддержав рабочего. Беречь, как зеницу ока, беречь смычку рабочего класса и крестьянства,— в этом ценнейший завет Ильича.

Но если ученикам Ленина дорог союз рабочего класса и крестьянства вообще, то им еще во много раз дороже союз рабочего класса и молодого поколения крестьянства. Молодое поколение крестьянства, подросшее за годы революции, есть наша главная надежда. В среде молодого поколения крестьянства меньше религиозных и иных предрассудков, больше грамотности, больше подвижности, больше стремления к новой жизни.

Комсомольцы деревни должны стать живым мостом между крестьянством и рабочим классом.

Умирая, Ленин думал и нам завещал думать о том, чтобы нынешнюю Россию, где еще так сильна неграмотность, где так еще много нужды и нищеты, где живы еще остатки старой дореволюционной России, где существуют еще капиталисты, т.-е. суще-

ствует богатство и бедность, где крестьянин живет еще часто в тяжких условиях, — превратить в Россию, поголовно грамотную, культурную, развитую, сильную, богатую, без нищеты, без религиозных предрассудков, без неравенства, превратить в страну, быстро поднимающую свое хозяйство на невиданную высоту, в Россию социалистическую. Работать над этой задачей должны, разумеется, все поколения, но важнейшая доля работы выпадает на молодое поколение крестьянства, на то поколение, которым хочет руководить комсомол.

Деревенские комсомольцы, это пока—только первые ласточки, но это именно те ласточки, которые сделают весну.

Деревенские комсомольцы, если они хотят выполнить заветы Ильича, должны суметь прежде всего внедриться в хозяйственную, бытовую жизнь деревни. Комсомольцы деревни должны вести себя так, чтобы вся деревня сказала: комсомолец, это — самый смелый, самый дельный парень, самый честный, самый самоотверженный, самый стойкий работник, самый бескорыстный, самый грамотный, толковый. Комсомолец должен уметь не только читать книжку и газету, не только устраивать шествия 1 мая или 7 ноября. Комсомолец должен быть первым, когда дело идет о том, чтобы починить мост в деревне, чтобы поправить дорогу, чтобы отремонтировать общественное здание, чтобы помочь крестьянину-погорельцу бедняку, чтобы оказать поддержку жене красноармейца, чтобы помочь наладить кооператив, или вывести на чистую воду взяточника, или отремонтировать развалившуюся школу, или достать топливо для школы, или электрифицировать деревню и т. д. Комсомолец должен быть первым борцом против пьянства, первым работником по уничтожению безграмотности, первым помощником в организации сельско-хозяйственного кружка, первым помощником Советской власти вообще. Комсомолец должен научиться писать в свою газету, должен поддерживать селькора, должен уметь завязывать связи с рабочими ближнего города. Комсомолец должен стать лучшим помощником хорошего учителя и учительницы, того учителя и той учительницы, которые готовы искренно помочь деревне. Комсомолец должен уметь работать прежде всего над самим собою. Ничего так не презирал тов. Ленин, как поверхностность, чванство. Комсомолец не должен быть насвистанным попугаем, умеющим только повторять модные словечки без понимания их смысла. Комсомолец должен учиться и учиться. Начав с простой грамоты, продолжая грамотой политической, комсомолец должен суметь засесть за главные книжки тов. Ленина. Комсомолец должен, работая, учиться и, учась, работать.

Комсомольцы деревни должны понять, что перед ними непочатый край работы. Вся наша партия — партия тов. Ленина — взяла теперь своим главным лозунгом: лицом к деревне! Партия знает, что годы и годы работы нужны для того, чтобы нынешнюю деревню переделать в деревню действительную ленинскую.

В деревне поднимают голову кулаки. Их сыновья, из молодых да ранние, часто пытаются взять в свои руки деревенскую молодежь. Батюшка действует мошной, сыночек — глоткой, наглостью. Комсомольцы деревни должны помочь нам сорганизовать прежде всего бедняцкую и середняцкую молодежь, приобщить к нашей организации сельских батраков, поставить кулака перед стеной крестьянской солидарности. Кто полезет против этой стены, пусть расшибет себе лоб.

Советская власть, верная заветам тов. Ленина, дает простор трудящейся молодежи учиться; она делает и сделает все возможное, чтобы помочь лучшей части деревенской молодежи получить образование и готовить из себя настоящих работников ленинской рабоче-крестьянской страны. Учиться, однако, надо не только в стенах наших учебных заведений, но в жизни, в борьбе, на практической работе, начиная с самого маленького, скромного, но важного дела.

Комсомольцы деревни! Ваша работа еще только начинается. К вам обращено внимание всей ленинской партии. Засучив рукава, смело за работу!

КОМСОМОЛ В ДЕРЕВНЕ.

(Из речей на Всесоюзном Съезде Р.Л.К.С.М. 12 июля 1924 г. и на собрании ленинградских организаций Р.Л.К.С.М.)

Центральным является сейчас вопрос о работе в деревне. Задачи вашего союза здесь колоссальные. Мы должны ставить все вопросы работы в деревне по существу.

Недооценка значения работы в деревне.

Я не скрою, товарищи, что у части руководителей Р.К.С.М. несомненно замечалась и замечается недооценка значения работы в деревне.

Владимир Ильич однажды на Съезде Советов цитировал французскую пословицу о том, что иногда достоинства человека легко переходят в его недостатки. Это относится не только к людям, но и к организациям. Комсомол — одна из наиболее пролетарских по составу организаций. Это наше крупнейшее достоинство. В громадном большинстве в вашу организацию входит заводская молодежь, вываривщаяся в фабричном котле. Но именно это ее достоинство часто становится недостатком в том смысле, что мы иногда не видим за собой деревни, не чувствуем ее важности, ее громадного удельного веса. И поэтому даже отдельные маленькие промахи и недооценка нашими товарищами деревни могут получить большое и роковое значение. Нам надо во что бы то ни стало проникнуть глубже в деревню. Я уже вам привел до крайности маленькую цифру, свидетельствующую о том, что наши аванпосты Р.К.С.М. в деревне еще слабы. Чтобы этот недочет стал ясен для всех, нужно выяснить некоторые принципиальные вопросы.

Надо расширить комсомольскую базу в деревне.

Иногда говорят: ведь вот партия в целом держит курс на рабочий состав. Ленинский призыв есть апофеоз этой идеи — рабочие от станка. Да, Р.К.П. мы стараемся орабочивать. Мы говорим, что

она рабочая, а не рабоче-крестьянская партия. Р.К.П. есть партия рабочего класса, ведущая за собой крестьян. Отсюда иногда делают несколько упрощенные выводы, что, стало быть, Р.К.С.М. должен во всем копировать Р.К.П. и также строиться исключительно на базе пролетарского юношества. Я думаю, что это неверно. Так ставить вопрос, это значит упрощать дело.

Тов. Бухарин, в согласии с другими товарищами из Ц.К., в своих тезисах совершенно правильно отмечает, что чем ниже в возрастном отношении мы строим организацию, тем смелее и шире должна она включать в свои ряды не только пролетарский элемент города, но и обширные слои молодежи деревни. Р.К.С.М. должен смелее вербовать в свои ряды нерабочих, нежели это делает Р.К.П. Если взять еще одним звеном ниже, — пионеров, то они должны еще смелее вербовать в свои ряды не чисто пролетарский элемент.

Почему? Конечно, не потому, что это организация «низшего» порядка, и не потому, что мы пренебрежительно относимся к целям и задачам этой организации.

Начну с пионерского движения. Оно охватывает совсем молодых ребят, родившихся после Октябрьской революции. Мы хотим организовать новое поколение, которое мы должны воспитать, переработать, переварить в комсомольской организации, чтобы сделать из них коммунистов. В. И. разъяснял, что строить коммунизм руками одних только коммунистов было бы пустейшей ребяческой затеей. Мы, как коммунисты, должны взять инициативу в деле строительства коммунизма, но мы должны помнить, что нам нужно перевоспитать поколения в коммунистическом духе. Организацией пионеров, пока слабой, мы хотим зачерпнуть поглубже из детской массы, взять не только детей пролетариев, но и из других слоев населения.

Поднявшись на следующую ступеньку, мы приходим к Р.К.С.М. Р.К.С.М. может и должен вербовать в свои ряды крестьян смелее, чем это делает Р.К.П. в целом, потому, что Р.К.С.М. имеет дело с молодежью, которая в момент Октябрьской революции была в возрасте 10—11 лет. Теперь это молодежь 17—18-летнего возраста. Пионерская организация и комсомол, это — рекрутские подготовительные школы. Таким образом в дальнейшем каждый принятый в партию пройдет предварительно через два сита: пионерское и комсомольское.

Неправильно возражают те товарищи, которые указывают, что, если мы будем принимать свободно крестьян в Р.К.С.М., то это значит, что мы будем свободно принимать их и в партию, так как из Р.К.С.М. им прямая дорога в партию. Это не совсем так. Р.К.С.М. может и должен стать резервуаром для партии, вербующим пошире трудящийся элемент. Партия примет десятки мер, чтобы в Р.К.П. проник надежный пролетарский элемент.

Разница в поколении, особенно в крестьянстве, играет громадную роль. Каждый знает колоссальную психологическую разницу

между молодым поколением крестьян, выросшим в обстановке семи лет революции, и крестьянскими стариками, выросшими в обстановке царизма.

Р.К.С.М. должен смелей, свободнее, шире вербовать в свои ряды крестьянские элементы, чем это делает Р.К.П. А пионерская организация, подсобный орган Р.К.С.М., должна вербовать в свои ряды элементы не чисто пролетарские еще шире, чем Р.К.С.М. Потом снизу вверх мы будем десятки раз проверять раньше, чем примем того или другого члена Р.К.С.М. в ряды партии.

Задачу мы имеем перед собой необъятную: перевоспитание целого поколения, вернее целых поколений.

Миллионные массы крестьянской молодежи вербуйте и привлекайте на свою сторону.

Р.К.С.М.—специально всесоюзная организация со своими губкомами, съездами, со своим Ц.К. Мы хотели предоставить ей большую свободу, мы хотели, чтобы она была не так строго оформлена для того, чтобы она могла, выполняя свою задачу, копнуть поглубже массы. Р.К.С.М. должен быть более массовой организацией, чем Р.К.П. Конечно, в этой организации должен быть какой-то стержень, душа, ядро. Когда нас спрашивают, какой же? — мы отвечаем: классовый, пролетарский, рабочий. Таким образом и получается классовое ядро при массовой организации, или массовая организация с громадным участием крестьянства, но руководимая рабочей, пролетарской молодежью. Нам надо иметь массовый комсомольский Союз, с большим количеством крестьян под гегемонией городского пролетарского ядра и, в целом, под руководством Р.К.П. (б).

Основой ленинизма является союз рабочего класса с крестьянством, смычка рабочих и крестьян. Как она осуществляется? Разнообразно. Одно время она осуществлялась через Красную армию. Теперь она будет осуществляться через кооперацию и ряд других организационных форм. Она в значительной мере также осуществляется и через Р.К.С.М. Мы уже сейчас имеем целый ряд волостей, где нет партийных ячеек, но где есть Р.К.С.М. Р.К.С.М. насчитывает 190 тысяч членов в деревне. Р.К.П. гораздо меньше (вероятно, тысяч 50-60). Мы, например, под Москвой знаем целые волости, где имеются десятки ячеек Р.К.С.М. и нет ни одной ячейки Р.К.П.

Партия будет обсуждать вопрос о деревне в целом. Но, что совершенно ясно, что стоит вне спора, это то, что Р.К.С.М. постольку сыграет вспомогательную роль рычага для партии, поскольку он даст блок, союз с крестьянством. Нам нужна близость не только с пролетарской молодежью (это — с полдела, ибо партия сама могла бы завязать непосредственную связь с нею).

Р.К.С.М. сыграет великую победоносную роль рычага для партии постольку, поскольку он даст какую-то дополнительную смычку, сверхсметную близость с новым слоем. С каким? С крестьянством.

Я думаю, что принципиальные споры, которые происходили в Р.К.С.М., прошли не без пользы, ибо, благодаря обмену мнений, у нас сложился правильный взгляд на роль и задачи Р.К.С.М. Ты — пролетарская организация в Ленинграде, слава тебе, великая слава; но ты, Р.К.С.М., должен думать не только о том, чтобы организовать всю рабочую молодежь Ленинграда, а должен подумать и о том, чтобы проникнуть в деревню, и понять, что Р.К.С.М. больше, чем партия, и смелей, чем партия, должен вербоваться из рядов молодого поколения в деревне. Эту задачу ты должен суметь выполнить, во что бы то ни стало, через Красную армию, через моряков Красного флота, завязывая десятки связей и другими путями в деревне. Если рабочий молодняк поймет, что так нужно, он сумеет десятками способов это сделать. Задача дня, чтобы в деревне было не 190 тысяч членов Р.К.С.М. на весь Союз С.С.Р., а не менее 2 миллионов, если не членов Р.К.С.М., то членов различных кружков деревенской молодежи при Р.К.С.М. Это—ближайшая программа работы Р.К.С.М.

Я хотел бы еще сказать о том, что слишком мало женской молодежи мы втягиваем в движение. Это—грех не только комсомола, но и партии. Мы об этом говорили на партийном съезде, и здесь это нужно сказать. Я думаю, без лишних слов и слишком громких деклараций мы должны вопрос о вовлечении женской молодежи разрешить во что бы то ни стало. Согласно статистики, женской молодежи у нас больше, чем мужской.

О деревенском активе.

Вопрос о том, из кого будет состоять наш деревенский актив, чрезвычайно важен. Насколько удалось выяснить из бесед с товарищами, в данное время актив в деревне не очень уж пролетарский. Он часто вербуется из учащейся молодежи, из деклассированных элементов, из элементов более зажиточных, живущих на средства родных, из элементов, являющихся более подвижными и поэтому часто захватывающими влияние в деревне.

Нарождается батрацкий слой, который будет служить основой нашей работы в деревне, но пока что это—самый забитый, отсталый слой, и материальное положение его чрезвычайно трудное. Придется над ним много поработать, пока мы поднимем некоторый слой батраков на такую ступень, чтобы он мог взять руководство в свои руки.

Работу в деревне надо направить, повторяю, главным образом на актив. Каков состав актива—таково руководство. Этот актив должен состоять из лучших элементов из города, из бывших красноармейцев и моряков, из бедняков и бат-

раков. Мы не можем ставить себе несбыточных задач, не можем сразу решить вопроса о всех 18 миллионах крестьянской молодежи. Мы должны выбрать то звено, за которое нужно ухватиться, чтобы держать в руках всю цепь. Это звено — актив. Ему все внимание, вся помощь. Надо его воспитать и вырастить.

Каждая крупная пролетарская организация молодежи, опираясь на поддержку всей партии, должна поставить своей задачей любовное, внимательное отношение к тому, чтобы вырастить хотя некоторый кадр стойкого, твердого и умелого, а не рыхлого, мелкобуржуазного актива. Последний идет к нам иногда и добросовестно, но находится все-таки в иных условиях и поэтому не должен забирать у нас руководящего влияния в деревне.

Сейчас на очереди задача — поближе подойти к крестьянскому молодняку. Надо и партии, и союзу сказать себе, что внедрение в деревню есть одна из наиболее важных задач нашего времени. Но, конечно, основным, руководящим ядром союза должна остаться рабочая молодежь.

Ликвидация неграмотности среди крестьянской молодежи.

По переписи 1924 г. подростков в городах (если взять три возраста—15, 16 и 17 лет) всего около 1.500.000 человек, в деревне же, если взять возраст от 14 до 24 лет, у нас насчитывается 18.000.000 крестьянской молодежи. Из этой молодежи организовано в комсомоле, и довольно плохо, около 250.000. Как видите, немного.

По данным Центрального Статистического Управления, на каждую тысячу крестьянской молодежи насчитывается 360 человек неграмотных указанного выше возраста. Выходит, что из общего количества крестьянской молодежи неграмотных — 6.400.000. Шесть с половиной миллионов неграмотной крестьянской молодежи в нашем С.С.С.Р.! Вот та перспектива, которую надо иметь в виду. Надо засучить рукава и серьезно заняться этим делом. В этом первая и основная задача Р.К.С.М. Вы должны взять на себя дело ликвидации безграмотности среди этих $6^1/_2$ миллионов неграмотных юношей. Дело, как видите, стоящее и нелегкое.

Задачи комсомола в советском и кооперативном строительстве.

Совершенно ясно также, товарищи, что перед вами стоит целый ряд важных хозяйственных заданий. В деревне вы должны сыграть громадную роль в организации сельско-хозяйственной кооперации, в развитии коллективных форм землепользования, начиная от коллективной запашки и кончая организацией коммун. Надо заняться также и агро-пропагандой. Правильно говорил мне вчера один товарищ из комсомола, что самое важное: 1) иметь в деревне некоторое количество активных работников, оплачиваемых за счет партии, и 2) иметь книги, которые можно бросить в деревню

и с которыми можно пойти на работу. Работы в области кооперации, в области просвещения в деревне у нас непочатый край.

Забегая вперед, я должен сказать, что на следующем съезде комсомола мы, вероятно, поставим вопрос об участии комсомола в большем масштабе в работе по улучшению государственного аппарата, нежели теперь. Мы на партийном съезде наметили, примерно, такие вехи, хотя и не сказали об этом прямо в резолюции. Ц. К. думает так, что, когда мы разрешим в основных чертах вопрос о сельско-хозяйственной и городской кооперации, когда мы будем иметь здесь первые успехи, когда в основном это дело станем заканчивать, мы поставим перед собою и задачу улучшения государственного аппарата в большем масштабе.

Конечно, нельзя просто откладывать одно, пока вполне созреет другое. Работа идет параллельно. Но нужна известная очередность, сначала известные успехи в области кооперации, а затем уже — исправлять в широком масштабе государственный аппарат. Мне лично кажется, что через год-полтора этот вопрос станет, как большая задача. Мы не забудем завещания Владимира Ильича о необходимости действительного обновления нашего аппарата не аптекарскими дозами, а массовым выдвижением тысяч новых людей, подучившихся, закалившихся, квалифицированных. Когда мы к этому периоду подойдем, то в работе над улучшением нашего аппарата Союзу Молодежи будет принадлежать большая роль.

Вы знаете великолепно то значение, которое вся наша партия, следуя заветам Ильича, придает кооперации. В стране, где диктатура принадлежит рабочему классу, мы смотрим на кооперацию, как на действительное начало социализма. Кооперации нужны свежие силы. Мы не можем построить ее исключительно на старом кооператоре, лавочнике эсэровско-меньшевистского типа. Нам нужен новый кооператор-энтузиаст, не лавочник только, а человек, с воодушевлением идущий на это дело. Конечно, на одном энтузиазме далеко не уедешь, надо еще уметь торговать, считать и т. д. Но нам нужен и энтузиаст. Это дело, конечно, далеко не легкое, оно требует времени. Одного энтузиазма тоже мало. Необходимы и знание, и умение. Надо, чтобы Р.К.С.М. начал думать и в этом направлении, надо, чтобы Р.К.С.М. стал систематически выделять силы для кооперации, сначала для учобы, а потом и для строительства.

Р.К.С.М. должен готовить силы для работы в сельсоветах, комитетах взаимопомощи, в деревне, в терчастях. Повсюду должны работать комсомольцы. Мы должны получить от Союза Молодежи кадры, постепенно перевоспитывающиеся и помогающие нам двигать коммунистическое строительство вперед. Всеработземлес — организация, теперь только начинающая развиваться. В деревне появляются батраки, профсоюз работников земли и леса должен проникать в деревню. Это — один из важнейших опорных пунктов

в ней. Надо в союз работников земли и леса двинуть определенные кадры комсомольцев. Шефство над деревней, создание дома коммуны, избы-читальни, борьба с беспризорностью.

Повторяю: нужна агрономическая помощь деревне. Почему комсомол не может поставить себе эту задачу? Конечно, очень мало агрономов среди вас самих. Но что вы, живя в деревне, можете легче достать маленькую книгу в 3 копейки, которая поможет крестьянину по агрономии, это бесспорно. Из вашей среды выйдут кадры агрономов-крестьян, — это бесспорно. Ваш союз должен взять на себя пропаганду подъема сельского хозяйства так же, как и пропаганду подъема техники в огородах.

Надо подумать о создании в деревне сельско-хозяйственных кружков. Почему мы не можем создать подсобных кружков при ячейках Р.К.С.М. в деревне? Нужно создавать кружки сельско-хозяйственного характера для совсем молодых крестьян, которые будут воспитываться сначала по линии подъема сельского хозяйства, а затем увлекутся вопросами политическими и пойдут за нами.

Затем — помощь Наркомпросу во всех видах его работы. Пора положить конец «войне мышей и лягушек», которая ведется между Наркомпросом и Р.К.С.М. Надо заключить гражданский мир с советским учительством. В союзе металлистов есть секция инженеров, которую союз металлистов перерабатывает и постепенно притягивает к себе. Учитель для Р.К.С.М.—то же, что инженер для металлистов. И учитель все же ближе стоит к вам, чем инженер к рабочему, потому что классовое положение учителя не такое, как положение инженера. Учитель получает 30 руб. в месяц, а большею частью 15 рублей; где же ему мечтать об инженерском положении? Если металлисты поняли, что нужно инженера взять в профсоюз, переварить в своем котле, то пора это же понять Р.К.С.М. по отношению к учительству и незачем ему вести войну с этим учителем. Нужно, чтобы учитель стал орудием в наших руках для проведения великих задач, стоящих перед Р.К.С.М.

Борьба с алкоголем.

Необходимо в деревне создавать кружки по борьбе с самогоном, с алкоголизмом.

Надо начать борьбу с курением. Товарищи, каждый вопрос очень легко можно опошлить. Борьбу с алкоголизмом можно, например, поставить так, как ставят пошлые мещане из с.-д. партии. Там папаши и попы сынкам проповедуют по праздникам трезвость. Если они проведут стачку на пивоваренном заводе на два дня, они записывают это себе бог знает в какую заслугу. Нам не нужно это лицемерие. Никто у нас не собирается лезть с поповской проповедью: воздерживайся, сын

мой, и т. д. Мы понимаем, что суть коммунизма не в посту и «воздержании». Напротив, мы мечтаем о создании такого строя, который даст возможность максимального удовлетворения всех потребностей, создаст обстановку для здорового наслаждения трудом и жизнью. В этой обстановке, в которой находится наша страна, с ее прошлым наследием, с наследием казенной винной монополии, со спаиванием сознательно целого поколения, с крепостничеством, которое было каких-нибудь 50-60 лет тому назад, с неграмотностью, отчаянной отсталостью и т. д., это есть задача революции. Если мы создадим поколение трезвое, которое умеет понимать, что такое начатки культуры, которое сумеет бороться и против самогона, алкоголя, курения, мы делаем значительный шаг в области закрепления завоеваний революции. Мы с гордостью называем себя ленинцами. Давайте в этом маленьком деле последуем за В. И. . . .

Нам не нужно казенного благополучия.

В заключение еще одно замечание: деревню надо знать и представлять ее себе такой, какова она в действительности. Я оглашу вам письмо, полученное мною из Сибири и подписанное тов. Портянкиным. Автор письма — волостной организатор Р.К.С.М. в Новониколаевской губернии. В письме ко мне он пытается обрисовать быт деревни. Какие же любопытные штрихи он сообщает:

. . . «Молодежь в большинстве случаев идет за Коммунистической партией и Р.К.С.М.

Религия у молодых крестьян уходит в область предания.

Отношение населения к Советской власти удовлетворительное, за исключением кулачества и нэпманов.

Крестьянство в значительной степени кооперируется, главное, вокруг сельско-хозяйственной кооперации.

Ячейки Р.К.П. работу ведут, а в особенности ячейки Р.К.С.М. повели обширную работу в массах молодежи после того, как хорошо разобрались в резолюции Ц.К. Р.К.С.М. о положении и очередных задачах Р.К.С.М.

В деревне, что еще главное, это — выписка издаваемых газет, которые имеют значительное влияние на массы. Но самое, в чем суть в деревне, это — литература, которой в деревне, особенно в Сибири, имеется малое количество, но время от времени оно идет вперед, и литература прибывает, и можно надеяться, что остальные темные массы в деревушках скоро пойдут по пути и заветам Ильича».

И свое письмо заканчивает он так:

«Кажется, быт деревни немножко осветил». *(Смех.)*

Где же он? Ведь, это — букет пышных фраз и только.

Товарищи, я советую такой оптимизм преследовать и высмеивать. Нам не нужна «потемкинская» деревня. Какая бы она ни была, мы нашу темную и отсталую деревню будем поднимать, и комсомол в этой великой работе займет почетное место.

УЧИТЕЛЬСТВО И КРЕСТЬЯНСТВО.

(Из речи на съезде учителей Ленинградской губернии в апреле 1924 г.)

Учительство должно стать агитпропом Советской власти.

Недавно был опубликован циркуляр Ц.К. нашей партии (если не ошибаюсь, в марте месяце), специально посвященный вопросу о том, как помочь народному учительству принять участие в деле строительства нашей жизни. Вы знаете, что Ц.К. нашей партии— влиятельнейшая организация в нашей стране, и слов на ветер он не бросает. Когда Ц.К. дает определенное указание всей партии, это указание равносильно закону. Ц.К. и наша партия в целом сделают все возможное для того, чтобы, поднимая, насколько позволят рессурсы страны, материальное положение учительства, призвать каждого человека, кто слушается голоса нашей партии, помочь учительству, как массе, принять участие в общей работе. Здесь, конечно, есть еще целый ряд организационных вопросов, которые ждут решения. Например есть трения с Союзом Молодежи, которое во что бы то ни стало надо прекратить. Я призываю всех работающих среди комсомола внять голосу нашей партии и сделать все возможное, чтобы не плодить трений с учительством, понять, что учительство находится теперь в другой стадии развития, чем несколько лет тому назад. Учительство, со своей стороны, должно пойти навстречу комсомолу и понять, что в лице комсомола идет на помощь рабоче-крестьянской революции величайшей силы и важности отряд.

Мы смотрим на дело так, что в ближайшие годы учительство, как масса, станет настоящим агит-пропагандистским органом всей Советской власти, и не в узком смысле слова. Мы не рассчитываем на то, чтобы громадная масса учительства вся стала членами нашей партии, чтобы они все стали законченными коммунистами. Но мы рассчитываем на то, что в ближайшее время сближение между партией и учительством произойдет настолько, что действительно целый ряд крупнейших задач мы будем делать

вместе, ибо язык коммунизма и советского режима входит в жизнь и в быт, всякий сколько-нибудь развитой учитель видит, что наше дело правое, и будет проводить это дело вместе с нами. Учительство станет, безусловно, в ближайшие годы проводником идей Советской власти и нашей партии, ибо партия есть передовая часть рабочих и крестьян, а не какая-нибудь самодовлеющая масса. И учительство, которому нечего терять из своего дореволюционного прошлого, кроме своих цепей, нищенства, кабалы, духовной порабощенности со стороны буржуазии, как масса, станет агитпропом Советской власти. Это время не за горами.

Конечно, тут дело решается двумя сторонами: с одной стороны, партией, правительством, с другой стороны, вами. Для того, чтобы из этого что-нибудь вышло, надо, чтобы обе стороны были согласны. Я могу вам сказать за одну из сторон с полным сознанием ответственности,—за нашу партию, за правительство, что мы отлично видим, как учительство идет вперед, мы чутко присматриваемся к процессу, происходящему в учительской массе.

Мы с радостью приветствуем каждый шаг в деле идеологического раскрепощения учительства, мы с восторгом предвидим тот момент, когда учительство будет делать одно дело с рабочим классом, и с полной готовностью сами сделаем все, что от нас зависит, для сближения с учительством.

Дело за вами. И мы надеемся, что с вашей стороны мы увидим такую же готовность. Нам необходимо, чтобы учительство прониклось любовью к рабочему классу и крестьянству, простой человеческой любовью к этим двум решающим классам нашей страны, не отвлеченной, не книжной, не абстрактной, а именно настоящей, живой действенной любовью.

Горький — его сильные и слабые стороны.

К сожалению, до сих пор еще не всегда это имеет место. Я укажу на таких крупных людей, как Алексей Максимович Горький. Горький — один из величайших писателей нашего времени, но что-то мешает ему понять действительный размах нашей революции, и что-то ему особенно мешает понять и полюбить по-настоящему эту революцию и действующие силы этой революции, в первую очередь — крестьянство. Я не буду сейчас говорить об отношении Горького к рабочему классу, но интересно остановиться на его отношении к крестьянству. Это — интересная психологическая загадка.

Мы знаем: Горький — бескорыстнейший человек, его талант вскормлен и вспоен русским народом. Но Горький не понимает революционной роли крестьянства в такой стране, как наша. Для него крестьянин — какое-то существо низшего порядка, конечно, не в буржуазном смысле, не в барском, а с точки зрения «культуры». Горький, как вы знаете, поднялся с «низов».

С трудом получив образование, он привык высоко ценить культуру, и это, конечно, очень хорошо. Но он иногда находится в рабской зависимости от ученых атрибутов. Для него нет ничего более «святого», чем ученая педантичность. В вопросе о роли крестьянства он как бы сыграл в чехарду «от марксизма». Марксистов часто любят изображать, как людей, «признающих» только пролетариат и не обращающих якобы внимания на крестьянство. Марксисты будто бы считают, что каждый крестьянин должен перевариться в заводском котле, чтобы стать настоящим пролетарием, и только тогда марксисты-де снизойдут, чтобы подать два пальца крестьянину. Такими «марксистами» мы никогда не были, таким марксистом не был, разумеется, и тов. Ленин. Рабочий класс имеет то преимущество перед крестьянином, что он сосредоточен, собран в городах сотнями тысяч, живет вместе и действует организованно. Но без помощи известных слоев крестьянства рабочий класс не может победить буржуазию. Горький как бы поверил карикатуре на марксистов и, исходя из ложной, якобы «марксистской», точки зрения, он иногда смотрит на крестьянство абсолютно неправильно. Отсюда некоторые его ошибки в малом, как и в большом. Маленький пример. В Ленинграде в 1918 году состоялся колоссальный съезд, на котором присутствовало 20.000 крестьян. Мы открывали его на площади Урицкого. Это был замечательный съезд, потому что впервые на нем собрались настоящие крестьяне от сохи, которые братались с рабочими, которые создали несколько полков, сражавшихся потом против Юденича. И вот Горький, вспоминая об этом съезде, способен серьезно предаться унынию по поводу того, что «некультурные» крестьяне, ночевавшие тогда в Зимнем дворце, перепортили некоторое количество севрского фарфора, некоторое количество посуды. Экая беда, подумаешь, что мужики с далекого севера, сошедшиеся в первый раз в Питере, как хозяева жизни, испортили некоторое количество севрской посуды!

Ведь, по совести говоря, надо удивляться, что мало еще побили «горшков» в революцию. Было бы неудивительно, если бы побили побольше. Рабочие во-время сорганизовались и сохранили основные богатства во дворцах. Некоторые из этих богатств действительно имеют художественное значение, мы это ценим, а некоторые, увы, художественного значения не имеют. Горький любит говорить: «вспомните мое слово,—когда-нибудь мужик отвинтит вам башку». Сказано художественно, образно. Если бы мужик пошел за белыми, он отвинтил бы башку лучшей части интеллигенции и в значительной части рабочему классу. У Горького отношение к крестьянству совершенно неправильное, совершенно. Да, наше крестьянство почти безграмотно, у нас 70 проц. неграмотных. Еще бы: целое поколение помещиков специально держало крестьянство в темноте, из кожи мужика кроили ремни в буквальном смысле слова, казенная винная монополия работала десятки лет, чтобы все крестьянство потонуло

в водке! Что же удивляться, если среди мужиков есть кое-что плохого, дикого, полудикого и т. д.?

Наши задачи по отношению к крестьянству.

Задача нашего поколения рабочего класса и интеллигенции заключается не в том, чтобы пугать себя «ужасами», как мужик нам «отвинтит» голову, пугать себя тем, что крестьяне, впервые ночевавшие в Зимнем дворце, побили там некоторое количество посуды.

Задача нашего поколения и вашего поколения учителей заключается в том, чтобы полюбить мужика таким, каков он есть, полюбить его «черненьким», заскорузлым, неграмотным, с предрассудками, с его верой в домового и чорта, подойти к нему, суметь поработать не год и не два, чтобы вылечить его от этой отсталости и помочь ему подняться. Никто не надеется на эффект победы над темнотой крестьянской черноземной мужицкой России в какие-нибудь один-два года.

Нужны одно или два поколения, чтобы мужика сделать грамотным, чтобы вышибить из него предрассудки насчет домового, чорта, попа. И нечего бояться, что мужик нас не поймет. Наши рабочие связаны с крестьянами, с мужиком. В этом — их сила. Только поэтому рабочий смог стать вождем, гегемоном крестьянского Союза Республик. Только при помощи крестьянина можно управлять такой страной, как наша.

Вот почему нам надо иметь смелость в некоторых вопросах итти против таких крупных людей, по-своему безусловно преданных рабочему классу, как Горький. Горький готов перед любым профессором, изучающим древности, снять шапку только потому, что этот ученый знает все египетские письмена. А в крестьянине он видит преимущественно его темноту и отсталость, потому что крестьянин не умеет вести себя во дворце. Конечно, необходимо уважение к египетским письменам. Мы уважаем каждого крупного специалиста в области египетских письмен. Почему бы нет? Люди на это отдавали всю жизнь. Разумеется, мы приучаем рабочую и крестьянскую молодежь уважать профессора, даже того, который изучает египетские древности, но не рабски, не так, чтобы снимать шапку, а так, чтобы сказать: пожалуйста, честь тебе и место: можешь кое-что сделать для культуры,—и мы тебя уважаем. Но действительная культура двигается миллионами людей. Нам надо двигать горами, мощными крестьянскими массивами, многомиллионной деревней, а не кучкой узких специалистов.

Это настроение должно быть понято нашим учительством. Я думаю, что новое молодое учительство, варившееся в горниле революции, в достаточной степени охвачено этими настроениями. Что касается рабочего класса, то он сумел завоевать уважение со стороны интеллигенции всей своей борьбой, всей своей работой.

Рабочий сам себя защищал и защитит. Он показал себя в течение 7 лет, как правящий класс величайшего государства, с которым вынуждены считаться богатейшие буржуазные государства. Вот почему о рабочем я не говорю. А крестьянин? Крестьянин еще забит. В крестьянине еще сильны предрассудки, рабская психология. Крестьянин делает только первые шаги по пути к новой жизни. Наше учительство, как слой, не может выполнить основной задачи, если оно не проникнется не книжной, ходульной, как это было в эпоху народничества, не слащавой, не напыщенной, а настоящей, живой, действенной любовью к русскому крестьянину, как он есть, к тому крестьянину, которого отцы и деды стонали под крепостным игом, которого звали когда-то усмирять венгерскую революцию, польское восстание, который, однако, теперь сумел из своих сыновей создать Красную армию, стать под ружье против помещиков, буржуазии и отстоять свою страну.

Момент, переживаемый нами, переломный Мы сейчас подводим итог по международной линии. Почти все буржуазные правительства должны были нас признать и признали. Дальше подводится итог по хозяйственной линии. Денежная реформа — крупнейшее завоевание революции. Хозяйство выздоравливает; если бы оно не выздоравливало, денежная реформа была бы невозможна, ибо денежная система — самый чуткий барометр всего хозяйства. Наконец, все мы видим, как наша партия растет на наших глазах. 200 тысяч за каких-нибудь две недели устремились в нашу партию. Все, что есть лучшего в рабочем классе, входит в ряды нашей партии, чтобы продолжать дело тов. Ленина.

Рабочие общества культурной смычки с деревней.

Мы думаем, что в среде учительства перелом, новое настроение начинает расти. За полчаса до моего доклада я получил следующий важный документ: устав районного общества культурной смычки с деревней. Это организация, куда входят почти поголовно беспартийные рабочие, работницы; привлекаются и учащиеся; по моему предложению, надеюсь, будут привлечены и учащие для установления культурной смычки города с деревней. Этот устав — не просто бумажка. Мы, вообще говоря, бумажкам особенного значения не придаем. Дело в том, что устав написан на основании опыта работы в течение 1 — 2 лет. Мы имеем в Московско-Нарвском районе такое общество с 20 тыс. членов-рабочих. Они пока сделали немногое — посылали в деревню карандаши, тетрадки, грифеля, старые газеты, буквари, книжки и т. д. Сейчас ленинградские рабочие хотят это сделать в общегородском масштабе. Наверно сделают.

Такие общества множатся, как грибы после хорошего дождя. Почему? Потому, что после ряда лет тяжелой борьбы мы впервые приступаем к действительному проведению программы революции. Революция делалась не для того, чтобы воевать 5 лет с Деникиным

и Колчаком. Это были, так сказать, накладные расходы на революцию, нами предвиденные. Когда на нас начали наступать, мы должны были обороняться. Революция совершалась с целью сделать народ грамотным, поднять его на новую ступень культуры, покрыть страну сетью народных школ, начать поднимать химию, агрономию, электрификацию страны, в целях создания достойной человека жизни. Вот для чего шли в бой рабочие, и только теперь они могут приступить к осуществлению своей великой программы.

Работы перед вами, как пролетарскими работниками, непочатый край. В деревне мы просим вас не ограничиваться вашей узкой специальностью, не заниматься только ликвидацией неграмотности, — вы должны помочь крестьянину поставить кооперацию. Без этого нет социализма, нет Советской власти. Вы должны помочь поставить настоящую кооперацию, которая обслужила бы мужика, которая выставила бы из деревни кулака, христопродавца-лавочника, вы должны помочь наладить дороги, больницы. Не только учитель, но и агроном, статистик, врач, фельдшер, — все должны объединиться для того, чтобы под руководством Советской власти, под руководством коммунистической партии создать новую деревню. В деревне непочатый край работы. Деревня обнищала, она разорена. Она была достаточно нищая и до революции. Кооперация только начинает проникать туда, но она одна ничего не может сделать: нужны и школа, и больница, и агрономия, и шоссейная дорога. Только тогда мы свяжем деревню с железнодорожными артериями нашей страны. Здесь для сельского учителя непочатый край работы.

Ликвидация неграмотности.

Тов. Ленин в цитированной мной статье, перелистывая уже больной рукой статистическое исследование, посвященное вопросу о грамотности в нашей стране, констатировал с величайшим огорчением факт медленного, мучительно-медленного роста у нас грамотности. Он приводил основные цифры, говорящие о том, что в 1920 году в нашей стране на 1.000 человек населения приходилось грамотных всего 319 человек. Другими словами, в 1920 году у нас было почти 70 проц. неграмотного населения. Мы имеем возможность сравнить статистические данные 1898 года и 1920 года, т.-е. почти за 25 лет. За эти четверть века, вернее за 23 года, грамотность в нашей стране выросла только на 9 проц., один процент в три года. Если бы дело развивалось и дальше таким медленным темпом, это значило бы, что нам нужно было 200 лет для того, чтобы полностью победить неграмотность. Мы думаем однако, что после того, как революция победила основные преграды, стоявшие на пути к действительной культуре, темп раз-

вития пойдет раз в 20 быстрее. Поэтому мы и ставим себе задачу победить неграмотность полностью в какой-нибудь десяток лет, и если удастся, то и раньше.

Что такое победа над неграмотностью? Умение читать и писать, это—только полдела, это—черновая производственная программа, — то же, что добыть уголь для хозяйства, но это еще не значит поднять само хозяйство. Мы в этом смысле разрешили хозяйственную проблему. Вопрос о дровах, о топливе, о сырье не стоит теперь так остро, как раньше. Мы имеем основные предпосылки для того, чтобы начать подъем народного хозяйства. Применительно к народному образованию можно сказать то же: когда мы победим неграмотность, когда мы добьемся элементарной предпосылки, чтобы каждый человек в нашей стране умел читать и писать, тогда можно будет поставить вопрос о настоящем поднятии культуры в стране. Наше поколение бьется и будет биться несколько лет над разрешением элементарной программы уничтожения неграмотности. Но ни в коем случае нельзя забывать, что это—только черновая производственная программа, предпосылка к тому, чтобы на основе достижения всеобщей грамотности начать действительно работу над поднятием всей нашей культуры.

Итак, первая задача, которую мы ставим, — ускорить раз в 20 бег истории по сравнению с тем, что было до сих пор в деле преодоления неграмотности. До сих пор грамотность у нас двигалась черепашьим шагом, в размере одной трети процента в год. Надо налечь изо всех сил для того, чтобы в несколько лет побороть неграмотность полностью.

Роль учительства в общественной жизни.

Я с гордостью перелистывал некоторые материалы относительно участия учителей в общественной жизни, в культурном строительстве, в пролетарском строительстве в нашей Ленинградской губернии. Наша губерния, товарищи, — не будем слишком хвастаться — в этом смысле не из худших. И наше учительство, наши работники просвещения, наши работники отдела народного образования принадлежат не к худшим, а к лучшим в республике. Пролетарское строительство в Ленинграде, несмотря на все ужасы, которые пережил наш город, стоит на высшем уровне, чем во многих других местах обширного Союза Республик. Очевидно, этим объясняется и тот факт, что участие учителей в строительстве нашей губернии имеет уже первые серьезные успехи. Так, я читаю, что Лизьенским волостным педагогическим советом Ленинградского уезда на одном из заседаний было постановлено:

«1) Обязать всех учителей каждой школы регулярно участвовать в сельских сходах и о повестке дня каждый раз предварительно договориться с председателем сельсовета;

2) всех учительниц привлечь к работе среди женщин;

3) установить тесную связь с волорганами и при выездах представителей волорганизаций для выступлений на сельских сходах активно поддерживать их;

4) агитировать среди населения деревни за выписку газет и самим принять участие в разъяснении газетных сведений».

Во исполнение принятых решений на последующем отчетном заседании волостного педагогического совета были заслушаны отчеты с мест, которые выявили, что задания волостного педагогического совета его членами были выполнены в большей степени, чем возложено.

Учителями, помимо их участия в сходах, где они являются зачастую секретарями последних:

1) организованы избы-читальни, заведующими которых они являются;

2) среди крестьянской молодежи организуются кружки (хоровой, драматический, спортивный и т. д.);

3) проводятся лекции о сельско-хозяйственной кооперации, о работе избы-читальни и др.;

4) ставятся спектакли с участием крестьянской молодежи с подбором соответствующих пьес («За власть Советов», «Мститель» и др.);

5) вербуются коллективные подписчики газет из среды крестьян и ведутся разъяснения по прочитанному из газет;

6) читаются лекции с туманными картинами для всего населения;

7) ведется работа среди женщин.

На том же заседании было постановлено «приветствовать начало работы среди населения, в дальнейшем углублять и продолжать ее. Отстающим товарищам поднять активность работы среди населения».

Я говорю: «А все-таки вертится». Трудно будет указать на карте Лизьенскую волость. Но она существует, и в ней происходит то, о чем я вам прочитал. Это в Лизьенской волости. Теперь прочту некоторые сведения из ряда уездов.

В Гдовском уезде:

1) проведение революционных праздников, чтение газет, лекции, проведение бесед в избах-читальнях по вопросам: сельско-хозяйственному, политграмоты и мироведения;

2) учительство принимает участие в кооперации, женотделе, Союзе Молодежи;

3) организация спектаклей для населения;

4) ликвидация неграмотности среди допризывников, в виду принятия учителями культшефства над допризывниками.

То же относится ко всем уездам Ленинградской губернии. В городе, вы знаете, происходят собрания учителей, читаются доклады в школах на различные темы. Вы знаете о выступлениях педагогов на рабочих собраниях, о шефстве над Красной армией, об устройстве вечеров, докладов для Красной армии и т. д.

Все это—только капля в море, только капля в нашем обширном море, называемом С.С.С.Р. Но, товарищи, лиха беда начало. Дело двинулось. Да, когда мы видим, что в пожарной дружине, в отдаленном поселке, за несколько сот верст от города, за несколько десятков верст от железной дороги учитель пытается помочь пожарникам научиться грамоте, пытается помочь крестьянам поставить кооперацию, поставить избу-читальню, то мы говорим: все-таки дело идет вперед, все-таки кое-чего мы начинаем добиваться при тех отчаянных трудностях, какие выпали на долю первой из мировых революций. Естественно, с громадным трудом вам дается то, что рабочим и крестьянам удается легче. Но начало сделано! Наша партия и Советская власть в целом с величайшим вниманием, с величайшей любовью будут следить за каждым шагом народных учителей на почве действительного сближения с народом, на почве поднятия культуры в деревне и в городе. То, что мы сделали до сих пор, приходится рассматривать, как слабенький почин. Настоящее братание учительства, как массы, с рабочим классом и с крестьянством в особенности еще только впереди.

V

РАБОЧИЙ, ЛИЦОМ К ДЕРЕВНЕ!

ЗАДАЧИ РАБОЧЕГО ШЕФСТВА.

(Из речи в Ленинграде 8 ноября 1924 г. на заседании Общества культсмычки города и деревни.)

Отраден почин рабочих-шефов.

Мысль тов. Ленина о шефстве рабочих над деревней начала прививаться. Кое-что сделано, но, конечно, это пока — капля в море, может быть даже не капля, а капелька. Сегодня я перелистывал отчет Ленинградского общества культсмычки города с деревней. Я с удовольствием узнал, что Московско-Нарвский район послал в свою подшефную волость 10 тысяч тетрадок. Это, конечно, мало. Но лиха беда начало. Хорошо, что нашлись рабочие, которые глубоко заинтересовались шефством, хорошо, что мы начали помогать избачу и хоть пять рублей в месяц от щедрот своих решили уделять ему сверх жалованья. Хорошо, что мы стали учителя подымать, хотя он еще и бедствует.

Особенно приятно было читать, что Московско-Нарвский район заключил с Здравотделом договор на организацию санитарного отряда по борьбе с венерическими болезнями в Холмском уезде, на что ассигновал 7.000 рублей на полгода. Вы знаете, что у нас, к сожалению, целые уезды разъедаются этими отчаянными болезнями.

Многие губернии этим летом гибли и от малярии. В одном месте мне довелось это самому наблюдать. Гибнет множество населения от злой болезни, и помочь можно сравнительно пустяковыми средствами, а туда не доходят никакие лекарства. Конечно, говорить о подъеме культуры в такой местности, которая гибнет от малярии, смешно. Какая там культура, какая уж культсмычка, когда целая деревня лежит влежку, ее трясет болезнь, и она не видит ниоткуда никакой помощи.

Вот помаленьку и начали.

Не надо, товарищи, обольщаться. Сделано нами очень мало. Пока только десятки рабочих съездили в деревню и десятки крестьян — в город. А наш Ленинград — крупнейший рабочий центр. Не забудьте: все это еще очень мало, но начало показывает нам дорогу.

Какое напутствие давал Ильич рабочему, идущему в деревню.

Надо вам, товарищи, еще раз напомнить слова Ленина о том, зачем мы в деревню едем, особенно для наиболее молодых наших товарищей. У них большое преимущество в том, что они молоды, что у них много горячности и преданности. Но есть и нехватка: они хотят иногда слишком скоро разрешить самые трудные задачи.

Покойный Владимир Ильич, когда ставил вопрос о смычке, говорил прямо, обращаясь к нашим рабочим: очень хорошо, если городские рабочие станут проводниками коммунистических идей в среде крестьянского пролетариата и в деревне вообще, но тут же он поспешил добавить: «я, — говорит, — сказал «коммунистических идей» и спешу оговориться, боясь вызвать недоразумение или слишком прямолинейно быть понятым: никоим образом нельзя понимать это так, — будто мы должны нести в деревню сразу чистые и узко-коммунистические идеи. До тех пор, пока у нас в деревне нет материальной основы для коммунизма, до тех пор это будет, можно сказать, вредно, это будет, можно сказать, гибельно для коммунизма».

Он посылает рабочего, своего ученика, в деревню и говорит ему: городской рабочий, помоги крестьянину стать проводником наших мыслей в деревне, но не горячись, не иди туда сразу с готовым, полным коммунизмом, потому что деревне еще не до этого, потому что деревня еще не имеет материальной основы, она разорена, она нищая.

Это надо себе зарубить на носу. Иди туда с тетрадкой и грифелем, с пятирублевкой для помощи какому-нибудь культурному учреждению, с лекарством, с книжкой хорошей, с газетой, но не торопись со своим чистопробным коммунизмом в деревню, не торопись туда с грубоватой антирелигиозной пропагандой, которая только отталкивает крестьян, особенно когда она неумелая.

Частенько наши комсомольцы и даже пионеры поддразнивают верующих крестьян. С какой стати мы будем позволять им заниматься таким баловством? Что нам — некогда с антирелигиозной пропагандой, когда целые уезды мрут от малярии, когда целые уезды косят отчаянные болезни. Мы не можем еще разрешить вопроса о ценах на хлеб и гвозди, а стараемся непременно догнать и накрыть господа бога. Мы его накроем в свое время, давайте сначала разрешим более живые вопросы. Чтобы вылечить деревню от веры в бога, от веры в домовых, от религиозных предрассудков, чтобы получить настоящую культурную связь города с деревней, научись действовать трезво. Помоги крестьянину там, где у него болит, где он тебя оценит, где поймет тебя вся деревня.

Теперь, когда вопрос о работе в деревне поставлен у вас во весь рост, нужно еще и еще раз повторять вышеприведенные слова покойного нашего учителя тов. Ленина.

Шефство должно быть не только культурное, но и хозяйственное.

Я думаю, товарищи, настало время, когда мы можем и должны наши общества культурной смычки развить и сделать из них общества культ. и хоз. смычки,—общества культурной и хозяйственной смычки. На одной культуре не продержишься, когда деревня голодна, когда она находится в таком трудном положении. Нужна, разумеется, культурная помощь, но хозяйственная помощь крайне необходима в первую очередь.

Деревня тянется к тракторам.

Я слышал вчера от руководителя нашего Балтийского флота такое сообщение: молодежь, прекрасная крестьянская молодежь во флоте, обращается к комиссару и говорит: послужить-то мы послужим и хорошо послужим во флоте, а только вы нашей волости тракторы в рассрочку дайте. Вот, товарищи, то новое, чего не было в 1921 г. Тракторы были тогда только на плакатах, а плакат дешево стоит. Сейчас, когда дело дошло до действительной хозяйственной работы, деревня требует не бумажных плакатов, а тянется к тракторам. Это новое настроение в деревне. Оно может дать прекрасные результаты, если у нас будет все теснее и теснее крепнуть союз рабочих и крестьян. Но если мы не сможем дать ответа на новое настроение деревни, удовлетворить ее хороших потребностей, тогда будет плохо для обеих сторон, и рабочих, и крестьян.

Можно помочь и в области налоговой.

Товарищи, налог очень много вызывает недовольства среди крестьян: налогов много, налоги высоки и т. д. Но без налогов нельзя содержать ни армии, ни железных дорог, ни школ, ни больниц, без налогов нельзя обойтись сейчас.

Смешно было бы обещать крестьянину «новую весну», объявить ему, что теперь ты не будешь платить налогов. Это было бы шарлатанством. Крестьянину не следует давать лишних обещаний. Если вы пообещаете крестьянину и не выполните, то он посчитает вас трижды жуликом. Крестьянин — хозяин, крестьянин рассуждает трезво.

Налоги тяжелы, но дальше они будут легче.

Мы не выпускаем больше бумажных денег, а выпуск бумажных денег был налогом на крестьян. То была довольно «хитрая механика», которую замечал не каждый крестьянин. Но теперь нет падающих совзнаков. Этот налог уничтожен. И в дальнейшем мы будем стремиться улучшить налоговую систему, ослабить налоги, нисколько не обещая, что государство скоро снимет их совсем. До этого еще далеко.

Что можно сделать для ослабления налоговых тягот?

Можно и очень много. Я возьму выдержку из писем рабочих-отпускников. Один рабочий, побывавший в деревне, пишет:

«На работников волисполкомов были сделаны заявления, что на местах нигде не обследуется, какой урожай озимых и летних хлебов, на чем произведена запашка. Многие крестьяне лишились лошадей за период гражданской войны и нашествия белых банд, а волисполкомы не обращают на это внимания и требуют одинаковых налогов как с тех, кто имеет лошадей, так и с тех, у кого их нет». Таких заявлений тысячи. Можно ли тут что-либо исправить? Конечно, можно! У нас, в самой раскладке налогов получается куча несправедливостей от того, что не разбираются, не стараются отличить Ивана от Петра.

Как происходит раскладка налога? Она идет из центра в губернию, из губернии — в уезд, из уезда — в волость. Конечно, в самом центре можно сбавить или прикинуть в грубых чертах на ту или другую губернию, в зависимости от общего состояния урожая и хозяйства по губерниям. Но чем ближе к месту уплаты налога, тем подробнее, точнее, тщательнее надо подходить к делу и различать уже не только уезд, но и каждую волость, каждую деревню в волости, каждое хозяйство в селе. Тут требуется серьезное внимание, любовное изучение, человеческое отношение, умелый хозяйский, заботливый подход.

Надо признаться, что на местах часто этого-то и нет. Часто бывает так, что получит уезд цифру налога и разверстает ее в 2 часа. Тут нужны не 2 часа, а 4 недели работы. Поработай, созови крестьян, посоветуйся с ними, послушай, что они скажут. Конечно, налог нужно заплатить, но как распределить его, — вот по этому поводу посоветуйся с крестьянином. Тогда и выйдет справедливо для деревни.

В этой области может ли помочь такое общество, как ваше, в Ленинграде? Я утверждаю, что значительно. Снять налог, конечно, нельзя, а вот как правильно распределить его внутри волости, деревни, — здесь можно посодействовать. Вот это и будет тоже кусочек не только культсмычки, но и хозсмычки.

Как помочь деревне в покупке тракторов.

Другой пример. Я говорил о молодежи во флоте, которая требовала тракторов в рассрочку. Я думаю, что здесь рабочие городов могут во многом помочь крестьянам.

Рабочие, конечно, не могут подарить трактор деревне,—смешно об этом думать, ибо рабочий тоже беден, — но они, как завод, как ячейка, могут выступить в роли поручителя и помочь в том отношении, чтобы товар был дан в кредит и хорошего качества.

Надо проверить и улучшить крестьянский аппарат.

Другая помощь. Я уже не раз говорил, что у нас еще плохо обстоит с подбором работников на местах. Дело трудное. В наших лучших городах, как Ленинград, где рабочие наиболее организованы, наиболее грамотны, и то понадобилось много лет, пока мы подобрали советских работников, и построили аппарат, сколько-нибудь сносный.

В деревне дело труднее: состав работников там хуже, чем в городе, произволу больше.

В селе еще плохо проходят выборы, — мы это отлично знаем, и не скрываем от себя. В газетах пишут: «растет число коммунистов». Дело не только в том, чтобы росло их число, надо, чтобы росла связь коммунистов с беспартийным крестьянством. Тов. Ленин говорил не раз, и говорил совершенно правильно, что коммунизм нельзя построить руками одних коммунистов, потому что их горсточка, коммунисты должны работать совместно с честными беспартийными крестьянами, вовлекать их во все дело строительства, обростать их сочувствием. А наша связь с беспартийным крестьянством еще слаба. Оттого частенько на выборы в селе приходит весьма мало народа.

Вчера я спросил приехавшего к нам крестьянина: «а как обстоит дело в твоей волости с выборами?» Почесал затылок и говорит: «там партийные выбирают». Когда на дымовском процессе спрашивали свидетелей, почему они не жаловались на живоглота Попандопуло, то украинцы, еще большие любители почесать в затылке, отвечали: «вин же партейный». Такой взгляд вреден и для партии, и для всего нашего дела.

Наша партия, созданная тов. Лениным и состоящая из передовиков-рабочих, лучшая в мире. Она сумела сделать революцию и повести рабочих в бой, мобилизовать крестьян и прогнать помещиков; она борется с буржуазией всего мира. Нет ничего более высокого и почетного, чем звание члена Российской Коммунистической Партии. Но именно поэтому партия должна быть беспощадна к тем, кто засоряет ее ряды, кто загораживает дорогу к ней беспартийным, скрывая от них настоящее лицо партии. А таких в деревне очень много.

В 1919 — 1920 г.г., бывало, приедешь в Питере на митинг и первые полчаса только и толкуешь об одном: «мы знаем, ребята, сколько у нас примазавшихся, необходимо почистить партию. Погодите, мы ее почистим». И действительно почистили.

Теперь такое положение создалось во многих местах в деревне. Там нет еще настоящего советского аппарата. Там — взятка, самогон и произвол еще очень часто покрывают все. Крестьяне поймут, что нужно было раньше построить крепкую Советскую власть в городах, потому что город, городской пролетариат руководит политикой в борьбе, здесь был главный враг — буржуазия. Теперь очередь дошла до деревни. Нужно покончить с произволом

и добиться, чтобы в каждой волости у власти стояли честные, трезвые люди, к которым крестьяне относятся с уважением.

Есть в деревне подходящие работники.

У нашей молодежи великое будущее. Комсомол в деревне делает некоторые промахи. Но это — сила, которая растет; она поможет сделать деревню грамотной, подымет ее на надлежащую высоту. В деревне есть демобилизованные красноармейцы, много там и крестьян, побывавших в городах и кое-чему научившихся у рабочих. Одним словом, в деревне теперь уже немало подходящих людей, которые помогут нам создать настоящую Советскую деревню и настоящий Советский трезвый аппарат в деревне, такой, чтобы не приходилось за него краснеть.

Чем тут могут помочь общества смычки.

Могут ли тут помочь наши общества культсмычки? Конечно, многим могут помочь. Товарищи, приезжая в деревню, толкуйте с крестьянами не о кулаках «вообще», а достаньте данного кулака Сидора Карповича и его подтяните и прижмите, на него найдите управу. Тогда крестьянин скажет вам спасибо. Взяточника вытащите за ушко, да на солнышко. Покажите крестьянам, что есть честные коммунисты, которые доведут дело до города и добьются правды.

В деревне поменьше говорите об оживлении Советов «вообще» и побольше делайте для оживления данного Совета, — в данной волости, в данном месте, куда бросила вас судьба. Иногда постарайтесь и человека прислать на помощь.

Дело рабоче-крестьянской смычки через шефство надо ставить по всем линиям работы. По кооперативной, по профсоюзной, по школьной, по здравоохранению, — по всем линиям должна протянуться от города к деревне живая ниточка, сотканная не из слов, а из маленьких, но полезных крестьянину дел.

Помни о селькоре!

И о селькоре нельзя забывать. Быть рабкором — легче: живешь в городе, дорогу, куда надо, найдешь. Другое дело — быть селькором, сельским корреспондентом. Селькору до города добраться не легко, а в селе его ненавидит темная сила. Селькор, большей частью, честный крестьянин, который через голову пьяниц, забулдыг хочет подать руку настоящей Советской власти в городах, настоящей коммунистической партии. Его бьют за это по ногам, иногда подстреливают, как куропатку. Вот почему селькора береги, как зеницу ока, цени его на вес золота.

Опять-таки селькору надо из города подать помощь. В обществе культсмычки пусть будет отдел, объединяющий рабкоров

и селькоров. Рабкоры должны помочь селькору, разузнать, где его преследуют, и не ждать, пока его убьют, а своевременно осведомить об опасности газету и партию. Рабкор, помоги селькору!

Плохо с книжкой.

С книжкой дело до последней степени плохо. Издают у нас что угодно, кроме того, что нужно для деревни.

Вот вам маленький пример. Захватил я сюда книжку, которую мне подарили на праздник. Называется она «Красное Шефство» и издана Московской Комиссией Шефства. Посмотрите на эту книжку: прекрасная по внешности, на хорошей бумаге, великолепные портреты, не плохие статейки. Маленький недостаток только: напечатана она в 2.000 экземпляров. А за эти деньги можно бы напечатать 100 тысяч хорошей, небольшой, нужной крестьянину книжки.

У нас частенько баловством занимаются: печатают книжки в 2 — 3 тысячи экземпляров в роскошном издании. К чему это? Мы — страна величайшая в мире, у нас 100 миллионов крестьян, и поэтому книжка, которая напечатана меньше, чем в миллион экземпляров, в крестьянской массе даже не чувствуется. Крестьянство и не узнает, что есть такая книжка на свете.

Вместо книжки в приятной обложке и на слоновой бумаге, дайте маленькую книжечку, памятку Ленина. Или же книжечку о селькорах, в 4 — 6 страничек, написанную простым русским грамотным языком. Расскажите в ней, что такое селькор, как деревня его должна беречь, как он должен работать, чтобы о деревне узнал город, а о городе — деревня. Да пусть такая книжка действительно дойдет до Дымовки, до Холмского уезда, до любого села, где население душит темнота, где селькора преследует темная сила, где гибнут от венерических болезней тысячи людей. С роскошными книжками можем подождать этак лет 10, пока не удовлетворим насущной потребности деревни в печатном слове.

Помоги крестьянке!

Крестьянки у нас отстали от работниц по части организации. Только сейчас начинается движение среди крестьянок. Организуются крестьянки-делегатки — надо сюда направить внимание.

Мне рассказывали сегодня о работе наших делегаток. Чем они отличаются от крестьянок вообще? В церковь ходят, религиозно настроены, как и все остальные. Разница лишь в том, что когда делегатку бьет муж, так она в роде того, что протестует. Хорошо и это, хорошо, что они протестуют, когда их «не по закону» бьют. И то хлеб!

Но этого ведь нам маловато. Надо, чтобы крестьянка почувствовала себя действительно равным человеком в крестьянском обществе. Надо на крестьян повлиять, чтобы они бросили старо-

дедовские предрассудки. Напрасно они часто говорят, что верны Ильичу и тут же единым духом выпаливают: «баба — что она понимает?» Нет, тогда они, значит, ничего не поняли из того, что Ильич предлагал. Ильич учил смотреть на женщину, как на равного человека, который в труде, в работе, в жизни равноправен с каждым из нас. Такой азбуки стыдно не знать на восьмом году революции в стране, где жил, боролся и умер за крестьян и рабочих такой человек, как Ленин.

Товарищи, конечно, 8 тысяч делегаток в одной нашей Ленинградской губернии, которые пока только протестуют против побоев своих мужей, — слабенькое начало, но все-таки начало при нашей помощи нового и большого движения.

Поменьше болтологии.

В деревне еще очень много темного. Лиха беда тут начать, расположить отряды, чтоб они правильно повели атаку на темноту, на предрассудки, на нищету, на венерические болезни. Поменьше болтологии! К этому, товарищи, мы сейчас и подошли. Не болтологией надо заниматься, не только слова одни говорить о смычке.

Нужна настоящая, деловая, а не плакатная смычка. Десять тысяч тетрадок послать, пятьсот карандашей, два фунта хинина против малярии, два трактора в рассрочку устроить, помочь избачу, помочь школе, — вот это будет дело!

У нас часто увлекаются и строят различные образцовые учреждения в городах. А в деревне сколько у тебя образцовых учреждений? Ни одного. Наше общество культурной и хозяйственной смычки пусть начнет с того, что построит «образцовую» не башню, не университет, а пока только баню в деревне. Постройте хорошую (не курную) баню, и пойдет молва по всей округе — большая, чем об образцовой балетной школе в Ленинграде или в Москве.

Вот к этому нам надо давно переходить. Страну нашу еще бедную, еще неграмотную, с курными избами, — мы должны научиться подымать. Велика нужда наша во всем, и шапками мы ее не закидаем. Помните, что только рабочий и крестьянин составляют две силы, которые могут страну поднять.

Крестьянский вопрос мы с очереди не снимем.

Мы стоим на пороге 8-го года революции. Какие задачи заполнят работу предстоящего года? Нас будут занимать и вопросы международной политики и ряд других. Но несомненно, что основным, коренным будет вопрос о деревне, о помощи ей, о работе в ней.

Партия, глубоко верная заветам Ильича, поставила крестьянский вопрос во весь его рост, и партия этот вопрос не снимет

с очереди. Мы привыкли под руководством Владимира Ильича упорно биться над разрешением трудной задачи до полного ее осуществления. Мы знаем, что есть задачи, на которые надо отдать десяток лет жизни, работы, труда, усилий, энергии. Не побоимся мы и долгие годы работать над этой жизненно-необходимой задачей. Задача связи рабочего класса и крестьянства — одна из «вечных» задач большевизма, всей нашей партии, всей политики Советской власти. Работать надо, не хвастаясь, не фыркая, не падая духом от первых возможных неудач. Мы призываем на помощь для разрешения этой задачи всю нашу партию, всех передовиков-рабочих, весь рабочий класс, всю рабочую молодежь, комсомольцев, учащихся, женщин-работниц, всех, кто может, а стало быть и должен, поработать для крестьян.

Найдутся герои рабоче-крестьянской смычки!

Я спрашивал организаторов нашего общества смычки:—А есть ли у вас уже такие люди, которые увлекались бы делом смычки, которых можно было бы назвать энтузиастами этого дела, которые бы душой и телом отдались ему? Говорят: — Есть! Говорят: таких еще немного, но все-таки уже есть. Найдутся такие и в армии, и на курсах, и во флоте, и на заводе, — красноармейцы, курсанты и моряки тоже уже входят в наши общества смычки.

Задача всех задач — выискать в городе побольше таких людей. Организация деревни начинается с города, потому что в городе собраны все наиболее культурные силы, лучшие организаторы, наиболее опытные люди. В городе — газеты, издания, книги, организации и т. д. Давайте же искать в рабочей массе, в казарме, во флоте, среди учащейся молодежи, среди работниц, среди комсомольцев, — людей, которые бы не казенно, а с увлечением, с воодушевлением, душой и телом готовы были броситься в работу. Работы — океан.

Давайте искать и ставить на работу таких людей. А вокруг них, героев рабоче-крестьянской смычки, будут сплачиваться тысячи, десятки тысяч и миллионы людей. И когда мы решим это дело, мы будет самой сильной, самой могучей, самой богатой рабоче-крестьянской державой во всем мире!

ПРОФСОЮЗЫ И КРЕСТЬЯНСТВО.

(Из речи т. Зиновьева на VI Съезде Профсоюзов С.С.С.Р. в ноябре 1924 г.).

Вашему съезду предстоит обсудить один из важнейших вопросов нашей действительности — вопрос об отношении рабочего класса к крестьянству.

Нам здесь не надо намечать новой линии. Основное остается начертанным рукою Ленина. Но есть кое-что новое и в политическом, и в экономическом положении, которое вы, руководители организованного рабочего класса нашей страны, должны прежде всего взвесить. Тов. Ленин учил нашу партию и товарищей, работающих в профдвижении, тому, что не тот большевик, который думает только о рабочих, а тот, который думает обо всей стране и чувствует себя гегемоном революции, руководителем, ее основной силой. Нам с вами на этом съезде приходится принять решение о задачах рабочей политики не вообще, а о задачах рабочей политики в крестьянской стране. Вам надо намечать свою основную политику не как узко-профессиональную, а как политику рабочего класса в крестьянской стране. Только тогда решение вопроса будет не безжизненным, а подлинно большевистским.

«Ревность» к рабочим.

Мы замечаем теперь некоторую «ревность» со стороны крестьян к рабочим, то, чего не было раньше, или что было в совершенно другой форме. Кое-где мы даже имеем взаимную «ревность», т.-е. «ревность» со стороны некоторых наиболее отсталых групп рабочих к крестьянам. Но особенно опасно это чувство у крестьян по отношению к рабочим, кое-где проявляющееся и имеющее классовую основу в деревне, в кулачестве, ибо кулачество заинтересовано, чтобы разжигать ненависть крестьян к рабочим.

Тред-юнионизм и большевистское отношение к деревне.

Нам надо обрезать всякого профессионалиста, говорящего свысока: «деревенщина», «это меня не касается». Тот — узкий трэд-юнионист, кто не понимает, что мы стоим на границе двух классов и что мы поставили себе всемирно-историческую цель и в нашей стране, и в международном масштабе. Поэтому, товарищи, нам нельзя ни в каком случае пройти мимо этого вопроса.

Есть, конечно, в настроении части крестьянства и кое-что такое, в чем мы уступить никак не можем. Без сомнения, найдутся и такие крестьяне, которые думают, что 8-часовой рабочий день, это — баловство: я же работаю, мол, 16 часов во время покоса, почему же рабочий работает только 8 часов? Можем ли мы в этом вопросе уступить? Ни в коем случае. Есть вопросы, в которых мы предрассудкам крестьян не можем уступить, ибо это — только предрассудки, а крестьянство должно вырасти и понять, что 8-часовой рабочий день — основа рабочего хозяйства и благо для страны, в том числе и для крестьян. Есть целый ряд вопросов, где рабочий не может и не должен уступить предрассудкам отсталого крестьянина.

Но есть группа вопросов, вызывающих у крестьян справедливое недовольство, и над которыми мы должны задуматься. Это, прежде всего, — вопрос о ценах. Теперь частенько отдельные группы крестьян заявляют: «Мы рабочим даем хлеб по довоенным ценам, и вот мы спрашиваем вас: когда же вы дадите нам городские продукты по довоенным ценам?» Сейчас об этом говорят отдельные группы крестьян, завтра же это может сказать все крестьянство. Вот тот вопрос, мимо которого не может и не должен пройти VI съезд профсоюзов, — вопрос, который был центральным на пленуме Ц.К. нашей партии на-днях и который должен занять внимание такого видного съезда, как ваш. От него нам не отвертеться. Это уже не крестьянский предрассудок. Конечно, мы должны крестьянину объяснить, почему вопрос разрешается не так легко, почему война и блокада подорвали городское хозяйство больше, чем деревенское (все это мы можем и должны сказать), но надо памятовать, что этот вопрос стучится в окно, и мы от него не можем отмахнуться. Он к нам вернется в самой разнообразной форме. Крестьянин этот вопрос перед вами поставит. Нам незачем прятать голову под крыло, надо ясно видеть то новое, что имеется у нас в политической и экономической области, и твердо помнить, что тут нам срок отпущен небольшой. Нам об этом говорил еще на XI съезде партии Владимир Ильич. Необходимо всеми силами и рабочих, и партии, и профсоюзов, и хозяйственников вопрос этот двинуть вперед, дать на него удовлетворительный ответ, показать крестьянину, что мы действительно идем ему навстречу. Конечно, разрешение его потребует известного времени.

Вопрос о землеустройстве в деревне тоже потребует большого времени. Но есть вопросы, которые можно разрешить быстрее, где все целиком зависит от нас.

Какой советский аппарат нужен деревне.

Нам необходимо в деревне создать настоящую Советскую власть, честную, культурную, трезвую Советскую власть, без взяток, без самогонки, такую власть, какую мы имеем уже в наших основных центрах рабочего движения.

Может ли съезд профсоюзов помочь этому? Очень даже может. На первых съездах профсоюзов, на-ряду с текущей работой, на-ряду с нашей профессиональной работой стояли такие крупные вопросы, как задача организации гражданской войны. И на этом съезде мы, на-ряду с вопросами текущей повседневной профессиональной работы, не должны забывать об основном вопросе, имеющем общеполитическое значение: как помочь деревне создать честный, трезвый, культурный, дешевый советский аппарат, за который не пришлось бы нам краснеть?

Профсоюзы в деревне обязаны усилить свою работу.

Мы говорили об этом на XIII съезде партии. Мы все не без удивления узнали, что у нас есть свыше миллиона членов профсоюзов в деревне. Рабпрос имеет 211 тыс., всеработземлес — 196 тыс., сахарники — 177 тыс., горняки — 100 тысяч и т. д., и т. д., а всего вместе более 1.000.000 членов профсоюзов в деревне. Товарищи, а говоря по совести, работают ли члены профсоюзов в деревне как следует? Думали ли до сих пор серьезно об этом как партия, так и профсоюзы? Нет, мы не думали. Но это было раньше. А теперь, при новых веяниях в деревне, этот миллион членов профсоюзов должен из царства теней, бумаги, таблиц и диаграмм перейти в область практической деятельности.

Самое серьезное внимание этому вопросу!

Болдуины сами по себе нас не заботят чрезмерно. Когда мы говорим о полосе мировой реакции, мы знаем, что нашему Союзу С.С.Р. эта полоса мировой реакции непосредственно не угрожает; она угрожает больше рабочим в тех странах, где реакция начинает господствовать. Нас же мировая реакция особенно тронуть сейчас не сможет. А вот вопрос, о котором я говорил, — вопрос «ревности», недовольства крестьян в отношении рабочих, — это важное дело, на которое съезд профсоюзов должен обратить внимание именно потому, что мы с вами — не цеховики. Здесь съезд профсоюзов, состоящий из большевиков, учеников тов. Ленина. Здесь нет узких цеховиков, а есть люди, которые умеют по-настоящему постоять за нужды рабочего класса, умеют быть революционерами, большевиками; они являются достойными членами класса, осуществляющего гегемонию пролетариата,

пока, правда, только еще в одной шестой части света, но надо надеяться, что в недалеком будущем граница этой гегемонии значительно расширится.

Производительность труда — основной стержень всей нашей политики.

Вопрос об отношении рабочего класса к крестьянству подводит нас к вопросу о производительности труда. Последний также должен встать, как важнейшая задача дня. Поднять производительность труда, это — единственная возможность давать крестьянам товары по справедливой цене, и это же — единственная возможность дальше увеличивать зарплату рабочим. Пора вам покончить с тем временем, когда у нас был только плакат — «Смычка рабочих и крестьян». Смычку нужно проводить теперь практически, на деле. Эта смычка не может быть только культурной, как мы долго думали, но она должна быть культурно-хозяйственной (дневи довлеет злоба его), потому что вопрос о хозяйстве, о ценах является основным.

Наше международное положение в гораздо большей степени зависит теперь от производительности труда, чем от искусства наших красных дипломатов, и может быть нежели даже от Красной армии. Было время, когда Красная армия определяла нашу международную прочность целиком или почти целиком. Конечно, и сейчас она имеет большое значение, но в данный момент против нас войной открыто никто не может итти: руки коротки! Производительность труда может укрепить нас хозяйственно и политически, упрочив союз с крестьянством. Здесь ключ ко всему положению. Только в поднятии ее ответ на вопрос об отношениях рабочего класса к крестьянству, на вопрос о концессиях и вообще о нашем международном положении.

РАБКОР И ДЕРЕВНЯ.

(Из речи на съезде рабкоров «Правды» 5 декабря 1924 г.).

Рабкор — старший брат селькора.

Товарищи, вы должны на своем съезде поставить, как специальную задачу, вопрос о селькоре. Организация деревни начинается с города, потому что город культурнее, потому что в городе десятки рабочих организаций. Рабкор должен стать старшим братом, руководителем селькора. В этом гвоздь положения. Рабкоры действуют в своей родной рабочей среде, где родилась наша партия, где она выросла и возмужала. Мы все хорошо знаем, что у нас тысячи нитей здесь протянуты друг к другу. Правда, у нас и здесь творятся те или другие безобразия, но пресечь их гораздо легче, потому что мы в родной стихии, в родной среде.

Быть селькором — дело, несомненно, более трудное. Вот почему этому делу надо помочь из города. И этим в первую очередь должен заняться съезд рабкоров. Вы знаете, товарищи, какие преследования по отношению к селькорам происходят сейчас. Чем больше обостряется классовая борьба в деревне (а она неизбежно должна обостряться в ближайшее время), тем больше преследований обрушивается на голову селькоров. Дело дошло до того, что нельзя взять в руки ни одной газеты, чтобы не наткнуться на тот или другой случай убийства или на какие-нибудь другие формы преследования селькоров. Были случаи, когда утренняя газета приносила сообщение о двух-трех убийствах в один день. Ясное дело, что мы стоим перед явлением, над которым необходимо серьезно задуматься.

Кто такой селькор?

Селькор — представитель нового слоя в деревне, того слоя, который через голову темных сил деревни хочет протянуть руку рабочему

классу, его авангарду, подлинной коммунистической партии. За это его преследуют, убивают темные силы деревни, а иногда и кое-кто из «деревенских властей», примыкающих к этим темным силам, ведут истребительную войну против селькоров. Вот перед нами один пример, выхваченный наудачу из газетных заметок последних дней,—сообщение из Екатеринославской губернии, из села Ингульская-Каменная: «На общем собрании селян на выборах была выставлена кандидатура селькора. Председатель сельсовета Сулима на вопрос, кто такой селькор, ответил: «Селькор — враг местной власти и граждан». Товарищи, этот ответ едва ли единичный. Селькор, действительно, очень часто «враг» местной власти, поскольку эта власть попадает в такие лапы, как хотя бы в Дымовке. Мы видим, таким образом, некоторый блок между кулацкой частью в деревне и недоброкачественной частью Советской власти там же, и этот блок направлен против селькоров. Если в городе в результате нескольких чисток и многих проверок с участием беспартийных, в результате неустанной и кропотливой работы в партии по борьбе с чуждыми нам элементами мы все-таки почистили более или менее наш советский аппарат, и то, конечно, далеко не целиком (а чистить приходилось Авгиевы конюшни бюрократизма, взяточничества и произвола), то в деревне мы к этой работе только еще приступаем. Мы не можем еще по совести сказать, что у нас есть подлинная Советская власть на местах в деревне: ее нет в волости, она имеется далеко не в каждом уезде, ее почти нет в селе. Партия занята была до сих пор очередными вопросами, не терпящими отлагательства. Партия к практическому осуществлению своих очередных задач по работе в деревне еще только приступает.

Дымовка и Журихино.

Вы помните все, товарищи, о дымовском процессе. Я не стану о нем распространяться подробно, надеюсь, что все читали о нем. Он был одной из тех капель, которые переполнили чашу и заставили Ц.К. партии поставить вопрос о работе в деревне с гораздо большей настойчивостью, чем до сих пор. Дымовка показала самые темные стороны деревни. Она вскрыла нарыв, заставивший задуматься относительно состояния здоровья всего организма, ибо бывают такие недоброкачественные нарывы, хотя бы очень мелкие, но настолько недоброкачественные, что они свидетельствуют о неправильной циркуляции крови во всем организме. Дымовка была, несомненно, одним из таких чирьев, одним из таких нарывов, показавших темные стороны деревни.

Я не хочу красить все черной краской. Есть, разумеется, уже и светлые уголки. Совсем недавно я получил письмо одного селькора Иваново-Вознесенской губ., Кинешемского уезда, Журихинской волости, в 42 верстах от Иваново-Вознесенска. Товарищ рассказывает, как два года тому назад был убит первый селькор

тов. Иовлев, и он указывает, как неустанной героической работой селькоры почистили свою волость, и как она преобразовалась. Я прочитаю этот отрывок.

«У нас в 1922 году убили лучшего селькора Иовлева, но нас не устрашило это. Мы растем и крепнем, как говорится в деревне, как сталь, и имеем теперь уже бюро селькоров в нашей волости. Все, что зависит от нас, мы делаем, и укрепляем заветы Ильича. Но только мы очень много видим и слышим плохого со стороны прорвавшихся к власти негодяев; но мы скоро их вышибаем. Эти негодяи нас не любят. У нас, в Журихинской волости, было много заводчиков, которые при старом строе жили между нами, как цари, отчего наш народ так и темен. Случилась революция. У нас в 1918 году было много подлостей. Все они теперь изжиты. Наша Журихинская волость была страшна раньше всем ответственным работникам, много было убийств и т. д., много было в ней подрыва Советской власти, а теперь мы вышли на дорогу, — все бедняки и середняки за нас. Мы имеем большое доверие к ним, и они — к нам. Все они уверены, что рабоче-крестьянское правительство есть самое наилучшее для нас, но только много в нем примазавшихся волков в овечьих шкурах».

Два года назад ответственные работники не могли показаться на улице, а вот неустанным трудом новой группы селькоров удалось всю волость почистить, объединить бедняка и середняка. В то время как в Дымовке темные силы разъединили бедняка и середняка, оттолкнув совершенно середняка от низов, — в это время мы видим волость, где не только бедняки, но и середняки объединились вокруг нашего знамени. И Дымовская, и Журихинская волости лежат недалеко от крупных рабочих центров: Дымовка — в 50 верстах от гор. Николаева, а Журихинская — в 40 от Иваново-Вознесенска. Оба—крупные рабочие центры. Один рабочий центр сумел помочь своим селькорам проделать необходимую работу. Другой с этой задачей не справился.

Город должен помочь деревне организовать и укрепить селькоровское движение.

Действительная работа по укреплению деревни начнется из города, и вот почему в конце 1924 года о селькорах приходится прежде всего говорить на съезде рабкоров. Через год, а может быть и раньше, мы будем ставить эти вопросы практически на съезде селькоров, а в данный момент их надо поставить на съезде рабкоров, перед рабочими. Из таких центров, как Иваново-Вознесенск и Николаев (подобных центров у нас не мало), дело надо двинуть, развить селькоровское движение и помочь таким образом новому слою деревни подняться на ноги.

Я думаю, товарищи, что всесоюзный Съезд Советов в апреле этого года поставит, как один из специальных пунктов порядка дня, вопрос о селькорах.

Товарищи, что касается движения рабкоров, то мы при помощи рабочих организаций, при помощи нашей рабочей организованности, исчисляющей более четверти века деятельности, при помощи профсоюзов,—это дело так или иначе одолеем. Оно—более или менее на рельсах, его надо двигать только дальше, расширять и улучшать. Что касается дела селькоров, то его надо еще только поставить на рельсы, потому что вопрос о селькорах есть важнейший вопрос в смычке города и деревни.

Рабкор и рабоче-крестьянская смычка.

Чрезвычайно важной является сейчас кампания, на которой сосредоточивается внимание партии, кампания, направленная к тому, чтобы выравнять фронт между городом и деревней, закрепить связь между рабочими и крестьянами. Тут есть ряд задач, которые требуют длительного времени. Возьмите вопрос о землеустройстве, играющем большую роль в деревне: мы не можем решить его в несколько месяцев, но все же армия рабкоров может здесь многим помочь, может протолкнуть, продвинуть вперед дело. И другой вопрос — о справедливых ценах на хлеб, о правильном соотношении цен на продукты городской и сельско-хозяйственной промышленности. Этот вопрос упирается в кампанию за повышение производительности труда, он также не решается в течение месяца, ибо связан со всем ходом жизни нашей страны. Но, разумеется, полное освещение и того, и другого вопроса есть начало их разрешения.

Однако, товарищи, есть и такие вопросы в деле выравнивания фронта между городом и деревней, которые наполовину уже разрешаются, как только они получили свое освещение в печати. Это — круг тех вопросов, которые зависят больше от нас, чем от объективных условий. Я говорю о произволе в деревне, о взяточничестве, о самогоне, об отсутствии там дешевого, правильно действующего советского аппарата. Тут работа опять начинается прежде всего с города.

РАБОТНИЦА И ДЕРЕВНЯ.

(Из речи на совещании при Ц.К. Р.К.П. (б) по работе среди работниц промышленных районов совместно с Московским активом по работе среди работниц. Произнесена 16 декабря 1924 г.)

Рабкор — старший брат селькора.

Мы входим сейчас в полосу, когда вся партия повернулась лицом к деревне. Очень плохо будет, если этот поворот останется только на плакате или только в передовицах и резолюциях. Этот поворот нужно проделать в жизни.

В деревне много такого, чего не было и не могло быть раньше. Я не раз говорил о том, что в деревне зарождается настроение, которому нельзя дать окрепнуть и которое можно охарактеризовать как «ревность» крестьянина к рабочему классу. Это настроение есть и со стороны крестьянок к работницам. Мы сами не замечаем, как колют глаза деревне некоторые даже мелочи городского быта. Мы теперь слышим десятки голосов крестьянок о том, что работница в городе, когда рожает, получает три месяца отдыха до родов и после. «А сколько мы получаем? — спрашивает крестьянка, — мы не получаем двух-трех дней и должны назавтра выходить на работу». До сих пор это не долетало до крестьянок. Они так не говорили, так как были настолько забиты, что не могли подумать об этом, не знали фактов и т. д. Теперь, по мере роста связи города с деревней, уровень знаний деревни повышается. Здесь величайшее достижение революции. Обратная сторона этого явления в настоящий период недостаточно окрепшей экономики выражается в том, что деревня полураздраженно реагирует на иные стороны городской жизни.

На-днях одна небольшая беседа показала мне, как маленькие вопросы ставятся теперь совершенно по-новому. Мы платим инвалидам труда, рабочим, ставку в 3 — 4 раза большую, чем инвалидам гражданской войны, — преимущественно крестьянам. На первый взгляд — совершенная мелочь; где нам до этого, когда мы заняты Макдональдом, «Уроками Октября» и т. д. А вникните глубже, и вы увидите, насколько это значительно и существенно важно.

Как это преломляется у крестьян? Со мною беседовал по этому поводу прекрасный красноармеец. Для него не так уж больно то, что он недополучает «трешницы», как моральное чувство неравенства, чего совершенно не было несколько лет назад. Мы, как авангард рабочего класса, должны зарубить себе это на носу. Надо понять, что здесь—новая черточка в деревне, новая черточка всего нынешнего политического положения. Из таких кусочков складывается настроение лучшей части деревни, потому что красноармеец, как правило, принадлежит к передовикам-крестьянам. Инвалид гражданской войны — часто лучший представитель деревни, по которому равняется целый слой крестьянства. Это надо видеть. Он глубоко обижен даже не за «трешницу», а тем, что в рабоче-крестьянском государстве выходит такое неравенство. А казна у нас еще бедная. Всем помочь должным образом еще не на что.

На подобных примерах яснее ясного видна новая обстановка, новый переплет в деревне.

Для меня несомненно, что вопросы социального страхования мы должны будем поставить и в деревне применительно к ее условиям жизни. Это неизбежно. Несмотря на бюджетные трудности, мы должны будем такую работу проделать. Это—не то страхование, которое мы вводим от градобития, падежа скота и т. д. Некоторые виды социального страхования мы должны ввести и для деревни.

Классовая борьба в деревне разгорелась. В Царицынской губернии, например, в нынешнем году среди крестьян, говорят, организуется что-то в роде «красных сотен». Это—сотни крестьян-бедняков, объединяющихся для помощи в хозяйстве, которым губисполком помогает чем может. Такое явление нужно приветствовать. А рядом с этим мы видим организующиеся группы богатых крестьян, которые получают название «черных сотен». Между ними пойдет борьба. Сейчас она только начинается, но она будет разгораться. Нельзя этого не видеть.

В газетах пишут, что на выборах в советы все хорошо, что число избранных коммунистов растет. Но сейчас установлено, что местами число участников в выборах падает. В целом ряде мест в выборах участвовал небольшой процент избирателей. Возможно, что в связи с отсрочкой (до апреля) Съезда Советов кое-где выборы будут проводиться новые.

Политика во многом теперь решается в деревне.

В деревне множество трудностей. Деревенская проблема стоит острее, чем мы думали. Нет сейчас более трудных вопросов, чем деревенский. Все Чемберлены, все подделки писем не стоят и выеденного яйца по сравнению с этим вопросом. Тов. Ленин говорил нам, что малейшая ошибка в вопросе о крестьянстве для

нас страшнее, чем сто Колчаков, Деникиных и Врангелей, вместе взятых. Сказано было абсолютно правильно. И, оглядываясь назад, мы должны повторить: малейшая ошибка в крестьянском вопросе теперь опаснее, чем 100 Колчаков, 100 Деникиных, 100 Врангелей и плюс 100 Чемберленов и 200 Юзов. Это — вопрос решающий.

Мы должны ясно сознать, что политика не решается теперь только в городе. Она никогда не решалась только в городах в такой стране, как наша, т.-е. в крестьянской стране. Бывают отдельные моменты в политической борьбе, когда решение происходит только в городе. Отдельные решающие моменты, скажем, 25 октября 1917 года, в основном протекали и получали свой исход в городе, потому что здесь было правительство, здесь был главный враг, здесь были главные силы. Но это только исключительные моменты. А когда мы берем длительный период, в течение которого реализуется программа и переваривается опыт ряда лет, не только провозглашается лозунг, но и проводится в жизнь; когда мы берем целый период революции в такой стране, как наша,—решение происходит не только в городе, но и в деревне. Теперь мы подошли именно к такому моменту революции, когда основные вопросы нашего бытия решаются в многочисленных, разбросанных по всему российскому простору крестьянских углах. Тут мы видим много нового, чего не было до сих пор.

Крестьянин одобряет нашу международную политику. Мы должны добиться его одобрения и нашей хозяйственной политики.

Мы шагу не должны делать ни в одном вопросе — ни в хозяйственном, ни в бытовом, ни в политическом — без того, чтобы не оглянуться на деревню. Что касается международной политики, то 90 крестьян из 100 скажут, что международную политику мы ведем правильно. Крестьянин отчетливо видит это: мы царских долгов не платим, мы новых войн не затеваем, на армию мы тратим минимальные средства. Мировое влияние нашей страны растет. И крестьянин, который задумывается над такими вопросами, рассуждает так: международную политику они (эти черти, прибавляет еще кто-либо из них) ведут правильно. Самое лучшее правительство поставь, оно лучше не поведет, — это безусловно.

Такое настроение у крестьян и у беспартийных рабочих есть.

Но есть ли такое же мнение у крестьян и о нашей хозяйственной работе? Еще нет. А у массовика беспартийного рабочего оно есть? Пока еще нет. В хозяйственной области мы этого еще не добились. Центральная задача переживаемого периода — показать крестьянину и беспартийной рабочей массе, что мы и в области хозяйства являемся самым выгодным для них правительством, дешевым, дельным, энергичным, настойчивым. К этому сводится

задача всех задач. А когда в такой момент нам под руку говорят: мы, мол, рабочая партия, мы должны думать о крупной промышленности, а не о «деревенщине», — то эти люди не ведают, что творят. Они наносят ущерб *и* рабочему движению, *и* крестьянству. Они хотят благих дел, их пожелания благие, но вы знаете, что благими пожеланиями вымощен ад.

Вопрос о работе в деревне—не такой простой вопрос, как иным кажется. Это сейчас — узловая, центральная задача. Если мы сумеем разрешить этот вопрос, тогда диктатура обеспечена полностью. Не сумеем, — тогда не помогут превосходные маневры на интернациональной арене, тогда мы будем биты в самом чувствительном месте.

Работницам надо поработать не только мозгами, но немножко и локтями.

Мы много говорим об оживлении советов. Нельзя оживить советы, если не привлечь в них и значительного количества женщин. Лучшим показателем того, насколько ты оживил советы в данном уезде, в данной деревне и в данном городе, между прочим, служит цифра, показывающая, сколько ты привлек работниц и крестьянок к деловой работе в советах. Вы знаете, что многие поговаривают о необходимости декретным путем гарантировать определенный процент мест за женщинами в советских и государственных органах. На худой конец пришлось бы прибегнуть и к этому. Но было бы нежелательно пользоваться такой мерой: вы знаете, что добровольный принцип организации гарантирует гораздо большую самодеятельность. Вы должны добиться всего этого без декрета.

Передовым работницам много нужно будет поработать мозгами, в первую очередь, чтобы осмыслить свои задачи. Но, глядя на то, как неохотно раскрываются иногда перед вами двери, мы должны добавить: надо поработать не только мозгами, но немножко и локтями. Надо, как говорят, немножко распространить, раздвинуть пространство вокруг себя. Ежели «мужики» не всегда хотят потесниться добром, то маленечко потеснить их локтями не грех. *(Аплодисменты.)* Это особенно применимо к деревне. Сплошь и рядом вы увидите крестьян, даже из лучших, которые воображают, что они осуществляют заветы Ильича, что они за ленинизм, но считают необходимым, хотя бы только в праздничные дни, поколачивать своих жен. Они, видимо, полагают, что это совместимо с заветами Ильича. Это есть отчасти и у рабочих: бывает-таки кое-где. Таким чудакам надо сказать: какой же это завет Ленина! Они воображают, что заветы нашего вождя в том, чтобы только читать книжку или газету. Одна из важнейших частей ленинизма заключается в осуществлении действительного, без лишних фраз, равенства полов, в действительной необходимости поднять трудящуюся женщину, раскрепо-

стить ее. Я думаю, что передовики рабочего класса начинают понимать это, но необходимо пробить брешь в отсталой массе, необходимо тут иногда поработать и локтями, т.-е. проявить энергию, настойчивость, организованность.

О делегатском движении работниц и крестьянок.

Громадное внимание нужно уделять движению делегаток. Это движение имеет решающее значение. Цифры, коими меня снабдили товарищи, говорят, что всего делегаток у нас 208.000 (это на 1 июля 1924 г.). Говорят, что крестьянок 121 тысяча, работниц — 51.000, служащих — 20.000, домашних хозяек — 16.000. Больше половины делегаток—121.000—крестьянки. На бумаге все выходит очень хорошо, но я боюсь, что среди крестьянок тут довольно много будущих делегаток. *(Смех.)* В одном месте мне рассказывали про самодеятельность делегаток, будто она выражается пока в том, что когда муж бьет жену-делегатку, то жена протестует, она несогласна на это. *(Смех).)* Я уверен, что это не характеризует всецело работы делегаток. Но когда говорят, что у нас есть 121.000 деревенских делегаток, при чем называют этих делегаток уж действительными, то, как хотите, а я в этом немножко «сумлеваюсь». Я думаю, что их пока меньше. Но важно то, что тут мы нащупали основную форму работы. Мы будем иметь их больше 120.000, но лишь в том случае, если мы уделим достаточное внимание деревне.

«Комиссар в платочке» должен выступить и на хозяйственном фронте.

Мне кажется, мы не так далеки от задачи поголовной организации 500 тысяч работниц. Эту задачу нужно решительней закончить, но не для того, чтобы почить на лаврах, а чтобы эта основная, ленинская женская гвардия, чтобы эта легкая женская кавалерия смогла принять участие в том основном бою, который предстоит на фронте хозяйственном, на фронте культуры и быта в деревне.

В годы гражданской войны мы говорили, что судьбу войны иногда решает «комиссар в платочке», крестьянка, которая гнала дезертира из деревни, работница, которая помогала Красной армии во всех областях и умела с оружием в руках защищать Ленинград, умела в июльские дни быть лучшим агитатором за революцию, которая умела вооружать человека духовно и поставить его на службу рабочему классу. Теперь нужно разоружать и духовно, и материально растущего кулака в деревне, нужно суметь решить исход борьбы на хозяйственном фронте, нужно завоевать поголовно рабочих в городе, надо двинуться в деревню.

Помогай на деле крестьянке!

Но не по-детски организовывать это движение в деревню: наберем, мол, сто агитаторов и пошлем. От этого толку будет мало. В деревне иногда в этих случаях говорят так: вот еще пять дармоедов из города пришло. Нужно знать все вопросы деревенской жизни, чтобы деревня видела, что от тебя идет помощь. Пора нам, большевикам-ленинцам, которые хотят итти в деревню, уметь говорить не только о программе III Интернационала, о Макдональде и т. д. Ленинизм заключается в том, чтобы мы могли разобраться, где ячмень и где пшеница, и чтобы работница-большевичка, идя к крестьянке, знала, что такое птицеводство. Нужно понимать, что ленинизм заключается сейчас и в том, чтобы знать все, чем интересуется деревня. Надо, чтобы большевики сумели заняться и такими «скучными» и маленькими вопросами, без которых в деревне нельзя обойтись. Нужно итти в деревню через ворота кооперации, через «птицеводство», через лечебные пункты, школу и т. д.

Я думаю, что наши работницы, которые умеют хорошо разбираться в вопросах мировой политики, потому что революция и горе научили, и при царе проходили «университеты», что они, раз придется, раз это нужно, проштудируют и «руководство по куроводству». Это нам теперь необходимо. По всему видно, что наши руководительницы женского движения начинают это понимать, и я думаю, что рядовые работницы начнут это понимать.

Разве это — утопия, разве мы не могли бы через работницу помочь крестьянке, показать, что она, крестьянка, может при помощи работниц получить из города в рассрочку трактор? Какое впечатление это произвело бы на волость? В тысячу раз большее, чем сто плакатов. И надо, чтобы по этой своей линии крестьянка могла дойти до женской организации в городе и за поручительством, скажем, заводского комитета и при содействии женотдела получить трактор в рассрочку. Подарить мы не можем, а в рассрочку сделать мы могли бы. Я думаю, что мы это и будем делать.

Некоторые шефские организации заключают контракты с здравотделами. Одна из них ассигновала 8 тысяч, чтобы построить в Архангельской губ. врачебный пункт для борьбы с дурной болезнью, которая косит население, другая шлет средства на борьбу с малярией. Представьте себе, что работницы тоже двинули бы такую работу. Разве это не имело бы гигантского значения? Гораздо больше, чем какие бы то ни было речи. Если бы сорганизоваться настолько, чтобы не только брошюрки распространять, а в мелочах начать помогать деревне сейчас, когда мы входим в такую большую хозяйственную полосу, когда все это становится более или менее достижимым и возможным, — это было бы большое дело. Тогда и мужик поверил бы, что по этой линии можно чего-либо достигнуть.

Здравоохранение. Юридическая помощь крестьянам.

Возьмем здравоохранение. В этой области вы имеете специальные задачи. Я вижу из некоторых материалов, с которыми меня познакомили руководители нашего движения, что, напр., акушерские пункты получают крупнейшее бытовое значение. В этом деле вы наверняка больше смыслите, чем те, которые перед вами говорят. Когда работница помогает крестьянкам поставить акушерский пункт в волости, это имеет большее значение, чем две тысячи «октябрин». То же самое надо сказать и о юридической помощи.

Передо мною следующее сообщение из Кашинского уезда. Вот он—маленький кусочек быта. Работница-батрачка недополучила от хозяина 3 рубля, тот не захотел уплатить ей. Она подала в суд, судилась несколько недель. Три рубля были присуждены ей. Но когда она пожелала получить их и обратилась в соответствующую инстанцию, то получила чрезвычайно любопытный ответ. Этот документ у меня на руках. Я оглашу его полностью:

«Гражданке деревни Пищалкино Марии Ивановне Парамоновой.

На заявление ваше, поступившее ко мне 18 сего сентября, объявляю, что публичная продажа имущества гр-на Ивана Алексеева Томилина, описанного на погашение вашего взыскания по исполнительному листу народного суда 3-го района, Кашинского уезда, от 2 июня 1924 г., за № 1144, может быть назначена по представлении вами 30 р. 35 коп. на публикацию в газете о продаже и на проч. расходы по назначению имущества в продажу.

Судебный исполнитель А. Рождественский. Г. Кашин, Тверской губ.»

Характерно то, что этот судебный исполнитель, как видно из бланка «казенного письма», на котором написан ответ, при царе служил судебным приставом.

Оказывается, товарищи, что такие вещи бывают. Чтобы получить свои 3 руб., батрачка Парамонова должна предварительно внести на публикацию и прочие расходы. . . 30 руб. 35 коп.

Мы много говорим: батраки, батрачки и пр. Поставим так дело юридической помощи, чтобы можно было такие факты улавливать и предупреждать, чтобы деревенская беднота и батрачество получали действительную помощь от нашего суда. Здесь работница помочь может и должна.

Мне кажется, что новый быт складывается из того, что мы станем строить хорошие столовые на деле, а не на плакате, будем открывать общественные прачечные, двинем в народный суд большее количество работниц и крестьянок, поднимем здравоохранение и дело юридической помощи, станем через различные курсы укреплять связь работниц с партией и т. д.

Сущность нынешнего партийного спора — тоже в вопросе об отношении к крестьянству.

Мы должны сейчас в деревню итти не только как культуртрегеры, которые сами сыты культурой и несут ее и в деревню. Мы должны понять, что деревня теперь — основной фронт и для нашей промышленности, и всей нашей работы. Уже было достаточно разъяснено и в печати, что и поднять крупную промышленность мы можем, только опираясь на деревню.

Наши внутрипартийные споры на девять десятых сводятся к этому. Очень мало наивных людей в партии, которые поверят, что партия с такой страстностью спорит только из-за того, что было 7 — 8 лет назад или 15 лет назад и т. д. Спорят так бурно, потому что в действительности речь идет не о прошлогоднем снеге, не о том, что было 8 лет назад, а о том, куда теперь итти. Если было сомнение в этом отношении, то, мне кажется, после выступления тов. Преображенского и ответа ему тов. Бухарина оно отпадает.

Разумеется, мы, партия рабочего класса, знаем, что крупная промышленность — наш фундамент, что без этого фундамента мы не построим социализма; всякий знает, что здесь — основная база, и для крупной промышленности нужно отдать все, что только можно. Нужно прибавить: отдать все, что можно, без срыва союза рабочих и крестьян. И без того этот союз у нас не всегда и не везде идеальный. А кто рассуждает о крестьянстве, как о «деревенщине», кто думает, что пролетарии должны подымать промышленность, забывая о деревне, тот совершает величайшую ошибку против большевизма.

Основной наш лозунг — поднятие металла. Этот лозунг красноречиво защищался на XIII партийном съезде. Необходимо поднять металл — основу нашей промышленности. Но мы должны вспомнить, что вырабатывала наша металлургия раньше? Пушки, военные снаряжения; она работала на стратегические железные дороги, на войну. А теперь? Как можем мы поднять свой металл? Можем ли продолжать работать пушки, строить стратегические железные дороги? Ясно, что мы должны поднять металл как-то иначе, мы должны поднять его на основе внутреннего крестьянского рынка, давая крестьянину сельско-хозяйственные орудия, все то, что необходимо для деревни. Только таким образом мы должны перестроить основу тяжелой промышленности — металл.

На этом примере особенно ясно, какая тесная связь существует между крестьянским рынком и крупной промышленностью. Как авангард рабочего класса, мы знаем, что основа всех основ есть тяжелая промышленность, крупная промышленность, но вместе с тем мы знаем, — и в этом заключается основа ленинизма, — что мы диктатуру пролетариата осуществляем в крестьянской стране. Здесь гвоздь нынешнего положения. Величие Ильича заключается

в том, что он облек в плоть и кровь диктатуру пролетариата в крестьянской стране, чтобы перебросить ее и на международную арену. Если бы мы действовали на Марсе, очень может быть, что по-иному мы мыслили бы и осуществление диктатуры пролетариата. Статья тов. Преображенского, возможно, для марсиан вполне подходяща. Очень может быть, что там, на Марсе, происходит теперь тоже страстная дискуссия и голосование дает результаты, обратные, чем у нас. Может быть, там троцкизм и на месте. Но у нас, в крестьянской стране, где родился и жил Ленин и утверждается ленинизм, где три революции прошли под руководством Ленина, — у нас эта точка зрения неприемлема, она непоправима, губительна. Мы знаем наверняка, что если мы в этот момент станем смотреть на крестьянство, как на «колонию», то мы наверняка погубим революцию, рабочий класс потеряет власть.

Товарищи, я снова напоминаю вам: в деревне, в связи с ростом ее сознания, происходят процессы, о которых я уже вам говорил в общих чертах и о которых вы сами отлично знаете. И если наша партия, вместо того, чтобы учитывать эту линию развития в деревне, будет действовать наоборот, то расстояние между рабочими и крестьянами будет расти вдвое быстрее, расстояние будет увеличиваться так же быстро, как между двумя локомотивами, идущими в разные стороны. Была бы совершена чудовищная ошибка, которая с быстротой привела бы к политическому краху. Вот почему партия спорит с такой страстностью.

И, конечно, от заветов Ленина мы тут не отступим. И, конечно, связь рабочих и крестьян мы закрепим во что бы то ни стало. И, конечно, при правильной линии тут нет ничего неразрешимого. И, конечно, победа нам обеспечена.

Нашу партию с ленинского пути не собьют.

Итак, товарищи, перед нами открывается новая полоса революции. Она открылась с 1922 года, а мы ее разглядели совсем отчетливо в 1923 году. Мы вошли в полосу, когда во многом решает деревня — как раз в хозяйственных вопросах. Партия повернулась лицом к деревне. Всякому, кто хочет ее повернуть назад, кто «наскакивает» на партию, приходится дать решительный отпор. Когда на нас эффектно наскакивают и думают, что могут быстро подмять под себя старую ленинскую гвардию, мы говорим: чем эффектнее наскочешь, тем эффектнее отскочишь.

Мы думаем, что наша партия не зря училась у Ленина. Наша партия — рабочая партия, она поставила себе целью не только повторить опыт Парижской Коммуны, т.-е. восстать и героически погибнуть, она хочет победить в крестьянской стране, хочет работать и хочет помочь рабочим других стран побеждать.

VI

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И КРЕСТЬЯНСТВО

ПРОЛЕТАРИАТ И КРЕСТЬЯНСТВО В МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

(Из речи на торжественном собрании Московского актива комсомола от 24 ноября 1924 г., посвященном пятилетию К.И.М.)

К.И.М. должен овладеть крестьянской молодежью.

Чрезвычайно большая задача, стоящая перед коммунистической молодежью, относится к нам преимущественно, к союзу, действующему в нашей стране, и сводится к вопросу об овладении крестьянской молодежью. В этом отношении К.И.М., как и Коминтерн, сделал очень и очень мало. В сущности и откровенно говоря, не сделали еще почти ничего, а между тем задача эта является центральной для нашей эпохи. В деле большевизации этой задаче должно быть уделено 50 проц. внимания: 50 проц. внимания поголовной организации нового поколения рабочих в городе и 50 проц. внимания — организации молодого поколения крестьянства.

Товарищи, крестьянин во всем мире после войны не тот, каким он был до нее, и французский крестьянин не тот, каким он был раньше. После войны с ним произошла решительная перемена. Он — другой человек, другой крестьянин. То же и в других странах. Особенно это относится к молодежи.

Ленин о привлечении большинства крестьянства на сторону рабочего класса.

Я не знаю более содержательного и более важного документа, чем тезисы товарища Ленина по аграрному вопросу, предложенные им на II всемирном конгрессе Коминтерна в 1920 г. Документ этот у нас, к сожалению, слишком мало распространен, а между тем, товарищи, он прямо просится в хрестоматию большевизма. Его читаешь, можно сказать, как поэму. Здесь нет ни одного лишнего слова, ни одной лишней запятой. Действительно — классиче-

ский ленинизм, в полном, беспримесном виде. Разрешите мне, товарищи, огласить этот документ. Ленин говорит так:

«Только городской и промышленный пролетариат, руководимый коммунистической партией, может избавить трудящиеся массы деревни от гнета капитала и крупного помещичьего землевладения, от разрухи и от империалистских войн, неизбежных снова и снова при сохранении капиталистического строя. Трудящимся массам деревни нет спасения иначе, как в союзе с коммунистическим пролетариатом, в беззаветной поддержке его революционной борьбы за свержение ига помещика (крупных землевладельцев) и буржуазии.

С другой стороны, промышленные рабочие не могут выполнить своей всемирно-исторической миссии освобождения человечества от гнета капитала и от войн, если эти рабочие будут замыкаться в узко-цеховые, в узко-профессиональные интересы и самодовольно ограничиваться хлопотами об улучшении своего, иногда — сносно-мещанского положения. Именно так бывает во многих передовых странах с «рабочей аристократией», которая является основой, якобы, социалистических партий II Интернационала, представляя на деле злейших врагов социализма, предателей его, мещанских шовинистов, агентов буржуазии внутри рабочего движения. Действительно революционным, действительно социалистически действующим классом пролетариат является лишь при условии, что он выступает и поступает, как авангард всех трудящихся и эксплоатируемых, как вождь их в борьбе за свержение эксплоататоров, а это невыполнимо без внесения классовой борьбы в деревню, без объединения трудящихся масс деревни вокруг коммунистической партии городского пролетариата, без воспитания первых последними».

Владимир Ильич переходит дальше к классификации крестьянства во всех странах. Он делит эксплоатируемое и трудящееся крестьянство не только в нашей стране, но и в странах с более развитой промышленностью, чем наша, на три группы: во-первых, сельско-хозяйственный пролетариат, наемные рабочие, которые изыскивают средства к жизни поденной работой и работой по найму. Во-вторых, полупролетариат, который снискивает средства к жизни частью наемной работой, частью трудясь на собственном или арендуемом клочке земли. В некоторых странах нет строгой грани между первой и второй группой. В-третьих, мелкое крестьянство, т.-е. мелкие землевладельцы, владеющие на праве собственности или аренды такими небольшими участками земли, которые еле покрывают потребность их семьи и хозяйства, и не прибегающие к найму чужой рабочей силы. Среди этого слоя неизбежны отчасти колебания, но при умелой политике пролетариата он может быть привлечен на сторону пролетарского переворота.

Тов. Ленин отмечает, что, будучи взяты вместе, три указанные группы деревенского населения составляют во всех странах мира большинство крестьянства.

Все три группы тов. Ленин считает вполне возможным завоевать для пролетарской революции. Что же касается «среднего крестьянства», т.-е. мелких землевладельцев, тоже владеющих на правах аренды или собственности небольшими участками земли, но такими, которые при капитализме дают не только скудное содержание семьи, но известный излишек, способный, по крайней мере, в лучшие годы превратиться в капитал, и прибегающих довольно часто к найму чужой рабочей силы, — то по отношению к нему в ближайшем будущем или в начале пролетарской диктатуры пролетариат должен прибегнуть к задаче нейтрализации его. Но указанные выше три группы эксплоатируемого и трудящегося крестьянства, составляющие большинство крестьянского населения, — эти три группы могут быть привлечены на сторону революции.

Вот это, товарищи, надо зарубить себе на носу всем коммунистам нашей собственной страны, и, в особенности, всем коммунистам более промышленных стран, где так еще сильны старые «добрые» социал-демократические традиции и воззрения, якобы марксистские, но в самом деле ничего общего с марксизмом не имеющие предрассудки.

Социал-демократия пыжится: «деревенщина, мол, нас не касается. Мы—его величество городской пролетариат, мы не будем интересоваться деревней, мы будем перепрыгивать чрез деревню и т. д.». Настоящий ленинизм не только в приложении к нашей стране, где преобладает крестьянство, но и в приложении ко всем странам мира заключается в том, что преобладающая масса крестьянства, — три перечисленных тов. Лениным основных группы его, — должна быть завоевана промышленным пролетариатом и, стало быть, коммунистической партией, а также ее молодым крылом, идущим ей на смену отрядом, коммунистической молодежью, К.И.М. Вот эту задачу, товарищи, необходимо поставить в центре нашего внимания.

Во время прошлогодних споров в нашем собственном Союзе (С.С.С.Р.) по вопросу о роли крестьянства никому не пришло почему-то в голову процитировать эти золотые слова тов. Ленина, из которых ни одной запятой не выкинешь, которые так и просятся в хрестоматию ленинизма и дают ключ к решению важнейшей задачи нашей эпохи. Тем более необходимо напомнить эти слова теперь, когда наш комсомол делает первый, очень серьезный шаг по пути завоевания нашей собственной деревни, и когда К.И.М. готовится произвести первую контр-атаку против мировой контрреволюции и сделать первые серьезные шаги к завоеванию деревни.

Деревня после империалистской войны, повторяю, не та, какой она была до империалистской войны. Деревня разбужена войной. Мы имеем сейчас громадный сдвиг в деревне, даже в целом ряде чисто-промышленных стран, с наибольшим преобладанием промышленного пролетариата. Вот почему одна из наших центральных задач, первая после завоевания рабочей молодежи и молодого

поколения рабочих вообще, заключается в том, чтобы вы твердой ногой вступили в деревню. И опять-таки вы должны знать, что нам в деревне трудно будет завоевать более пожилое, старшее поколение крестьянства. Мы знаем это по опыту С.С.С.Р. Но молодое поколение крестьянства мы можем и должны завоевать.

Во всех трех группах крестьянства, о которых говорил тов. Ленин, что они поддаются завоеванию, во всех этих группах добрых 50 процентов составляет молодежь. Если каждая из перечисленных групп, взятая в целом, подлежит завоеванию, по мнению тов. Ленина, то в гораздо большей степени это относится к их молодой части, к десяткам миллионов крестьянской молодежи, находящихся во всех этих трех группах в разных странах. Совершенно ясно, что сюда должно быть устремлено внимание всех тех секций К.И.М., которые хотят не только говорить о большевизации, но стать на деле большевистской секцией, которые хотят не только воспевать гимны нашей революции, но и научиться коечему у этой революции, и прежде всего научиться тому, чему учил вождь наш и учитель — тов. Ленин.

Работа в колониях.

На том же II конгрессе Коминтерна приняты были замечательные, непревзойденные по глубине заключенной в них мысли, предложения Владимира Ильича о работе в колониях и полуколониях. Наш Коминтерн только делает первые робкие шаги на Ближнем и Дальнем Востоке в колониальных странах, в тех странах, где живут сотни миллионов людей, как в Китае, о которых в последний год жизни нам все настоятельнее и настоятельнее напоминал тов. Ленин. Вспомните его последние письма, статьи, завещания, где он не раз и не два указывал на то, что судьбы мировой революции в последнем счете решаются на Востоке, ибо там живет большинство человечества, угнетенное империализмом, там находятся основные глыбы человечества. Коминтерн в этих странах делает только первые шаги.

Колонии и полуколонии Ближнего и Дальнего Востока на 90 процентов заселены крестьянами. Это снова подтверждает ту мысль, что вопрос об отношении к крестьянству есть одна из основ нашей работы. Кто допускает здесь хоть малейшую фальшь, тот обрекает себя механически на то, чтобы видеть вещи не в настоящем виде, и делать, таким образом, ошибки за ошибками.

Библиотека Института В. И. Ленина

2р. 50к.

Цена ~~45~~ к.

1879